

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ВОЛЧЬИЙ РУБИН

Ольга ГРЕБНЕВА

Самиздат

Проснувшись в незнакомом месте с частичной амнезией, бывший «защитник Отечества» Влад Комольцев становится участником странного Эксперимента. Врата переносят Влада в неизвестный мир, где он вынужден стать участником военных действий между оборотнями и Римской инквизицией. На чьей стороне правда — неизвестно, а выбирать надо прямо сейчас.

Ольга Гребнева
ВОЛЧИЙ РУБИН

Перед глазами маячил серый потолок, неприятно дребезжали лампы дневного света.

Влад сел на кровати, поморщившись от боли в мышцах.

Почесал в затылке, взъерошив ёжик русых волос.

Замер, задумавшись.

С силой провёл ладонями по лицу, словно пытаюсь снять маску.

Потёр шрамик, наискось идущий через левую бровь.

Короче говоря, совершил все жесты, которые могли помочь собраться с мыслями. Но ни одно из привычных движений не помогло вспомнить, как он оказался в этой пустой комнате, лежащим на страшно неудобной металлической кровати, под тоненьким шерстяным одеялом, не спасающим от холода одетого в одни плавки парня, уставший, словно вчера совершил марш-бросок с полной боевой выкладкой. Более того, амнезия, похоже, распространилось не только на вчерашний день. Парень ощущал странную пустоту в мозгах, где не осталось воспоминаний ни о себе, ни о друзьях и родственниках, ни о событиях собственной жизни.

Помотав головой, в которую словно насовали мокрую слежавшуюся вату, Влад огляделся. Небольшая комната без окон с металлическими стенами, полом и потолком. На спинке кровати висит аккуратно сложенный комбинезон, того же неопределённого серого цвета, что и всё вокруг. На полу рядом — тяжелые армейские ботинки, стоящие абсолютно параллельно друг другу, как будто их не снял лежащий спать человек, а аккуратно поставила чужая рука. Он потянулся к одежде, как вдруг откуда-то сверху, из невидимого динамика, ударил по больной голове голос:

— Следуйте за оранжевой стрелкой.

Интонации были настолько властные, что Владу непроизвольно захотелось выпрямиться и встать по стойке «смирно».

«Можно подумать, здесь богатый выбор, куда пойти», — подумал парень, глянув на замигающую на полу стрелочку, указывающую на единственную дверь.

— Следуйте за оранжевой стрелкой.

— Одеться хоть дайте... — непонятно к кому обращаясь, пробормотал он.

Оранжевая стрелка пульсировала на полу с раздражающим однообразием. Пока Влад облачался в комбинезон, неживой голос успел ещё пару раз повторить ту же самую фразу. Тяжёлая металлическая дверь комнаты открылась без усилий, стрелки, мигая, указывали направо, скрываясь за поворотом. Влад замер на пороге комнаты, пытаюсь составить в голове хоть одну связную мысль. Но в мозгу крутились лишь глупо однообразные вопросы типа: Где я? Что это за место? Как я здесь очутился? И даже: кто я такой?

— Следуйте за оранжевой стрелкой, — вновь вклинилось в размышления.

— Чтоб вам всем провалиться! — Влад решительно шагнул налево по коридору, исключительно из чувства противоречия, которое, однако оказалось не лучшим советчиком — пройдя метров двадцать, он упёрся в дверь. Подёргал её, потолкал. Ноль эффекта.

— Следуйте за оранжевой стрелкой.

Отсутствие выбора стало очевидно, да и любопытство подстёгивало, а глядя в закрытую дверь, не узнаешь ничего. Влад круто развернулся на пятках и зашагал обратно. Миновав «свою» комнату, он двинулся дальше по коридору вдоль мигающих указателей.

Однообразно-унылые серые стены и режущее глаз освещение навевали ассоциации то ли с тюрьмой, то ли с психбольницей. Указания из динамика больше не звучали, наверное, потому, что он шёл в требуемую сторону, и вокруг Влада сомкнулась тишина. Стерильный воздух, лишённый каких-либо запахов и сквозняков, казался мёртвым и душным. Следующая встретившаяся дверь оказалась открытой, и стрелки заворачивали в неё.

Влад остановился буквально в двух шагах от порога, решая, что делать дальше. С его точки зрения помещение, расположенное за дверью, не просматривалось. Голова болела всё сильнее, и никаких мыслей по поводу происходящего в ней так и не появилось. Тишина становилась уже невыносимой.

— Следуйте за оранжевой стрелкой! — Влад вздрогнул от неожиданности. Ему показалось, что указатели стали мигать чаще и ярче.

— Была — не была... — он шагнул в дверь.

Комната оказалась не в пример более уютной, чем та, где он очнулся. Мягкое ковровое покрытие, роскошные тиснёные обои на стенах, массивный стол в центре (похоже, из натурального дерева), заваленный бумагами и папками. За столом сидел мужчина в черной форме. Немолодой, лет пятидесяти, судя по погонам — в звании генерала. Влад автоматически начал выискивать особые приметы во внешности, наверное, от недостатка зрительных впечатлений. Волосы — тёмно-русые, телосложение — атлетическое, глаза...

Незнакомец посмотрел на Влада, и от этого взгляда почему-то по спине побежали мурашки. Влад отвел взгляд, и думать забыв о том, какой цвет глаз был у военного.

— Присаживайтесь, — сухо сказал хозяин кабинета.

«Наверно, всё же тюрьма», — подумал Влад.

— Кто вы такой? Где я? И что, чёрт возьми, вообще происходит?! — резко спросил он и испугался собственного хриплого, срывающегося голоса.

Ответа не последовало. Незнакомец взял из самой большой стопки папку, раскрыл её, перевернул пару листов.

— Итак, сержант Владислав Комольцев. 27 лет. Русский. Вероисповедание — неопределённое, политические взгляды — лояльные. Сексуальная ориентация — гетеро. Курит. — Глаза Генерала (так его про себя окрестил Влад) на миг оторвались от бумаги.

Влад понял, что в этих коротких фразах заключено всё, что он помнит о себе. Ничего нового ему не сообщили. Он осознал, что до сих пор стоит, как дурак, на пороге, а в коленях вдруг возникла неприятная слабость, в висках зашумело. Поэтому он счёл за лучшее воспользоваться приглашением и опустился в кожаное кресло для посетителей.

— Что происходит? — повторил он. Голос, к счастью, стал слушаться лучше и звучал уже не так панически, как раньше.

— Вы по решению трибунала приговариваетесь к высшей мере наказания за совершённые вами преступления, — голос Генерала был равнодушным и холодным. — Однако, вам повезло. Вместо обычного расстрела вас ждёт Эксперимент.

— Что я сделал? В чем меня обвиняют? — мысли Влада скакали, колотясь об стенки черепной коробки.

— Вас уже не обвиняют. Приговор вынесен. Не перебивайте! — попытки Влада вставить хоть слово были пресечены властным жестом руки. — Сейчас вы пройдёте в соседнее помещение, склад, получите снаряжение. Затем проследуете в Зал Эксперимента.

— Но...

— Вы, конечно, вправе отказаться от участия в Эксперименте и предпочесть встать к

стенке. — Генерал с интересом воззрился на приговорённого, ожидая решения.

Комольцев осознал, что умирать совсем не хочется, и помотал головой:

— Нет, я не буду отказываться.

— Ну вот и хорошо. Однако у меня нет времени вести длительные диалоги с каждым военным преступником. Если вы в течение минуты не проследуете на склад, то отправитесь на Эксперимент без снаряжения, — в голосе лязгнула сталь.

Влад в сердцах сплюнул на ковёр, досадуя, что ничего ему путём не рассказали, и вышел из кабинета. Оранжевая стрелка, дружелюбно подмигнув, указала на следующую по коридору дверь.

Фляжка армейская (0,5 л).

Расческа плоская.

Тюбик зубной пасты.

Зубная щётка.

Аспирин (6 таблеток).

Бинт стерильный (1 штука).

Лейкопластырь (1 рулончик).

Сигареты (1 пачка).

Моток верёвки.

— И это всё? Вы что, шутите? — осведомился Влад, оглядывая кучку вещей на столе.

Тщедушный лысоватый старичок, заведующий складом, хмыкнул:

— А вы хотели, молодой человек, чтобы вам выдали всё, чего душа пожелает? Включая огнемёт?

Влад не стал отвечать, что именно этого он и хотел, угрюмо побросал в вещмешок своё скудное снаряжение. «Надо всегда сосредотачиваться на плюсах. Всё-таки верёвка, аспирин, пластырь, фляжка — несомненно полезные вещи. Да и пачка сигарет — большая удача. Без расчёски я бы, конечно, не умер, — в очередной раз провёл ладонью по коротким волосам. — Но зубы вовремя почистить всегда приятно».

— Желаете переодеться в более привычную одежду? Там, — старичок махнул рукой на дверь в соседнее помещение, — есть форма всех существующих армий, а также всякие удобные спортивно-туристические шмотки.

Когда Влад вышел оттуда в камуфляже, бушлате и сапогах, хранитель склада одобрительно кивнул и пробормотал под нос:

— Сразу видно, младший командный состав, — а громче добавил, — Дальше по коридору проходите.

В очередной комнате Влада встретил совсем молоденький рядовой, который торопливо распахнул перед ним тяжёлую металлическую дверь, ведущую в огромный зал. В центре помещения возвышалась необычного вида конструкция — блестящая арка на полуметровом постаменте.

Дверь глухо лязгнула за спиной приговорённого, и голос из динамика произнёс:

— Займите место под аркой. Обратный отсчёт — двадцать секунд. Девятнадцать... Восемнадцать...

Влад решил не искушать судьбу и поднялся на возвышение. Одновременно со словом

«один» в зале мигнул свет, раздался треск, похожий на звук электрического разряда. В голове у Комольцева зашумело, комната поплыла перед глазами. Последнее, что зацепилось за поверхность уходящего сознания, — гладкий металлический пол, ткнувшийся в щёку.

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины,
Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!*

Данте Алигьери

Комар, примостившийся на щеке, судя по всему, был крайне голодным и оттого злым. Именно зуд от укуса привел Влада в сознание. Он хлопнул по больному месту, оборвав последнюю в жизни гнусного насекомого трапезу. «Откуда в закрытом помещении без окон комары?» И еще не успев додумать мысль до конца, Влад понял, что вокруг уже не зал с металлической аркой. Совсем рядом в сгущающихся сумерках толпились вековые деревья, почти целиком закрывающие кронами небо. Вечерний воздух пах какими-то цветами, подгнившей древесиной и свежей, чуть влажной травой. Кстати, лежать на земле оказалось совсем неприятно: одежда на правом боку уже изрядно пропиталась росой, да к тому же несколько веточек чувствительно впивались в тело.

Влад огляделся, убедился, что вещмешок в целостности и сохранности лежит в паре шагов, быстро сделал несколько приседаний, пару раз отжался, помахал руками. Кровь побежала быстрее, согревая заочневшие мускулы. «Где ж это я очутился? Судя по всему, пресловутый Эксперимент начался. Знать бы, в чём он заключается, — размышлял он уже на ходу, потому что стоять на месте было прохладно. — Если я что-нибудь в чём-нибудь понимаю, то это Эксперимент по выживанию. Дескать, вот тебе минимальный инвентарь, и побегай по незнакомому лесу. Да еще и с полной амнезией». Влад шёл медленно, приглядываясь к стволам деревьев в поисках мха, чтобы определиться хотя бы со сторонами света. Мха было в избытке, но рос он почему-то не с какой-то одной стороны, а практически везде. После минут десяти изысканий, достойных настоящего следопыта, Влад с некоторой долей вероятности решил, что север находится по левую руку, а прямо по курсу — восток. На душе стало спокойней, но практической пользы не принесло — всё равно не было точки отсчёта пути.

Тем временем ночь окончательно вступила в свои права. Владу пришлось сбавить темп ходьбы, чтобы не расшибить лоб о не вовремя подвернувшийся ствол. Тоненький серп новорождённой луны, изредка мелькавший среди дубовых крон, был бессилён хоть что-нибудь осветить. Под ноги постоянно подворачивались звериные норки, низкие ветки норовили выколоть глаз, а колючие кусты цеплялись за одежду и оставляли на лице и ладонях дорожки мелких, но болезненных царапин. Минут через двадцать такого противостояния человека и леса Влад сдался и присел на поваленное дерево, решив, что лучше замерзнуть, чем сломать шею. Тем более всё равно непонятно, куда стремиться, к какой неведомой цели.

Он оперся спиной о толстый ствол, пристроил вещмешок на коленях, чтобы уберечь от ночной сырости, и решил немного подремать. Однако это оказалось не так-то просто: лес не хотел дать покоя чужаку, вторгшемуся под его сень. Со всех сторон слышались странные, порой пугающие шорохи, хрусты и крики ночных птиц (а может животных). Владу на ум сразу же начали приходить мысли о голодных хищниках, ядовитых змеях и неуспокоенных душах. Да и усталости особой не было — всего-то около часа, как в себя пришел. Сон решительно отказывался приходить, а вот бодрящий холодок зря времени не терял — забирался под бушлат и веял сыростью от земли и подгнившего бревна. «Нет, уж лучше идти, хоть какое-то развлечение. Буду осторожненько, медленно, не спеша». Повторяя про себя эту фразу, как литанию, Влад двинулся дальше: «Не спеша... Аккуратно... Веточку в сторонку... Через буреломину перешагнём... Осторожненько... А, чёрт!!» Палка под ногой хрустнула,

пятка неудержимо поползла вперёд, скользя на мокрых листьях. Влад, не удержав равновесия, проехался на собственном заду и оказался в неглубоком овражке. При попытке встать щиколотку пронзила острая боль. «Так, на сегодня, похоже, отпутешествовался...» Он с досадой выругался и крикнул в звёздчатое небо:

— Ну что, экспериментаторы, довольны своим подопытным кроликом? Или уже жалеете, что не выдали мне ножа, фонарика и спичек?

Упоминание о спичках закономерно вызвало мысль о сигаретах — таких доступных (только руку в вещмешок запустить!), но бесполезных без источника огня. Курить хотелось зверски, и это окончательно испортило Владу настроение. Но упиваться сочувствием к собственной несчастной судьбе — занятие абсолютно бесполезное, оно не поможет ни согреть промозглый лесной воздух, ни унять боль. Поэтому горе-следопыт медленно и аккуратно стащил сапог с пострадавшей ноги. Скучного лунного света было недостаточно, чтобы осмотреть повреждение, но на ощупь казалось, что щиколотка распухла как минимум вдвое. Влад соорудил из портянки тугую повязку, вновь обулся и встал, обхватив ближайшее дерево. Осторожно перенёс вес тела на больную конечность. Неприятно, но терпеть можно. Ещё бы какую-нибудь палку приспособить в качестве трости... Опять присев, он пошарил руками по земле в поисках подходящей деревяшки.

Двигаться по пересечённой местности с больной ногой, пытаясь опираться на жалкое подобие дорожного посоха, сделанного из не очищенной от коры толстой ветки, — занятие для мазохистов. Влад с большим трудом выбрался из овражка, ставшего виновником травмы, прошел ещё метров двести и в изнеможении присел на землю. Перед глазами плавали цветные пятна, щиколотка пульсировала болью, в ушах приливными волнами шумела кровь, заглушая лесные шорохи. Наверное, поэтому он не сразу обратил внимание, что звуки стали более... упорядоченными и знакомыми. Судя по звуку, приближался человек, не таясь, похрустывал веточками.

Влад опомнился только тогда, когда прямо перед ним проявился силуэт. Разглядеть в подробностях было трудно. Вроде бы высокий мужчина, одетый во что-то спадающее до земли, то ли плащ, то ли в какой-то балахон. Замерев на границе поляны, незнакомец будто бы внимательно рассматривал вторгшегося в его лес пришельца. Влад перехватил свой «посох» поудобнее, чтобы в случае нападения использовать его как дубину, и громко спросил:

— Эй, ты кто?

Сам тут же почувствовал неуместность этого вопроса. Сейчас гораздо важнее определиться с собственным местонахождением и получить медицинскую помощь, желательно квалифицированную. Поэтому почти без паузы продолжил:

— Ты не мог бы позвонить в «скорую»? Я тут ногу здорово растянул.

Но ни первый, ни второй вопрос не вызвали у незнакомца никакой реакции — молчание, ни одного жеста. Вдоль позвоночника Влада пробежали мерзкие холодные мурашки, хоть он и не считал себя суеверным, но во всей окружающей атмосфере было что-то жуткое, чужое. И это ощущение подкрепилось странным, неприятным чувством в висках — как будто внутреннюю поверхность черепной коробки исследуют чьи-то осторожные, но назойливые пальцы. Влад потёр лицо левой рукой, пытаясь стереть след призрачных прикосновений, а в это время человек в чёрном плаще чётко произнёс короткую фразу на незнакомом языке. Только через пару мгновений Влад понял, что он сказал:

— Я помогу тебе. — Смысл слов словно сформировался прямо в мозгу.

Незнакомец подошёл к Владу, и прежде чем тот успел хоть как-то среагировать, подхватил под плечо и помог подняться с земли. Ростом он оказался почти на голову выше Комольцева, а силы в руках было гораздо больше, чем можно ожидать при худощавом телосложении. В первую секунду Влад инстинктивно дёрнулся в сторону, но действия нежданного помощника не несли в себе угрозы, да и выбора, в принципе, не оставалось.

Лес, раньше грозный и враждебный, больше не цеплялся руками-ветками за одежду, а наоборот, расступался перед людьми, чуть поглаживая их по спинам, словно желая счастливого пути. Дорога оказалась недолгой, деревья вдруг закончились, и взгляду предстала огромная, заросшая высокой, по колено, травой поляна. На дальнем краю открытого пространства притулилась одинокая деревянная постройка, которую Влад с такого расстояния не мог разглядеть. Но это явно не была окраина города или хотя бы деревни, скорее сторожка лесника.

— Эээ... Послушай, а до города далеко? Мне бы в больницу надо. — Реплика осталась без ответа.

Домик был срублен из громадных дубовых бревён, уже изрядно потемневших от времени. Слева, словно опираясь на плечо старшего брата, ютился убогий сарайчик без окон. На огороженном покосившимся плетнём участке, которому, по-видимому, полагалось быть огородом, росла такая же высокая трава, как на остальной поляне, и было непонятно, зачем вообще ставился забор. Всё выглядело не то что бы заброшенным, но каким-то древним, угрюмым, мрачным... Влад приостановился, не заходя за забор, чуть оттолкнул от себя руку своего спутника, так, чтобы это не выглядело грубым, но в то же время, чтобы дать понять — дальше он идти не собирается. Человек в чёрном отстранился, удивлённо поднял бровь.

— Чёрт возьми! Ты можешь просто ответить на вопрос? Что это за место? Где ближайший город? Кто ты сам такой?

— Мой дом. Рим в дне пути отсюда. Меня зовут Конрад. А теперь может всё-таки войдёшь?

Не дожидаясь реакции, он пошёл к крыльцу. Влад пару минут простоял на месте, настороженно оглядываясь, но наваждение ушло: обычный дом, старый, конечно, но вовсе не зловещий, вон в окне отблеск живого пламени виднеется, а что помидоры и огурцы не растут, так это ещё не повод подозревать хозяев в чём-либо предосудительном. Он захромал к двери, уже предвкушая, как он сейчас присядет в кресло, удобно устроит больную ногу... и выяснит, наконец, что вокруг происходит.

Однако кресел, ковров и пледов, не говоря о прочих достижениях цивилизации, в комнате не оказалось. Всю обстановку составляли стол, две деревянные скамьи, камин с уютно потрескивающими дровами да полки на стенах, уставленные какой-то домашней утварью. На столе стоял закопченный котелок с чем-то мясным, судя по аппетитному запаху, и массивный канделябр с двумя толстыми оплывшими свечами. Влад сглотнул слюну и поймал себя на мысли, что в течение того отрезка своей жизни, который помнит, не ел он ни разу. Конрад выжидательно посмотрел на вошедшего и, видя его нерешительность, жестом пригласил гостя присесть и отведать кушанье.

Влад опустил на скамью напротив хозяина, пытаясь решить, чего ему хочется больше — изничтожить содержимое котелка или расспросить нового знакомого. После краткого размышления он принялся за... пожалуй, всё-таки ужин, хотя трудно определить правильное

название трапезы, происходящей далеко за полночь. Влад одновременно бросал взгляды на своего визави, пытаясь получше рассмотреть его. Очень бледная кожа, оттеняемая длинными темными волосами. Худощавое лицо чуть тронут морщинками, но не кажется старым, хотя из чёрные глаза, казалось, видели не одно тысячелетие. Весь он казался живым воплощением окружающей ночи и векового леса. Рассудок говорил, что такого человека стоит опасаться, однако Влад чувствовал себя на редкость спокойно и уверенно, не ощущая никакой угрозы со стороны хозяина дома.

Он не смог сдержать любопытства и начал разговор в промежутках между укусами:

— Меня зовут Влад. Тебе может показаться странным то, что я спрошу — где я? В смысле какая это страна?

— Италия, — ответ снова будто сформировался в мозгу, наполнив сутью слова неизвестного языка.

Влад помотал головой, пытаясь избавиться от лёгкого шума в висках.

— Ты ведь не на русском говоришь. Почему я тебя понимаю?

Конрад криво усмехнулся:

— Я хорошо владею ментальной магией.

— Магией?! — Кусок встал поперёк горла, и Влад закашлялся. «Это галлюцинации начинаются. А на самом деле я лежу себе преспокойненько под металлической аркой без сознания... Или на прозекторском столе... — От последней мысли его передёрнуло. — Нет, уж лучше в сказке, где существует волшебство».

Сытная еда уютно улеглась в желудке, от камина веяло приятным теплом, давали о себе знать усталость и стрессовые обстоятельства Эксперимента, и почти сразу после начала разговора Влад начал клевать носом. Конрад игнорировал большинство вопросов, упорно отмалчиваясь и присматриваясь к гостю. Его глаза то в упор впивались в лицо, словно пытаясь залезть под черепную коробку, то устремлялись вдаль, на ночной лес, виднеющийся в окне. Где-то вдали тоскливо завыл волк...

— Как прошла отправка?

— Технически всё успешно, без сбоев, — Доктор отхлебнул обжигающий кофе, подумав про себя: «Даже удивительно для первого раза. Учитывая, насколько фрагментарные сведения о технологии были у меня на руках». — Портал раскрылся почти мгновенно, объект заброшен в рассчитанный квадрат. До цели ему где-то три, максимум четыре дня пути, если идти напрямую. — Он сделал паузу для ещё одного глотка. — Естественно, прямо туда он не направится, так что, как я рассчитываю, нам придётся ждать дольше.

— Насколько дольше? — недовольно поинтересовался Генерал.

— А этого я пока что сказать не могу.

— Плохо. Ладно, докладывать мне ежедневно, а при каких-либо неожиданностях — в любое время суток.

Влад хотел ещё понежиться в кровати — так приятно после долгих бесцельных блужданий просто полежать, никуда не спеша. Стоп! Никакой кровати — под боком узкая дубовая скамья, укрыт он собственным бушлатом, а вместо подушки под головой — рука. События прошедшей ночи в безумном танце пронеслись перед мысленным взором: приговор, начало Эксперимента, негостеприимный лес, подвёрнутая нога и ночной разговор с Конрадом.

Выяснить у малообщительного собеседника удалось немного: страна, куда, судя по словам хозяина дома, попал приговорённый — Италия — и её столица Рим были вполне реальными географическими объектами. Однако существование телепатии (магии, как предпочитал называть её Конрад) казалось по меньшей мере странным, да и обстановка выглядела изрядно необычно.

Сейчас в окно лилось солнечное сияние, явно было около полудня. Слышался громкий птичий щебет. Влад блаженно потянулся — несмотря на жёсткость ложа, он умудрился неплохо выспаться. При свете дня комната выглядела совсем не зловеще и не таинственно, только немного заброшенно. Под потолком в углах блестела паутина, на полу валялись мелкие веточки и несколько сухих листьев. Кроме того, из комнаты, оказывается был ещё один выход — небольшая низкая дверка в противоположной стене. Влад, оглядевшись, не смог сдержать исследовательского интереса и хотел заглянуть в соседнее помещение, но дверь не поддавалась. Всё остальное было по-прежнему. Погасшие угли в камине, канделябр и пустой котелок на столе. Никаких признаков присутствия Конрада не наблюдалось.

Влад вышел на улицу, глубоко вдохнул пряный лесной воздух, сделал пару наклонов и махов руками, чтобы размять не вполне проснувшееся тело. Заметив скрывающийся в траве колодезный сруб, решил использовать по назначению зубную пасту и щётку, чтобы извлечь из бестолково подобранного инвентаря хоть какую-то пользу. Ополоснув лицо и почистив зубы, Влад пришёл к выводу, что жизнь не такая уж плохая штука. «Только курить охота зверски! Может, там угольки не совсем погасли?» Надежда, конечно, призрачная, но проверить стоило. Парень весь извозился в пепле и саже, пытаясь раздуть в очаге хоть маленькую искорку пламени, но всё было тщетно.

— Проклятье! — в сердцах выругался он, сжимая в пальцах бесполезную сигарету.

Повернувшись, Влад в изумлении замер на месте. На крыльце стояла девушка, с интересом разглядывающая его. Длинные, очень светлые, почти белые, волосы. Высокая, худенькая, какая-то бесцветная, но очень милая. Лёгкое, почти просвечивающее платье, то ли белое, то ли светло-серое. На лице — удивление и любопытство. Влад заметил это всё как-то сразу, одним взглядом.

— Простите, — он пытался аккуратно засунуть сигарету обратно в пачку. — Меня Конрад в гости пригласил. — Слова звучали немного неправильно и не совсем точно отражали произошедшее, но лучшего парню на ум не приходило.

Девушка улыбнулась и что-то произнесла с вопросительной интонацией. Влад пожал плечами:

— Не понимаю.

Она нахмурилась, между бровями залегла морщинка. Прикоснулась к груди рукой и снова что-то сказала, очень мелодично, но слишком быстро — звуки проскользнули по

границы слуха и не задержались в памяти Влада. Он отрицательно помотал головой. Девушка повторила жест и слово, но медленнее:

— Лионелла.

Парень смекнул, что это её имя, и тоже приложил ладонь к груди, чувствуя себя путешественником, устанавливающим контакт с аборигенами:

— Влад.

— Вла-ад, — повторила собеседница, певуче растянув гласную, и опять улыбнулась.

Возникла пауза, и парень поймал себя на том, что внимательно разглядывает девушку, а точнее, откровенно пялится. А она, ничуть не смутившись от такого пристального внимания, вошла в дом, проскользнула мимо Влада, обдав его приятным травяным ароматом, похозяйски сняла с полки кувшин и пару кружек, поставила на стол. Прощебетала что-то, видимо, приглашая к столу.

В кувшине оказался какой-то травяной напиток, кисло-сладкий, вкусный, приятно пощипывающий нёбо. Лионелла продолжала что-то говорить, как будто и не нуждалась в понимающем её собеседнике. Влад изредка кивал, иногда улыбался, потом поймал паузу в речи новой знакомой и вставил:

— А где Конрад? — неопределённо развел руками и попытался жестами показать длинные волосы, втянул щёки, изображая худощавое лицо хозяина дома. — Конрад?

Лионелла пристально посмотрела на него, повторила имя, начала было что-то объяснять. Но тут же с досадой махнула рукой — всё равно взаимопонимания не получалось. С той же полки, откуда она взяла отвар, были принесены несколько листов коричневатой бумаги, литая, по-видимому бронзовая, чернильница и перо. Настоящее гусиное перо, Влад даже глаза потёр в недоумении, таким архаизмом это выглядело. Пока он чесал в затылке, девушка набросала на листе две картинки. Солнышко с лучиками, похожее на детский рисунок, и под ним женская фигурка. А рядом полумесяц луны с мужской фигурой в чёрном. Подвинула рисунок, чтобы собеседник мог рассмотреть.

— И? — вопросительно поднял бровь Влад.

— Конрад, — Лионелла ткнула пальчиком в мужскую фигуру. Потом показала на женский силуэт и хлопнула себя по груди.

Парень усиленно думал, но не понимал, что ему хотят объяснить. «Ну да, Конрада я встретил ночью. Девушка появилась днём. Это ясно и без рисунков. А вот куда делся этот... хм... маг?» Лионелла тем временем вновь закрипела пером: снова луна, условная человеческая фигурка, стрелочка, какое-то животное, смутно напоминающее собаку или волка. Она вскинула большие прозрачно-серые глаза на Влада, в их выражении было столько надежды, что молодой человек еле нашёл в себе мужество вновь непонимающе пожать плечами.

Лионелла качнулась вперёд, к Владу, как будто собиралась поцеловать, положила ему прохладные пальцы на виски, её лицо оказалось вдруг совсем близко. Она быстро, сбивчиво заговорила. У парня появилось ощущение, знакомое по разговору с Конрадом, словно внутри черепа скребётся мышка. И в потоке слов слышались три, которые были понятны — «поход», «инквизитор», «помощь». Девушка слегка побледнела, на лбу выступил пот, ладони слегка дрожали, когда она убрала их от лица Влада.

Парень неуклюже взял непривычный письменный прибор, макнул перо в чернильницу и, стараясь не посадить кляксу, изобразил ручки-ножки-огуречик, нарядил человечка в нечто балахонообразное и пририсовал крест на груди.

— Инквизитор, — полуутвердительно произнёс он.

В глазах Лионеллы вспыхнула ненависть, выхватив перо у Влада, она перечеркнула последний рисунок, прорвав острым кончиком бумагу. Несколько штрихов, под её рукой возникает изображение костра с человеческой фигуркой в центре, среди языков пламени. На ресницах девушки блеснули слёзы. Она опять говорила, на этот раз гневно. А потом выронила перо из ослабевших пальцев, закрыла лицо ладонями. Парень нерешительно обнял её за плечи:

— Не плачь. Всё хорошо...

Он сам не совсем понимал, что произошло. В голове крутились какие-то смутные общие представления об инквизиции, помнилось только то, что эта церковная организация существовала когда-то в средние века и боролась против ведьм и колдунов. А Конрад и Лионелла, судя по всему, как раз и принадлежат к тем самым отступникам, которых имели обыкновение сжигать на кострах.

Девушка доверчиво прижалась к груди Влада, дав волю слезам. Он ласково поглаживал её по спине и бормотал что-то утешающее. Выплакавшись, она не отодвинулась и предприняла ещё одну попытку донести информацию с помощью рисунков. Вновь и вновь её тонкий пальчик указывал то на солнышко, то на луну, то на волка, то на костёр, но слов парень не понимал, а без них не мог уловить логической связи.

Минут через пять Влад решительно отобрал перо у Лионеллы, решив выяснить другую волнующую его подробность. Он неумело и коряво нарисовал человека в мантии, усеянной звездами, в островерхой шапке и с зажатой в руке волшебной палочкой, с которой сыпались искры. набросок должен был, по идее, изображать мага, волшебника, но Влад и сам видел, что получилось не очень-то похоже. У Лионеллы рисунок вызвал полное недоумение, круто изогнувшее светлую бровь.

Бессмысленность и безвыходность ситуации, когда невозможно понять друг друга настолько утомила парня, что он с новой силой захотел курить.

— Лионелла, мне нужны спички. Ну... огонь, — он пошевелил пальцами, попытавшись показать пламя. Ткнул пальцем в сторону очага. — Огонь.

Промучившись ещё немного, Влад чуть не закричал от радости. Девушка, кивнув, выбежала из дома, но почти сразу же вернулась, неся кремень и огниво. По крайней мере, парень решил, что это должно так называться. Лионелла умело высекла искру, сигарета затлела, и он, сделав глубокую затяжку, впервые за последние сутки почувствовал себя абсолютно счастливым.

Светловолосая что-то шепнула ему на ухо и, взмахнув подолом, пошла в сторону леса.

— Лионелла! — удивлённо позвал Влад. Но она даже не обернулась.

— Странная она какая-то... — пробурчал сам себе под нос.

Девушка, мелькнув белым пятнышком, скрылась за деревьями. Солнце жарило немилосердно, что казалось необычным после промозглой ночной погоды. Влад задумчиво докурил, раздавил окурок сапогом и решил осмотреть вторую часть строения — сарайчик. Дверь в него оказалась приоткрытой и немного покосившейся. В стенах зияли широкие щели, около порога устроилась пушистая шапка мха.

Петли взвизгнули, вызвав болезненную пульсацию в голове парня. Внутри было довольно темно — свет падал только из дверного проёма и из щелей. Открывшаяся взгляду Влада комната была маленькой и почти пустой. Узкий и низенький лежак да пыльный столик. Парень нерешительно шагнул в полумрак, под ногой протяжно скрипнула половица.

На верёвочках были развешаны пучки засушенных трав, источающие приятный запах, а на столике выстроились неровными рядами разнокалиберные склянки. Убогость и ветхость стен явно контрастировала с обжитостью комнаты. Интерьер выглядел прямой противоположностью дому, где всё было крепким и добротным, но заброшенным. Здесь явно чувствовалась женская рука.

«Необычное место для жилья. Неужели это Лионелла здесь ночует? Судя по тому, что от неё пахло именно этим, — Влад тронул одну из травяных связок, — так и есть...»

Глаза уже привыкли темноте, солнечных лучей, которые падали из дверного проёма и просачивались сквозь щели, хватило, чтобы заметить блеск в дальнем углу. Подойдя, Влад разглядел металлическое кольцо-ручку на люке в полу. «Зачем же я это делаю? Нехорошо лазить там, где не просят, в отсутствие хозяев, — думал парень, приподнимая крышку. — Да и что там может быть, кроме солений, варений или в лучшем случае бочек с вином...» В подполе царил абсолютная тьма, даже ступеньки приставной лестницы пришлось осторожно нащупывать ногой, рискуя сорваться в холод и неизвестность. Влад в очередной раз пожалел об отсутствии фонарика.

Когда он наконец утвердился на полу, запоздало подумал о свечах, оставшихся в доме. «Вернуться, что ли? Нет. Всё равно обращаться с огнём не умею, только время тратить!» Парень ощупал ближайшую стену, под пальцами шершавился прохладный камень. Десяток шагов вдоль края помещения привели Влада к углу. Таким образом незадачливый исследователь обошёл весь подвал, оказавшийся намного больше по площади, чем возвышающийся над ним сарайчик. Вернулся опять к лестнице, найдя по дороге только два кольца на высоте плеча, судя по всему, держателей для факелов.

Голова начинала привычно болеть. У Влада было ощущение, что с этим ему мучаться постоянно, память тела оказалась сильнее, чем амнезия. Наверное, неприятные ощущения в висках затмили голос рассудка, потому что парень решил оторваться от путеводной стенки и наугад двинулся к центру подземелья, осторожно пробуя пол ногой. Время от времени он оборачивался, чтобы удостовериться — светлый квадрат люка виден и служит ориентиром. К счастью, камень под сапогами был ровным, без выбоин, ступеней и препятствий. Влад считал шаги и когда по его прикидкам оказался на середине помещения, наткнулся на возвышение. Зажмуривать глаза в полной темноте — действие бессмысленное, но ему оно помогло сосредоточиться на сведениях, получаемых с помощью осязания. Посреди подвала располагался каменный параллелепипед, четыре шага в длину, два — в ширину. На боковых гранях прощупывались рельефные изображения, а может быть, надписи. Верхняя плоскость была ровной и гладкой, будто отшлифованной, лишь по краю тянулся неширокий желобок.

Влад почувствовал, что окончательно запутался, ровным счётом ничего не понимает и до чёртиков хочет, чтобы кто-нибудь ему просто объяснил, где он и что происходит. Так как в холодном подполе такого гида не найдёшь, парень, тяжело вздохнув, направился обратно к выходу.

Солнце уже повернуло к закату, исследования заняли гораздо больше времени, чем предполагал Влад. В висках стучало, да и курить снова захотелось. Лионелла не вернулась, дом стоял, окутанный тишиной. Даже птицы замолкли, и парень почувствовал пугающее одиночество.

Ни людей...

Ни воспоминаний...

Ни противника...

Ни цели...

Ни оружия...

Ад для солдата.

...Грохот автоматной очереди рядом с ухом. Прижимаясь спиной к какому-то забору, Влад лихорадочно перезаряжал оружие. Напарник вновь вжал спусковой крючок, разорвав вечерний воздух стрельбой... Короткая перебежка до следующего укрытия... Выстрел вслепую... Пуля оставляет выщербину рядом с лицом, бьют по щеке мелкие камешки...

Парень пришёл в себя, разбуженный собственным коротким вскриком:

— Прикрой!

Дремота рассеялась, и вместе с ней ушла такая яркая картинка боя. «Где это было? Когда? И со мной ли? Или просто дурной сон?»

Сумерки застали Влада сидящим на крыльце, жуящим веточку в тщетной попытке заглушить голод и тягу к табаку. Он вздрогнул, услышав шорох сзади, из дома. Автоматическим движением откатился в сторону, убирая свой силуэт из дверного проёма. Глухой стук дерева об дерево — и открылась дверь во вторую комнату. На пороге мелькнула высокая фигура. «Конрад», — с облегчением узнал Влад.

— Добрый вечер, — нарочито громко произнёс парень, поднимаясь на ноги.

Маг ответил кивком. А Влад снова вздрогнул. На этот раз шум донёсся от леса — еле слышный шелест листьев под осторожной ногой. По поляне шла Лионелла.

— Ну вот и вся компания в сборе, — пробормотал парень. — Что-то нервы совсем расшатались...

За девушкой бежала огромная собака, что-то держа в зубах. Они остановились, не доходя до плетня, Лионелла забрала у зверя ношу, потрепала по загривку. И в этот момент по спине Влада побежали противные мурашки с холодными лапками — это была вовсе не собака, а волк. Серая вытянутая морда, ласкаясь, прижалась к человеческой руке, клыки клацнули в опасной близости от пальцев.

— Лионелла, осторожно!

Парень рванулся вперёд, но его удержала опустившаяся на плечо рука Конрада.

— Волк ничего ей не сделает. Успокойся.

— Но как же... — гневно начал Влад. И осёкся, увидев, что Лионелла, как ни в чём не бывало, проществовала к очагу и занялась готовкой. То, что принёс хищник, оказалось заячьей тушкой.

— Что здесь, в конце концов, происходит?!

— Немного терпения. Сначала ужин.

Парень хотел возмутиться, но почувствовал, что желудок не на его стороне, и промолчал. Девушка разожгла огонь в камине, кусочки разделанного мяса исходили жиром на вертеле, распространяя аппетитный запах.

Трапеза прошла в молчании. Все трое были голодны и уплетали жаркое за обе щеки. Лионелла управилась со своей порцией первой, зевнула во весь рот и, улыбнувшись мужчинам, вышла из дома. Её белое платье мелькнуло мимо окна, знакомый скрип сарайной двери повис в вечернем воздухе. Влад удивлённо взглянул на Конрада, но маг проигнорировал незаданный вопрос. Тогда Комольцев озвучил своё непонимание:

— Почему она ушла?

— Лионелла ночью спит, — пожал плечами маг.

— Это понятно, мы все ночью спим...

Конрад непонятно чему усмехнулся. И тут Влад не выдержал:

— Послушай, я, конечно, благодарен за помощь, гостеприимство и так далее. Но ты можешь нормально рассказать, что вокруг творится?! Я безумно устал от всяких недомолвок и многозначительного молчания!

Собеседник сразу посерьёзней, внимательно взгляделся в лицо парня и побарабанил пальцами по столешнице.

— Я расскажу. Только не перебивай, пока я не закончу. Хорошо?

Утвердительный кивок.

— Я не знаю, откуда ты появился в моём лесу, человек. Вижу, что ты не здешний. Совсем. Скорее всего, из другого мира. Ты обещал не прерывать! У тебя незнакомая аура, и я вижу не все твои мысли. Мне крайне интересно, как ты сюда попал, но исследовательский интерес подождёт. Сейчас есть более важные вопросы. Ты очутился здесь очень вовремя. — Он помолчал, решая с чего начать объяснения. — Эта дубрава принадлежит... оборотням. То есть сами они предпочитают называться волками, «оборотень» — это оскорбительное слово. И именно сейчас им... и нам нужна помощь, которую ты можешь оказать.

Конрад сделал паузу, и Влад решил, что уже можно вставить реплику:

— Слушай, такого не бывает! Что ты мне лапшу на уши вешаешь? Какой другой мир? Какие оборотни?

Маг укоризненно посмотрел на парня и покачал головой:

— Я знаю, что для тебя это звучит невероятно, но тебе придётся смириться с тем, что это правда. Пройдёт немного времени, и ты увидишь всё своими глазами. А сейчас будь добр, задавай вопросы только по существу.

Комольцев унял своё недоверие и возмущение, решив, что если продолжит в том же духе, то Конрад, того и гляди, вообще замолчит. А так хоть какая-то определённость будет.

— Вопросы по существу, говоришь... Хорошо. Ты сказал «им и нам». Кто «они» и кто «вы»?

— Они — волки. Мы — маги. Я и Лионелла. Мы живём в дружбе со стаей, помогаем им, а они нам. Но скоро начнётся большая война, которая грозит уничтожить эту идиллию. Римская инквизиция готовит карательный поход на нас, чтобы извести под корень... нечисть, как они выражаются.

Владу вспомнилась реакция Лионеллы на рисунок, изображающий служителя церкви. Теперь всё стало на свои места: если девушка тоже обладает магическими способностями, то у неё не может быть тёплых чувств к инквизиторам. Парень с изумлением поймал себя на мысли, что о магии думает как о чём-то само собой разумеющемся, а о светловолосой чародейке — как о своей женщине.

Руки Влада прямо-таки зачесались в предвкушении действия, он ощутил, что окунулся в свою стихию. Цель указана, противник ясен, осталось найти средства к его уничтожению. Но прежде чем с радостью соглашаться сражаться в чужой войне, неплохо бы выпросить подробности.

— Насколько я понял, оборотни... э-э... то есть волки, — поправился парень, — обитают здесь давно. Почему же вы ожидаете начала боевых действий именно теперь?

Конрад встал, прошёлся из стороны в сторону, бросил взгляд в сгустившуюся за окном темноту.

— Один из волков был в Риме. Его арестовали за мелкую кражу, посадили в тюрьму, мы не успели вовремя освободить беднягу. В полнолуние мальчишка перекинулся прямо в камере... Его казнили, естественно. Сожгли. После этого инквизиторы засуетились, решив, что наглость нелюдей перешла все границы. Сейчас из-за глупости одного нам всем грозит смерть. По крайней мере, многим. Мы знаем, что на нас готовится нападение, но нет информации о дате начала похода. Ты пойдёшь в Рим и выяснишь, на какой стадии находится подготовка инквизиторов к войне.

Влад скептически хмыкнул, слегка раздражённый приказным тоном Конрада:

— Как же я это узнаю, если не понимаю никого, кроме тебя? Я же не телепат, в отличие от некоторых.

— Это как раз не проблема.

Маг извлёк из кармана и протянул парню кулон — мутноватый, будто с кусочком тумана внутри, серый камень на шнурке. Парень повертел «украшение», осматривая со всех сторон.

— И что?

— С помощью амулета ты будешь понимать всех. Правда, в обратную сторону не действует. Так что тебе придётся выдавать себя за немого. Это не вызовет недоверия. В Рим приходит множество калек и увечных, чтобы поклониться святыням в надежде на исцеление.

Влад с некоторой опаской надел магическую штучку на шею и спрятал под одежду. Никаких новых ощущений не возникло, и парень успокоился. Пока он прислушивался к реакции организма на амулет, Конрад вынес из своей комнаты какой-то свёрток.

— Здесь деньги, оружие и плащ, чтобы скрыть твою странную одежду. Лионелла завтра утром проводит тебя до дороги.

— А почему вы сами не можете дойти до города и всё узнать? — подозрительно спросил Влад. — А если б я здесь не оказался? Так и сидели бы в неведении?

— И мне, и Лионелле опасно появляться в Риме. Велика вероятность, что в нас опознают магов — силу трудно утаить. К тому же есть ещё одна сложность. — Конрад помолчал некоторое время, как будто решая, стоит ли говорить. — Ты, наверное, сам обратил на это внимание: я сплю днём, а Лионелла — ночью, и этот сон непреодолим. Добыть информацию в течение такого короткого времени сложно. Да и не отпущу я девочку одну... Что до того, как бы я поступил, не появись ты, Влад, то могу ответить честно. Не знаю. К счастью, теперь можно не ломать голову над этим вопросом. Так ты согласен? — Тёмные глаза словно прожигали насквозь.

Утренний лес красивой сказкой обступил людей, сверкая крупными каплями росы на вырезных листьях дубов, посылая озорные солнечные зайчики в глаза. Влад и Лионелла шли, взявшись за руки, тропы под ногами не было, но девушка опытно выбирала дорогу в обход буреломов и зарослей кустов, поэтому прогулка оказалась на диво приятной. Особенно в таком милом обществе.

Они вышли на обширную прогалину, Лионелла остановилась. Показала на противоположный край поляны, где между ветками виднелось открытое пространство:

— Там проходит дорога, ведущая в Рим. Пойдёшь налево, тут недалеко, за полчаса доберёшься. Только запомни хорошенько место, где выйдешь из леса. Я буду ждать тебя здесь же, на этой поляне, на третий день, утром. Постарайся всё узнать.

Влад молча наслаждался тем, что может не просто слушать голос магички, как музыку,

но и понимать, о чём она говорит.

Девушка доверчиво заглянула в глаза своему спутнику и прошептала:

— И будь осторожен... Я буду ждать тебя...

В груди Влада что-то томительно заворчалось, наполняя сердце неожиданной нежностью. Выразить словами это ощущение он не мог, а если б и удалось — всё равно девушка не поняла бы, и парень просто приобнял Лионеллу за талию и поцеловал. Поступки всегда гораздо выразительнее речей.

По грунтовой дороге тащились крестьянские телеги с товаром, изредка пронеслись мимо верховые, поднимая клубы мелкой противной пыли, оседавшей на одежде и забивавшей нос. Влад старался не слишком откровенно глазеть по сторонам, хотя люди выглядели очень колоритно: плащи, шпоры, мечи и прочий дворянский антураж у всадников, невразумительного цвета и вида одежды на бедноте. Конское ржание и мычанье скота. «Не бывает такого у нас, точно не бывает! Или это я с ума схожу? Или это на самом деле другой мир?» Факт возможности путешествия между мирами не укладывался в рационалистическом мозгу Влада, а верить в собственное сумасшествие решительно не хотелось, поэтому автоматически пришлось признать первую версию, как бы невероятно она ни звучала. Конечно, мелькали ещё мысли о сложно наведённой галлюцинации или виртуальном пространстве... Но в итоге Комольцев предпочёл выбрать из всех возможностей наиболее романтическую, средневековую, тем более, что вне зависимости от своего решения пейзаж вокруг не собирался изменяться.

Стены Рима замаячили на горизонте сразу же, постепенно увеличиваясь, заполняя всю перспективу. Поднимались к небу мощные зубцы и башни, подавляя своей величием крошечные человеческие фигурки, копошащиеся у их подножия. Дорога втекала в распахнутые огромные ворота, вдоль верхнего края которых блеснул край поднятой металлической решётки.

«Средневековье... Определённо. Мечи, лошади, инквизиция, крепости...» — Влад остановился на обочине, не дойдя метров двести до города. Почему-то на ум приходили только нелицеприятные факты об эпохе типа религиозного фанатизма, плохой гигиены и кровопролитных междоусобных войн. Желания идти в Рим изрядно поубавилось, но вспомнив ясно-серые доверчиво распахнутые глаза Лионеллы и её последние слова: «Я буду ждать тебя...», — парень, тяжело вздохнув, направился в пасть ворот.

Стражники собирали пошлину за вход, лениво переругиваясь со скаредными купцами и отгоняя нищих. Медленно продвигаясь в толпе приезжих, Комольцев подсматривал, какими монетами расплачиваются, и когда в конце концов добрался до солдата, собирающего деньги, протянул пару заранее приготовленных металлических кругляшков. Сделал первый шаг в неприятельский город.

Толпа тут же подхватила его, не дав оглядеться, и понесла вперёд по узким улицам. Когда Влад смог вырваться из людского потока, встать в сторонке и осмотреться, то обнаружил, что добрался до края огромной торговой площади. Разноголосый гомон продавцов и покупателей звенел в ушах, то с одной, то с другой стороны кто-то толкался, а за плащ дёргал мальчишка-попрошайка и монотонно канючил:

— Монетку, добрый господин. Дайте монетку.

Не переставая озираться по сторонам, Влад кинул ему медяк, чтобы отвязаться. Откуда начинать поиски, он решительно не представлял.

Площадь окружали богатые дома, украшенные скульптурами и колоннами, а на противоположной стороне возносился ввысь величественный храм. «Инквизиторы — служители церкви, — начал раскладывать по полочкам разведчик. — Значит, информацию о них наверняка логичнее всего искать в соборе. Может, там проповедь какая будет». Уверенности не было, особенно в последнем умозаключении, но лучшего в голову не

приходило. Комольцев, протискиваясь между лотками и прилавками, начал пробираться через площадь. Парню приходилось постоянно отмахиваться от навязчивых предложений купить отрез ткани, глиняный горшок или заморские пряности. Только один раз Влад задержался по своей воле — рядом с палаткой оружейника, где по стенам и на прилавке красовались, поблёскивая закалённой сталью, мечи, кинжалы, сабли и более экзотические виды холодного оружия. Отдельный участок занимали луки и арбалеты, как будто замершие в хищном ожидании цели. Владелец товара бросился было нахваливать достоинства оружия, но быстро понял, что подошедший мужчина — из разряда любопытных зевак, а не денежных покупателей, и потерял к нему интерес.

Врата (менее напыщенное слово к ним не подходило) храма были сплошь покрыты литыми бронзовыми барельефами — ангелы и демоны, фантастические чудовища и люди, замысловатые орнаменты, переплетающиеся причудливыми растительными мотивами. Влад замер перед ними, взглянув вверх, встретился взглядом со слепыми металлическими глазами Бога и поёжился. Казалось, статуя заглянула в сердце чужеземца и увидела там все его замыслы. Из-за приоткрытой створки тянуло сквозняком. Парень нерешительно вступил под взметнувшиеся на огромную высоту своды. К его разочарованию собор был пуст. Только коптели немногие недогоревшие свечи, падали сквозь витражное окно весёлые цветные блики да гулкое эхо шарахнулось прочь от подошв вошедшего. За спиной Влада раздался частый перестук каблучков, и мимо него тенью проскользнула женщина в тёмном платке. Она почти неуловимым жестом перекрестилась и скользнула дальше, в сторону алтаря. Парень автоматически повторил её жест, стараясь правильно запомнить последовательность. «Кто знает, когда пригодится?»

Покинув храм ни с чем, Влад безнадежно осмотрел колышущуюся массу люда и взъерошил ёжик волос. Откуда-то слева доносился запах еды, он указал на... таверну, корчму... как это правильно назвать? Парень направился сквозь толпу к забегаловке, расталкивая локтями бестолково снующий народ. За пару минут, которые потребовались, чтобы добраться до цели, Влад узнал много новых ругательств, положив начало изучению местного языка. Трактир дохнул в лицо жарким воздухом, насыщенным винными парами, одновременно выплюнув из своего нутра пару еле стоящих на ногах посетителей.

Внутри было тесно и шумно. Влад протиснулся к стойке, но румяный хозяин только вскользь окинул нового посетителя безразличным взглядом и вернулся к беседе с подозрительно выглядящим типом с колючими неприятными глазками.

— ...что-то затевают. Видать, облаву проведут.

Разведчик наострил уши, но тут трактирщик раздражённо обратился к нему:

— Чего надо, синьор? Заказывать будете?

— Э-э-э... — замялся Влад, потом ткнул наугад в одну из винных бочек, которые рядами выстроились у задней стены.

— Три медных, — равнодушно бросил хозяин, подставляя кружку под кран. Бледно-жёлтый цвет напитка не вызывал аппетита, но отказываться было поздно.

Влад потянулся к поясу и... нащупал лишь аккуратно обрезанные верёвочки, на которых раньше висел кошелёк. Тут и представилась возможность вернуть запомненные словечки. Трактирщик, ожидающий плату, уже начал проявлять нетерпение, а его подозрительный собеседник охотно предложил:

— Выкинуть этого бродягу?

Вокруг начали скапливаться зеваки, отвлёкшиеся ради бесплатного развлечения от

своих тарелок и кружек. Большинство из них, судя по возгласам, поддерживали сторону тавернщика. «Первый контакт — и сразу так облажаться! Надо ноги уносить, пока они целы», — угрожающее настроение завсегдатаев открыто читалось в захмелевших глазах.

— Деньги, синьор! — красная ладонь хозяина заведения требовательно протянулась к Владу.

Парень отрицательно замотал головой и поспешил к дверям, но ему на плечо легла чья-то рука. Влад решил, что оборачиваться бесполезно и опасно для здоровья, сразу ударил локтем назад, целя противнику в солнечное сплетение, и рванул к спасительному выходу на всех парах. Толпа азартно взвыла, качнулась наперерез бегущему, парня тут же сбили с ног. Он перекатился, стараясь не запутаться в плаще, уворачиваясь от сапог, заехал кому-то пинком в пах, другому в коленную чашечку, но ситуация была безвыигрышной. Что-то тяжёлое с размаху опустилось на затылок, мир вокруг потемнел, и только чудом Владу удалось не потерять сознание. Хотя он тут же пожалел, что не удалось. Удары сыпались со всех сторон, доставая самые чувствительные точки организма.

— Прекратить! Разойдись, сброд! — новые голоса прорвались к помутнённому слуху Влада. Он не сразу понял, что избиение прекратилось.

Его грубо вздёрнули на ноги, перед глазами возник дюжий молодец в форме городской стражи. Остальные блюстители порядка уже бодро охаживали кулаками и дубинками кучку особо рьяных драчунов, которые не захотели утихомириться сразу. Влад закашлялся, сплюнув кровь, и выругался по-итальянски. Первый языковой урок определённо был усвоен крепко.

— Ты ещё и ругаешься, мразь?! — солдат с размаху двинул парню в челюсть, и тот наконец-то уплыл в блаженное бессознательное состояние.

Под щекой было холодное, жёсткое и шершавое. Камень. Влад со стоном разлепил веки, точнее хотел, — левый глаз не открывался, его залепила кровяная корка. Всё тело в голос жаловалось на плохую жизнь и на то, что владелец его не бережёт. Парень с трудом припомнил предшествовавшие события и застонал снова, на этот раз от осознания собственной глупости. Надо же было вляпаться из-за такого пустяка! Идиот!

— Хватит уже скулить, — произнёс за спиной брюзгливый голос.

Влад с трудом принял сидячее положение и посмотрел в ту сторону правым глазом, одновременно пытаясь соскрести запёкшуюся кровь с левого. Сухонький старичок, опершись спиной на стену, примостился в углу тесной камеры. Из-под кустистых седых бровей посверкивали хитрые глазки.

— Что, досталось? — почти заботливо спросил он. — Ты уж который час так валяешься. Я грешным делом подумал, что и вовсе не очнёшься. Меня Фабио зовут. А ты?

— Влад...

От движения челюсть прострелило вспышкой боли, и слово прозвучало невнятно. Парень начал осторожно ощупывать себя, определяя, нет ли переломов.

— Приезжий, что ль? Имя чудное. Француз? — Старичку, видимо, не особенно требовался собеседник, не дождавшись ответа на вопрос, он продолжил добродушно. — У меня бабка была француженка, царство ей небесное. Как же ты, бедняга, под облаву-то угодил? Не повезло. Ничего, помурьжат и выпустят, авось...

Фабио близоруко прищурился:

— У вас во Франции все так одеваются? Чудно... — повторил он своё любимое слово,

ощупывая взглядом камуфляж и сапоги Влада.

«Кости вроде целы, а остальное заживёт». Плащ и оружие исчезли, но, к несказанной радости парня, сигареты не заинтересовали стражников и продолжали мирно лежать в кармане. В ответ на назойливые вопросы сокамерника он лишь нечленораздельно промычал, вспомнив легенду.

— Немой, что ли? — почему-то радостно воскликнул Фабио. — Эти стражники вовсе совесть потеряли! Убогих в тюрьму тащить!

«Убогий?! — мелькнула обиженная мысль. — А сам-то какой? Песок сыпется! И словесным недержанием страдаешь!»

— Ладно, я, — словно в ответ на раздумья парня продолжил сокамерник, — я — шулер. Меня прям во время игры и загребли. Выручку всю отобрали, гады! — погрозил он в пространство морщинистым кулаком. — А если ты немой, то как имя назвал? — внезапно осенило Фабио.

Но разобраться с противоречием старик не успел: дверь узилища отвратительно заскрежетала, и на пороге появился упитанный солдат с багровым носом пьяницы-стажиста. Громким (таким, что в голове Влада загулял болезненный отзвук) басом рявкнул:

— На выход! Оба!

Серая ряса экзорциста дымным пятном маячила напротив оконного проёма, несказанно раздражая коменданта тюрьмы.

— Проверять всех задержанных из-за одного перевёртыша? — возмущался комендант. — За этим и приказали облаву устроить? Так наверняка нет больше оборотней в городе. Что они, совсем ненормальные? Спрятались давно в своём лесу...

Священник отрицательно покачал головой, пропустил сквозь пальцы гематитовые бусины чётки, пытаясь сосредоточиться и заглушить злость на недалёкость светских властей.

— Не спрятались, синьор Кардаччи, они так просто не уйдут. Нелюди будут мстить за своего. Поэтому нам надо найти их быстрее. И обезвредить.

— Ага! Так и поймали! Почему это вы, монсеньор Лоренцо, считаете, что оборотни будут среди нищих и прочего трущобного сброда? Никогда не приходило в голову, что они вполне могут оказаться и среди уважаемых граждан? А дворян так просто на допрос не притащишь.

— Надо будет — притащим, — безразлично бросил экзорцист.

От этого невозмутимого голоса коменданта прошиб пот. Он угрюмо замолчал, прикусив язык, а то так недолго и самому на дыбе очутиться.

Влада вели по длинному полутёмному коридору, из редких окошек под потолком косо падали медные лучи солнца. «Значит, уже вечерет. Долго я без сознания был», — он старательно запоминал дорогу и интерьеры. Пару раз, когда особенно замедлял шаг, стражник грубо подталкивал его в спину, ругаясь под нос. Фабио тащился рядом, наигранно охая и причитая, и изредка косил в сторону охранника хитреньким глазом.

Они поднялись этажом выше по огромной лестнице и вошли в просторный, залитый светом кабинет. За столом, заваленным бумагами, («Где-то я подобное видел совсем недавно? Надеюсь, сейчас речь не об Эксперименте пойдёт?») — сострил Влад про себя развалился в кресле атлетически сложенный мужчина в богатой одежде. Он только скользнул взглядом по задержанным и уткнулся в какой-то листочек. Поодаль, около

подоконника, застыл человек в облачении священнослужителя. Его резкий профиль на фоне солнечного неба казался заблудившейся ночной тенью.

Священник медленно повернулся к вошедшим и кивком отпустил охранника. Презрительный изгиб губ и ярко-чёрные внимательные глаза.

— Назовите ваши имена.

Влад удивился, что вопрос задал не хозяин кабинета, сидящий за столом. Однако предаваться размышлениям было некогда.

— Я Фабио, святой отец, — угодливо склонил голову старик.

Инквизитор повернул голову к Владу. Тот не отвечал.

— Твоё имя?

— Святой отец, он убогий, его Влад зовут, — опять встрял Фабио. — Но он не говорит почти. Отпустите вы больного человека. Он, наверное, святыням приехал поклониться, а вы его в тюрьму...

— Молчать, — холодно оборвал священник, и шулер, поперхнувшись словами, тут же сник и даже отступил на шаг назад.

В комнате повисло молчание. Человек за столом хмыкнул, вскинул глаза на инквизитора и устало спросил:

— Монсеньор Лоренцо, вы ещё долго? Целый день уже здесь торчим! Без обеда! Нужны эти двое вам или нет? Определяйтесь уже. Мобилизуйте их, что ли, для своего крестового похода! До послезавтра как раз успеете научить мечом махать! А если нет, то я отпущу бродяг на все четыре стороны.

При упоминании похода Влад встрепенулся. Маловероятно, что в Риме инквизиция готовит сразу две военных операции. Значит, речь идёт об атаке на оборотней.

Лоренцо утомлённо потёр виски, зло сверкнул глазами на коменданта. «Вечно эти светские лезут не в своё дело и путаются под ногами!» Что-то не давало ему покоя в этом задержанном, словно докучливая соринка под веком — вроде и мешает не сильно, а всё видится как сквозь пелену слезы, нечётко, неверно, расплывчато. Точно ведь человек, не нечисть, только... А что «только» инквизитор и сам не мог сказать. Одежда странная — так это не преступление... Волосы отстрижены — так может болел недавно...

— Старик мне не нужен, сеньор Кардаччи.

Вошедший охранник, повинаясь жесту коменданта, вывел престарелого мошенника за дверь. Перед священником остался один заключённый, пока безымянный. Лоренцо прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Сказывался целый день непрерывной работы, он не видел настоящей сущности человека, не желающего отвечать на вопросы. В затылке устроился сгусток ноющей боли, глаза ломило, как от чересчур яркого света.

Влад лихорадочно искал пути спасения. Когда парень услышал, что поход начнётся послезавтра, это произвело эффект удара дубиной по голове. «Лионелла должна меня встречать в тот же день! Они не успеют подготовиться. Нужно как-то сообщить раньше! Но даже если я сумею найти дорогу через лес сам, нужно сначала из города выбраться! А как это сделать, если вокруг вооружённые стражники?» — мысли, спотыкаясь и толкая друг друга, стремились непонятно куда.

Усталые глаза священника уставились на Влада.

— Открой рот, — не терпящим возражений тоном сказал инквизитор.

От такого необычного требования Влад настолько опешил, что даже подчинился.

— Хм, язык на месте... Почему же ты не можешь говорить?

Священник вновь потёр виски кончиками пальцев, опустил веки, постоял в неподвижности минуту. Когда он вновь взглянул на Влада, в ладонях мелькнули чёрные блестящие бусины, губы беззвучно шевельнулись. В грудь пленника мягко толкнула волна воздуха, тёплая, царапнувшая, как кошачья лапка, и свет, возникающий как будто непосредственно в мозгу Влада, ослепил изнутри. Парень пошатнулся, взыв от нового приступа головной боли. К счастью, молоточки, стучащие по вискам, почти сразу поутихли. В ушах зазвучал негромкий шёпот, словами мёртвого языка призывающий божественную силу. Глазные яблоки покалывало тонкими ледяными иголочками. Влад рискнул приоткрыть веки и посмотреть на инквизитора.

Тот перебирал длинными пальцами гладкие грани чёток, в зрачках мелькали странные отсветы. Или это у Влада в глазах рябило?

— Не могу, — тряхнул головой Лоренцо. — Не понимаю. Сеньор Кардаччи, я забираю его к нам. Он явно подпадает под юрисдикцию Святого Трибунала. То ли колдун, то ли одержимый. Не могу разобраться.

Комендант тюрьмы оторвал недовольный взгляд от бумаги, которую «читал» в течение последних нескольких часов. Зыркнул раздражённо в сторону силуэта в серой рясе.

— Монсеньор Лоренцо, при всём уважении лично к вам и инквизиции вообще, — в интонациях читалось, что таких чувств к священникам старый служака отродясь не испытывал, — я не позволю вам вот так без объяснений накладывать лапу на моих задержанных! Для перевода арестованного в тюрьму Ватикана необходимо хотя бы обвинение предъявить! — Кардаччи зло скомкал лежащий перед ним листок и бросил себе под ноги.

Когда гневная тирада коменданта иссякла, священник выдержал паузу и произнёс абсолютно спокойно (только гематитовые камешки побежали меж пальцами совсем стремительно):

— Я имею все полномочия, чтобы приказать вам не только отдать мне этого арестанта, но и самому проследовать прямо до пыточной Трибунала. — Бусины противно скрипнули друг об друга.

— Покажите мне распоряжение с личной подписью и печатью его высокопреосвященства Гаэтано, в котором написано, что он доверяет вам забирать подозрительных заключённых из моей тюрьмы. Без его указания ваши слова для меня — простое сотрясение воздуха, монсеньор Лоренцо. Я, как никак, не простой солдат, на меня авторитетом не надавишь!

Брови инквизитора сдвинулись, заломив глубокую складку на лбу, тонкие губы выплюнули, словно проклиная:

— Это ваше последнее слово, Кардаччи?

Влад переводил взгляд с одного из спорящих на другого, думая чья сторона ему выгоднее. «Если заберут к инквизиторам, то оттуда мне скорее всего живым не выбраться. Но можно попытаться совершить побег, пока будут перевозить... А если победит комендант, то, может, он в пику соперникам меня совсем освободит? — пригляделся к жёсткому, будто из старого дерева вырезанному, лицу сеньора Кардаччи. — Нет, этот не отпустит».

Священник и комендант перешли от стадии завуалированных оскорблений к открытой перепалке. На пленника они не смотрели. В кабинете больше никого не было, охранник остался снаружи. Вот и шанс. Пусть безумный, пусть мизерный... Влад прислушался к ощущениям в теле: конечно, рёбра и челюсть продолжали ныть, но в целом самочувствие было вполне терпимое. «Была — не была. Грудь в крестах — или голова в кустах!»

Краем глаза Лоренцо заметил движение. «Немой» стремительным броском приблизился к столу, мраморная чернильница мгновенно оказалась в его руке и, плеснув фиолетовым содержимым, полетела в лоб коменданта. Тот с расширившимися от неожиданности глазами попытался отклониться, но не успел и поймал снаряд в скрывавшуюся под бородкой челюсть.

Лоренцо, ещё не остывший от внезапно прерванной перебранки, выбросил правую руку ладонью вперёд, в сторону взбунтовавшегося пленника, посылая поток неоформившейся энергии. Просто чтобы задержать приближение противника. Одержимый покачнулся, но не упал. Удар кулаком сбил Лоренцо с ног.

Отправить в нокаут первого оказалось довольно просто, в силу эффекта неожиданности. Давно примеченный тяжеловесный письменный прибор отлично исполнил роль метательного снаряда. Но священник, которого Влад не посчитал серьёзным противником, как выяснилось, был способен не только перебирать чётки и сверлить оппонента пристальным взглядом. Если раньше исходящая от него сила была тёплой и почти мягкой, то сейчас рванула жарким ветром, опалила невидимым пламенем. Влад невольно споткнулся на ровном месте и с большим трудом дотянулся, чтобы вмазать с размаху по худошавому надменному лицу инквизитора.

Оба тюремщика валялись без сознания, хотя бы на некоторое время выведенные из игры. Влад выдернул из ножен на поясе коменданта кинжал. С каким никаким оружием в руках всё уверенней себя чувствуешь. «Жаль, что не автомат...»

Дверь распахнулась, охранник, привлечённый непонятным шумом, решил проверить, всё ли в порядке. Расстояние до него было приличным, да и уложить одним ударом дюжего детинушку, который привык скручивать всяких буйных арестантов, — нелёгкая задача. Тем более, что в боку у Влада снова проснулась дёргающая боль, а после магической атаки появился неприятное покалывание в затылке.

Охранник потянул меч из ножен, удивлённо перескакивая взглядом с задержанного на коменданта, потом на инквизитора. Чувствуя, как в мозгу клубится бесшабашная, сумасшедшая отвага, заглушающая глас разума, Влад кинулся к врагу в надежде успеть до того, как тот вытащит клинок. Меч действительно не успел занять в ладони боевого положения и возмущённо зазвенел об пол, когда беглец пнул стражника по запястью. Солдат

проворно отскочил в сторону, пропустив нападавшего мимо себя, и ударил кулаком. Завязалась потасовка: Влад был быстрее и использовал неизвестные в этом мире приёмы самбо, а его противник — сильнее и опытнее в кулачном бою. Они обменивались ударами с переменным успехом, а Влад всё никак не мог вовремя подставить кинжал, чтобы утихомирить охранника навсегда.

Очередной выпад стражника попал в ухо Влада, и он пропахал локтём по камню, с треском разрывая камуфляж и счёсывая кожу. Солдат тут же склонился, чтобы обезоружить и связать пленника, но напоролся на лезвие. Влад выкарабкался из-под тела, уже не в состоянии радоваться удаче. Да и веселиться было, честно говоря, рановато.

Оттуда, где в кресле полулежало бессознательное тело сеньора Кардаччи, раздался скрип и характерный хищный щелчок. Влад упёрся взглядом в кровожадно блестящее трёхгранное остриё арбалетного болта. Комендант, кряхтя, потирал пострадавшую челюсть, но другой рукой твёрдо целил бунтарю в грудь.

Влад застыл на месте, про себя матерясь, на чём свет стоит. «Теперь точно упекут в такую темницу, откуда не выберешься. Как же там Лионелла, Конрад? Они на меня надеются, а я, идиот, всё запарол!» — хотелось завывать от бессилия.

— Лучше не дёргайся, а то я всегда нервный становлюсь, когда мне по морде съездят, — слегка невнятно сказал Кардаччи. Инквизитор, постанывая, поднимался с пола.

— Я же говорил, монсеньор, что это мой клиент. Типичный уголовник. Не стал ведь колдовать, заклинаниями там смертельными пулять, а по-нашему, по-солдатски — кулаком в рыло. Так что никуда я этого бандита не отпущу, а развязыватели языков всяким немым и под моим началом найдутся не хуже, чем в Инквизиционном Трибунале. — Комендант благодушно наблюдал, как подоспевшие стражники заворачивают Владу руки. Да и вид наливающегося сизым фингала под глазом святого отца изрядно поднял ему настроение. — В камеру его, — махнул он рукой и бережно разрядил арбалет.

— Кардаччи, ты ставишь под угрозу и себя, и всех честных христиан, покрывая еретика!

— Всего доброго, святой отец, — злорадно улыбнулся начальник тюрьмы. — Надеюсь вас нескоро увидеть.

— Я вернусь завтра, — скрежетнул зубами Лоренцо. — И не только за этим одержимым...

Ветром дохнуло от инквизитора, он сжал кулак, загоняя силу внутрь, и вышел из кабинета.

На этот раз Влада определили в большую камеру, где содержалось несколько других арестованных. Пара нищих в неопрятных лохмотьях расположились в самом дальнем углу и вполголоса переругивались. Грозного вида головорез с багровой полосой шрама через лоб тщетно пытался разобраться с замком на наручниках, ковыряясь в нём какой-то щепочкой. За этими попытками, скалясь, наблюдал мальчишка лет четырнадцати-пятнадцати. Малец прикладывал к синяку на скуле монетку, но денежка была явно меньше большого места. Под окном в луче яркого закатного солнца кружилась в беззвучном танце босая девушка, кивая в такт только ей слышной музыке.

Первой на мрачно осматривающегося Влада обратила внимание девица. Она сверкнула непроглядно-чёрными глазами в сторону новичка, прекратила танцевать и пошла в его сторону, мягко перекатывая маленькие ступни с пятки на носок. На припухлых губах играла соблазнительная улыбка, но в походке сквозила грация хищной кошки, которая

подкрадывается к птичке. Парень, не зная, как реагировать, решил подождать, что будет дальше.

Девушка подошла вплотную, упёрла кулачок в бок и глянула в глаза Владу сквозь завившийся мелкими кудряшками тёмный локон. Медленно облизнула губы. И пошла вокруг парня, оглядывая его, как товар на ярмарке. «Проститутка, что ли? — подумал Влад. — Какого рожна её вместе с уголовниками держат?» Тем временем остальные обитатели камеры отвлеклись от своих дел и с любопытством уставились на разыгравшуюся около двери мизансцену.

И Влад сделал единственный поступок, который мог разбить ощущение собственного идиотизма, — довольно грубо сгрёб девицу в объятия и поцеловал. Кто-то из нищих восхищённо ахнул. Головорез смачно выругался.

— Самоубийца! — присвистнул мальчишка.

Черноволосая ответила на поцелуй, зарылась рукой в жёсткий ёжик волос на затылке парня. А когда отстранилась, вновь самодовольно улыбнулась и... без замаха ткнула Владу пальцем левой руки куда-то в бок. От боли прервалось дыхание. Девушка негромко рассмеялась, высвобождаясь из назойливых рук. Влад замер на месте, ловя ртом воздух.

— Сладко целуешься, милый, — пропела она переливчатым голосом с еле уловимым акцентом. — Но Ратри не трогай. — И скользнула обратно под солнечный луч, потеряв интерес к вновь прибывшему.

Влад отошёл в сторону и присел, опершись спиной на стену. Помятые в драке рёбра снова напомнили о себе, курить хотелось зверски и выхода не было. Приближалась ночь, предпоследняя перед началом войны.

— Эй, красавец, проснись! — страстный шёпот, щекочущие губы.

Влад приоткрыл глаза, в камере было темно и тихо. Он ощутил рядом гибкое тёплое тело, девушка приложила ему пальчик к губам и выдохнула в самое ухо:

— Нам надо выбираться отсюда. Я вижу, ты можешь мне помочь, не побоишься. В отличие от тех, — она мотнула головой в сторону храпящих в противоположной стороне камеры. — Я смогу взять на себя одного стражника, а ты второго. И надо сделать тихо, чтобы не слышали на соседнем посту в конце коридора.

Молчание.

— Ты понимаешь меня, удачливый мой?

Парень кивнул, стараясь не замечать соблазнительного запаха женских волос и горячей руки, обнявшей его за шею.

— Тогда пошли. — Она потянула Влада к двери. — А теперь нужно сыграть, как будто ты хочешь меня изнасиловать. Солдаты обязательно откроют дверь, чтобы прекратить беспорядки. Ты берёшь на себя левого. Да?

Влад вновь утвердительно качнул головой.

— Давай. — Чёрные глаза блестели совсем близко, девушка тесно прижалась к нему всем телом. Так что играть Владу практически не пришлось. Он притянул её ещё плотнее к себе, прижался к губам, жадно вдохнув дурманящий аромат.

В первое мгновение Ратри не сопротивлялась, а потом неумело забилась в мужских руках, пытаясь закричать. Влад, который помнил чёткий болевой приём, лишь усмехнулся про себя: «Хорошо играет!» Чуть приотпустил, чтобы девушка смогла постучать в дверь, но зажал ей рот ладонью — громкие крики им были не нужны. В ответ на невнятное мычание

девушки сокамерники только сонно заворочались, или слишком крепко спали, или решили не вмешиваться в любовные игры соседей.

Возня, стук и сдавленные крики тут же привлекли внимание караульных, привыкших к тому, что заключённых по десять раз за сутки приходится разнимать. Ключ лязгнул, Влад и Ратри отшатнулись друг от друга. Стражники ворвались внутрь, и первый тут же осел, получив незаметный тычок от девушки. Второго встретил Влад ударом в висок. Солдат ошеломлённо покачнулся, а нападавший уже провёл удушающий захват. Охранник засучил сапогами по полу и обмяк.

Ратри сорвала с пояса стражника ключ. Из угла донёсся бас детины в наручниках:

— Ошалела, цыганка? Всех на эшафот из-за тебя!

— Молчи, — презрительно шикнула девушка. — А то сама успокою, ещё до виселицы.

И Владу:

— Быстрее!

Они выскочили из камеры, Ратри ловко повернула ключ в замке. Парень удивлённо изогнул бровь, кляня на все корки невозможность спросить прямо, почему бы им не помочь остальным узникам. Цыганка ухватила его за руку и потянула налево, она двигалась целеустремлённо, как будто давно изучила расположение тюремных коридоров. Влад, за неимением лучшего плана действий, покорно следовал за ней. Свернув за угол, она остановилась — там было темно, последний факел коптил в шаге от поворота.

— Дальше должна быть запасная лестница, — Ратри, испуганно вздрогнув, прижалась к спутнику.

«Темноты, что ли, боится? Странно...» Влад вынул факел из крепления и пошёл вперёд первый, приобняв девушку за плечи. Пол под ногами стал неровным, плиты покрывали трещины и выбоины. Похоже, что эта часть здания была не на один десяток лет старше. Мерцающее пламя выхватывало небольшой участок коридора, по стенам прыгали в уродливом танце искажённые человеческие фигуры. И лишь усилием воли можно было убедить себя, что это их собственные тени.

Впереди показались широкие ступени, ведущие от лестничной площадки вверх и вниз. Ратри сильнее вцепилась в руку Влада, зашептала:

— Надо быстрее вверх.

Однако не успели беглецы подняться и на пару ступеней, как странный шелест за спиной, казавшийся Владу эхом их громкого дыхания, стал громче. Сзади повеяло ледяным ветром и запахом старых пыльных занавесей. Во рту появился железистый привкус крови. По спине у Влада побежали мурашки, а Ратри вообще в ужасе застыла, прижавшись к стене.

— Не успели, — беззвучно прошептала она.

Парень обернулся в ту сторону, куда смотрела цыганка, и тоже замер. Снизу, из лестничного колодца надвигалась, будто плывя над полом, высоченная белесоватая фигура. Именно от неё дышало холодом древних могил.

— Что это? — Влад, не задумываясь, произнёс вопрос вслух. Ратри, естественно, не ответила — ведь для неё русский язык был незнаком.

Призрак приблизился, одновременно приобретая большую чёткость. На том месте, которое у людей называется лицом, проступили глаза, а затем и остальные черты.

Влад, схватил девушку за запястье и дёрнул за собой вверх по лестнице, но та апатично помотала головой и еле слышно сказала:

— Поздно...

Надвигающаяся фигура окончательно оформилась, став мужчиной в потёртой кожаной куртке и высоких сапогах со шпорами, звякающими, как будто при ходьбе, хотя призрак продолжал левитировать. В руке зажат длинный стилет, светящийся в темноте. Глаза пришельца тоже горели зеленоватым огнём, как болотные гнилушки. Лицо выглядело бы молодым, если б не уверенность, что юноша давным-давно мёртв.

Влад почувствовал, как смертельный холод просачивается под кожу, и мысль о попытке убежать показалась действительно глупой. Парень осознал, что сейчас они умрут, просто и буднично. И ничего нельзя сделать.

Стилет полыхнул ярче, когда призрак занёс руку для удара. Ратри распахнула глаза, в неподвижности следя за клинком. Влад наблюдал, не в силах отвести взгляд. В последний, предсмертный миг на груди цыганки, слева, полыхнуло красным, и она безотчётным движением рванула декольте ниже. Наколотая над соском татуировка в виде замысловатого орнамента проступила очень ярко, словно вот-вот готова была отделиться от кожи и зажечь самостоятельной жизнью. Призрак застыл на месте, нахмутив брови. Создавалось впечатление, что он в замешательстве.

— Прочь! — в голосе Ратри откуда ни возьмись прозвучали властные интонации.

Бледная фигура склонила голову и стала отступать вниз по лестнице, не поворачиваясь спиной к людям. Когда привидение исчезло за поворотом, а могильный холод немного развеялся, беглецы всё продолжали стоять на месте, приходя в себя.

— Вот поэтому с этой стороны тюрьмы в постах и стражниках нет необходимости, — девушка заговорила первой, видно, после потрясения ей нужно было слышать собственный голос. — В подземельях северного крыла умер много лет назад Первый Убийца, как его называют в Риме. Считается, что он основал Гильдию убийц, а потом попался в руки правосудия. На его счету было столько жертв, что лёгкой смерти ему не подарили. Просидев в подвале несколько лет, пережив столько пыток, что никакой человек такого не выдержит, Первый смог покончить с собой. Его душа не отправилась на тот свет, а продолжает беспокоить живых, мстить потомкам своих палачей, но никто не знает почему призрак никогда не заходит южнее этого крыла и выше третьего этажа.

Комольцев, в первый раз с начала Эксперимента увидевший нечто, которое иначе как сверхъестественным не назовёшь, никак не мог сосредоточиться на том, что говорила ему цыганка. По коже продолжал гулять холодок, зато подвергать сомнению факт своего пребывания в другом мире расхотелось. Наверное, к осознанию, что его жизнь изменилась раз и навсегда, Влад пришёл только сейчас. И заодно проникся тем, что здесь нужно играть по местным правилам и что от реальной угрозы не отгородишься заявлениями: я в это не верю!

Только сейчас Ратри обратила внимание, что через надорванный вырез платья видно гораздо больше, чем диктуется правилами приличия. Татуировка уже не горела и выглядела совсем обычно. Девушка кое-как привела одежду в порядок и вновь указала вверх:

— Пойдём.

«Да что ж это такое! Ничего не понимаю! Зачем мы идём наверх? Потом будем с балкона прыгать?» — думал парень, еле поспевая за цыганкой.

Сверху показались слабые отблески света, переплетаясь с огнём их факела. Влад резко остановился, придерживая Ратри за талию, и девушка от неожиданности чуть не упала.

— Что? — зло прошипела она.

Парень указал глазами вперёд.

— Ты можешь нормально сказать?! — вышла из себя цыганка.

Влад выругался и просто, чтобы не молчать, произнёс вслух:

— Хотел бы сказать нормально, но ты всё равно не поймёшь...

— Почему это не пойму? — Ратри сварливо упёрла кулачки в бока. — Думаешь, если женщина, то обязательно дурочка?

У Влада перехватило горло. Она его понимала! От неожиданной радости он засмеялся, подхватил спутницу за талию и закружил в объятиях. До сих пор он не понимал, какую муку ему доставляло вынужденное безмолвие.

— Хей! Отпусти! — Ратри отпихнула его руки. — Блаженный...

Сердито оправила платье.

— Там свет вверху. Стража? — спросил парень.

— Я не знаю. Возможно. Пойду посмотрю.

Девушка только успела поставить ногу на следующую ступеньку, как Влад поймал её за локоть:

— Стой здесь.

Ратри загадочно усмехнулась. Её глаза оказались на одном уровне с лицом парня, так как цыганка стояла ступенью выше.

— Я хожу тише, милый. — Быстро коснулась губами его щеки и скользнула к свечению.

Действительно, босые маленькие ступни касались камня абсолютно бесшумно. Влад перевёл взгляд на свои сапоги и решил, что девица права, — его услышали бы сразу. С лестничной площадки донёсся соблазнительный смех и секундой позже мягкий стук падающего тела.

— Слушай, Ратри, а зачем я тебе был нужен? Могла бы и одна сбежать, — задумчиво спросил Влад, взглянув на распластавшегося на полу в нелепой позе солдата. — У тебя неплохо получается.

Цыганка кивнула на оконный проём, забитый досками:

— Вот за этим. Мне не хватит сил их выломать.

Парень не знал, радоваться ему откровенности Ратри или оскорбиться, что оказался нужен только в качестве источника грубой физической силы.

— А откуда ты знала, что нас тут ожидает? — поинтересовался Комольцев, оглядываясь в поисках предмета, который можно было бы использовать как рычаг. На эту роль более менее подходил только меч стражника, хотя Влад подозревал, что клинок скорее изогнётся дугой, чем вырвет огромные, в палец толщиной, гвозди.

— Ха, можно подумать, я здесь первый раз! — весело улыбнулась девушка. — Только на прошлой неделе пришлось показания давать после драки в одной таверне. Повезло же мне там очутиться...

— Чего ж тогда бежишь так поспешно? Глядишь, через день-другой сами бы выпустили.

— Заказ ждать не будет, — непонятно ответила Ратри и, вдруг насторожившись, повернулась лицом к другому концу коридора.

Оттуда донёсся звук шагов, из теней вынырнула фигура — солдат, сосредоточенно поправляющий ремень. Шаг... Другой... Ближе... Беспечное насвистывание прервалось, он увидел чужаков рядом с постом и труп сослуживца. Рука — легла на оружие, рот — открылся для крика тревоги.

Влад уловил только стремительное движение, как размазанный штрих. С левой стороны

на груди стражника внезапно выросла витая рукоятка ножа, вокруг поползло кровавое пятно. Тело медленно осело. Ратри со вздохом облегчения отёрла пот со лба.

— Фу, еле успела. Чего вылупилась? — внезапно грубо обратилась она к соратнику по побегу. — Никогда не видел, как людей убивают, что ли?

Парень молча отвернулся и, почесав в затылке, попробовал потянуть за крайнюю доску. Старое дерево щепилось под пальцами, но прибито было на совесть. Влад подсунул под край клинок, нажал. Оружейная сталь с натугой выгнулась, доска затрещала. Раскачав деревяшку туда-сюда, он смог уцепиться руками. Р-р-раз! Ещё-ё-ё! Первая доска отлетела, а Влад по инерции приземлился на пятую точку и смачно выmaterился. Сквозь открывшуюся щёлку повеяло прохладным ночным ветерком, в коридор кокетливо заглянула яркая звезда. Дальше дело пошло легче, и вскоре образовалась дыра, через которую можно было вылезти. Вот только куда? Ночное небо, конечно, красиво, но по обрывающейся вниз стене могла бы пройти только муха или ящерица.

— По облакам пойдём, красавица? — в голосе Влада слышалась неприкрытая ирония.

— Карниз, — улыбнулась цыганка и нырнула в проём, оцетинившийся щепками.

Она нащупала ногами узкую полоску камня под окном, распласталась по стене и заскользила к углу здания. «О, нет!» — мысленно застонал парень. Но другого пути не было, по крайней мере известного, и Влад решил рискнуть. Перед тем, как шагнуть за подоконник, беглец позаимствовал у убитого солдата плащ, крепко обмотав его вокруг туловища, чтобы не парусил. «Надо же чем-то свою необычную экипировку прикрыть, когда по улицам пойду. Да и лицо капюшоном заслонить, а то ведь наверняка розыск объявят утром, когда обнаружат наш побег. Или ещё раньше, если не повезёт...» Он протиснулся между полуоторванными досками и встал на карниз. Лёгкий приятный ветерок тут же обернулся злобными порывами, норовящими отлепить беззащитную человеческую фигурку от стены. Цепляясь за мелкие неровности каменной кладки, Влад буквально по сантиметру продвигался вслед за девушкой, которая уже скрылась из виду. Пару раз сапог оскальзывался на выщербинах, парню лишь каким-то чудом удавалось удержать равновесие.

Вот и вожделенный угол дома. К ужасу Влада карниз закончился. Заглянув на другую сторону здания, он увидел, что там к нему вплотную примыкает другое, меньшей высоты. Если очень постараться, то можно спрыгнуть с края приступочка на его крышу. Ветер завывал в ушах, колени тряслись от напряжения, а щека так тесно стремилась прижаться к стене, что на ней появились несколько глубоких царапин. Чувствуя, что теряет последние силы и решимость, Влад оттолкнулся, послав тело в самоубийственный полёт, но немного промахнулся. Затёкшие конечности подвели, и парень, задев край черепичной плитки, сорвался вниз, в тёмную бездну улицы. Поперхнулся криком. Успел зацепиться одной рукой. Пальцы взвыли от боли.

И тут маленькая, но неожиданно сильная смуглая ручка подхватила Влада за запястье, помогла укрепить хватку. Парень кое-как подтянулся и, хрипло дыша, улёгся на скате крыши.

— Спасибо, — первое слово, когда он почувствовал, что вновь может говорить.

Ночное путешествие, сначала по крышам, потом по тёмным переулкам, Влад запомнил нечётко. Сказывались усталость, волнение за оборотней, ожидающих его помощи в лесу. А если добавить к этому ломоту в рёбрах, побаливающую челюсть, раскалывающуюся голову и никотиновую абстиненцию... Отпечатались в мозгу только лицо Ратри в лунном свете и её

негромкий мелодичный голос:

— Здесь я тебя покидаю. Иди своей дорогой, удачливый.

Тёплые уста нашли в темноте его губы, ручки обхватили за шею, стройное податливое тело прижалось вплотную. На миг парню показалось, что никуда она сейчас не уйдёт, но цыганка, резко прервав поцелуй, мелькнула широким подолом и растворилась в тенях.

Рим отпустил его не сразу. Пытаться выйти из города ночью — самоубийство. Ворота, конечно, закрыты, и стража начеку, и толп на улицах нету, чтоб затеряться и не привлекать внимания. Оставалось ожидать рассвета. Часть итальянской столицы, где очутился Влад, более всего походила на трущобы: грязь и мусор на мостовых, зловонные сточные канавы, узенькие улочки, будто сжимаемые в постылых объятиях стен, старые дома с выщербленной кладкой и маленькими окнами-щелями. Безлюдно.

Пройдя вдоль нескольких переулков, Влад вышел на небольшую площадь. Какое-то мифическое создание скалилось мраморной пастью, изрыгая из неё струи воды. Парень присел на бортик фонтана, ополоснул лицо, жадно попил. Вода отдавала тиной или просто затхлостью, но после бега по крышам показалась сказочным нектаром. Влад не представлял, куда ему теперь направляться. «Дождусь утра, а там будет видно. Пойду вместе с толпой, авось и выйду к воротам. Главное, побыстрее до леса добраться». Что будет, когда он дойдёт до приметной поляны, он запретил себе думать.

*Идёт охота на волков. Идёт охота!
На серых хищников — матёрых и щенков.*

В. Высоцкий

В проёме ворот, кроме обычной стражи дежурили несколько священников. Влад постарался издали рассмотреть, что они там делают. Какой-то блестящий предмет инквизитор передавал в руки проходящим, а потом сразу же забирал обратно. «Вроде бы ничего страшного. Даже к лицам не присматриваются». Предметом, как с удивлением увидел парень, подойдя, оказалась серебряная монета. Влад в недоумении принял деньгу из рук святого отца, подержал пару секунд, вернул. Священник пристально осмотрел ладонь Влада и махнул: «Проходи!» Лишь очутившись на воле, за стенами негостеприимной столицы, парень понял, что таким образом искали оборотней.

Пыльная дорога, выбегающая из ворот Рима, за прошедшие сутки ничем не изменилась. Только идти было неудобно — против течения. Ранним утром почти никто не уходил из города, все наоборот стекались внутрь, чтобы выгоднее продать свой товар или наоборот сделать крупную покупку. Усталые ноги плохо слушались Влада. Поспать ему не удалось, он попытался вздремнуть прямо на ограждении фонтана, но сон слишком часто нарушали шаги ночных патрулей.

Наконец-то! Вот и знакомое дерево, рядом с которым он вчера вышел из леса. «Только вчера? А кажется месяц прошёл!» Влад свернул к одиноко стоящему исполинскому дубу, опустился в траву, словно для того, чтобы передохнуть перед продолжением пути. Негоже было целеустремлённо, у всех на глазах топтать в дубраву, известную всем как логово волков-оборотней. Парень посидел всего пару минут, потому что понял, что иначе провалится в сон. Чуть пригнувшись, быстро пошёл к опушке, надеясь на ненаблюдательность и нелюбопытность прохожих. Может, кто и обратил внимание на странного путника, но не окликнул и уж тем более не попытался остановить.

Шатёр леса зелёным пологом сомкнулся над головой человека. Повеяло запахом разогретой солнцем коры. Найти тропинку не составило труда, и вскоре перед Комольцевым открылась поляна, где его обещала ждать сероглазая волшебница. Парень остановился и почесал в затылке. Память услужливо подсказала, конечно, с какой стороны они тогда вышли из чащи. Но этому предшествовало несколько часов путляния без дорог и троп... Как найти обратный путь в абсолютно незнакомом лесу?

«Пока ты тут размышляешь, инквизиторы уже в войсках перекличку проводят и последний инструктаж! — прикрикнул он мысленно сам на себя. — Видел же в городе кучки явных новобранцев-добровольцев с горящими взорами! Они готовы прямо сейчас двинуться жечь и убивать!» И Влад ступил в заросли, стараясь держать правильное, как ему представлялось, направление.

Минуты сложились в час, затем в другой, а знакомых мест не появлялось. Многолетние дубы выглядели похожими, как братья-погодки. Буреломы время от времени перегораживали дорогу. Влад, утомившись, приостановился, сориентировался по солнцу. «Иду на север. Определённо. Но надо ли мне туда? Может, я прошёл в полукилометре от домика Конрада и не заметил... А теперь удаляюсь от него...» — невесёлые раздумья портили настроение окончательно.

— Конрад! — во всю силу лёгких позвал Влад. Потом хлопнул себя по лбу — ведь маг днём спит! — Лионелла!!!

Прислушался. Но кроме возмущённого гомона птиц, испуганных звуком человеческого голоса, ничего не услышал. Парень пошёл дальше, наудачу. Чтобы не стоять столбом и не грызть локти от бессилия. Иногда останавливался и вновь кричал в чащу имена магов.

Хруст веточки... Словно под ногой... Или лапой?

Влад замер, чувствуя, как по виску побежала капля пота.

Серая размытая тень... Зверь!

Удар. Когтистые лапы сшибают человека на землю.

Сознание возвращалось не сразу. Как-то толчками. Реальность проявлялась режущими глаз вспышками.

Зелёный. Листва, пронизанная солнечными лучами.

Коричневый. Растрескавшаяся кора под щекой.

Искристо-серый. Шерсть на мускулистом волчьем боку.

Наконец Влад окончательно разлепил веки и встретился с неподвижным взглядом хищника. Зеленоватые равнодушные глаза гипнотизировали человека. Волк развалился в паре шагов от Влада, наострив уши. Крупный, красивый и... бесконечно опасный. Густая шерсть в некоторых местах серебрилась проседью.

В лопатку парню упиралась острая коряга. Кажется, сильно напоролся. Пола плаща разорвана, фибула сверкает между корнями в отдалении. Правая рука саднила от царапин, оставленных когтями. Влад осторожно приподнялся. С одной стороны, чтобы не растревожить ушибленную спину, с другой, чтобы не разозлить сидящего напротив зверя. Где-то глубоко в душе он, правда, надеялся, что это хищник из стаи, в союзе с которой находится Конрад, но полной уверенности не было. Да и опыта общения с оборотнями тоже. А, может, это вообще обычный волк... Хотя непохоже, зачем зверю нападать, а потом дожидаться, пока дичь придёт в себя?

Волк сдержанно рыкнул, поднялся на лапы, но движение его не прекратилось. Туловище потянулось вверх, изгибаясь и ломаясь, вырастая... Перетекая в иную форму. И вот перед Владом стоит мужчина лет сорока, с прядями ранней седины над висками. Он потянулся, разворачивая плечи, привыкая опять стоять на двух ногах.

— Ты человек из другого мира? — голос звучал всё ещё напоминая звериное рычание. Низко и немного угрожающе.

Влад кивнул. «Значит, догадался как-то. На мою удачу».

— Что же ты шляешься без сопровождения?! Только то тебя и спасло, что камушек вовремя заметил, не успел когтями по горлу ударить. — Жест в сторону невзрачного кулона-переводчика.

— Поход инквизиции начнётся раньше, чем вы предполагали, — выпалил Влад самую важную новость. — Нужно как можно быстрее сообщить Конраду!

«Волк» (даже в человеческом обличье он больше смахивал на серошёрстого хищника) нахмурился:

— Пошли, я провожу тебя.

Конечно же, оказалось, что Влад ходил буквально вокруг заветной прогалины с домиком, только немного промахнувшись по направлению. Вот и залитый солнцем круг, колышущийся несмятой травой. Словно все местные обитатели не ходят, а левитируют над

землѣй, чтобы не поранить чуткие стебельки. Проводник оставил парня одного, даже не выйдя на поляну.

Трава цеплялась за сапоги, то ли приветствуя, то ли останавливая. На крыльце возникла фигурка со светлыми волосами до пояса. Белое платье всколыхнулось, когда Лионелла бросилась бегом навстречу парню. Тонкие руки на миг обвилились вокруг шеи, потом схватили за предплечья. Широко раскрытые серые глаза смотрели тревожно и вопросительно. А Владу вдруг пришла в голову ужасная мысль: «А что если она меня не поймёт?» Почему-то здесь, где он впервые встретил людей после начала Эксперимента, вернулся страх языкового барьера.

— Лионелла... — прошептал он, поглаживая её пальцами по щеке.

Девушка радостно прижалась к его груди:

— Живой. Вернулся, — бормотала она, захлёбываясь от восторга.

— Инквизиторы, они будут здесь завтра утром. Я слышал, как об этом говорил один священник, занимающий не последний пост в их организации. Уже всюю формируются отряды, собираются добровольцы, да и подневольных стоняют, преступников, например. Я так боялся не успеть.

Удивление во взгляде магички постепенно вытеснялось ужасом. Она, ничего не ответив, вырвалась и побежала к дому. Влад кинулся за ней. Лионелла изо всех сил стучала в запёртую дверь второй комнаты.

— Конрад! Конрад, проснись! — миниатюрные кулачки исступлённо колотили по неприступным тёмным доскам. С другой стороны не доносилось ни звука.

Девушка быстро поняла бессмысленность своих действий, несколько мгновений смотрела наполненными слезами глазами в дверь. И вновь выбежала из дома.

— Лионелла! — крикнул Влад, не успевший даже ничем ей помочь.

А магичка уже пробиралась мимо стены дома сквозь заросли исполинских лопухов и бурьяна. Парень догнал её, начал отводить особо крепкие побеги в сторону. Пару раз по незащищённым рукам зло хлестнула крапива. Лионелла стремилась, как выяснилось, к противоположной стене постройки, где было небольшое, занавешенное изнутри чёрной тканью окошко. Ведущее в спальню Конрада.

Девушка приподнялась на цыпочки и громко постучала.

— Конрад, очнись! Конрад!!!

Нет ответа.

Запылённое мутноватое стекло выглядело основательным и прочным. И явно не открывалось. Лионелла продолжала бить в окно, бросаясь на него буквально всем весом. Её призывы перешли в рыдания. Влад не выдержал, мягко перехватил покрасневшие кулаки. Девушка попыталась было вырваться, но Комольцев ровным успокаивающим тоном сказал:

— Постой. Подожди. Я сейчас всё сам сделаю. Найду камень и вышибу это чёртово стекло. Хорошо?

Лионелла покорно кивнула. Влад порыскал в зарослях чертополоха и действительно скоро обнаружил подходящий по величине и тяжести булыжник. Примерился и саданул в окошко. Стекло нехотя треснуло, и только после ещё нескольких ударов соизволило осыпаться осколками. Магичка тут же кинулась к открывшемуся проёму, Влад еле успел выбить несколько торчащих клыками стекляшек. Худенькая девушка легко проскользнула внутрь. А вот самому парню пришлось попотеть, протискиваясь. «Бойница, а не окно, честное слово!»

Лионелла тормозила спящего мага так, что даже труп, наверное, поднялся. Хотя бы для того, чтобы отвязались. Но Конрад не подавал никаких признаков, что ощущает прикосновения или слышит голоса. Влад с любопытством озирался: комната была очень маленькая, всего и вмещалось в ней — кровать, столик рядом, шкаф и странное сооружение в форме параллелепипеда с нанесёнными на боковые грани рельефными узорами. Парень подошёл поближе, провёл рукой по гладкой верхней плоскости. С краю тянулся желобок неизвестного назначения. Память рук всегда сильнее зрительной, да и в прошлый раз Влад не видел. Похоже, что точно такое же... нечто он нашёл в подвале под сарайчиком в первый день пребывания в «заколдованном лесу». Что бы это могло значить?

— Лионелла, — Влад осторожно тронул её за плечо. — По-моему это бесполезно. Он не проснётся.

Почему-то парень был уверен в своих словах, хоть и не мог понять, как человек может столь беспробудно спать. Магичка заслонила лицо ладонями, пытаясь сдержать истерику, и вдруг решительно кивнула каким-то своим мыслям. Аккуратно вытащила кинжал из ножен, лежащих на прикроватном столике, шагнула к возвышению, опустилась на колени. И резанула вену на левой руке. Густая бордовая кровь плеснулась на камень, оставив красивые кляксы, похожие на вишнёвый сок, уютно легла в желобок. Медленно потекла. С губ Лионеллы слетали непонятные слова (даже амулет оказался бессильным), звучащие певуче-загадочно. Лицо приобрело пугающее отстранённое выражение.

«Алтарь! — пронзила мозг Влада догадка. — Конечно, а желобок и предназначен для стока жертвенной крови». Вот только на этот раз жертвой сделалась девушка, которая уже стала для него дорога. Первым порывом было оттащить её оттуда, остановить кровь, привести в чувство. У Комольцева за спиной раздался негромкий стон.

— Конрад! — Лионелла подбежала к кровати, где ворочался маг. Тот приподнялся на локте, не открывая глаз. Девушка протянула руку, с которой обильно стекала кровь, потормозила Конрада за плечо.

Пробуждающийся перехватил её кисть, резко сжал, так что Лионелла не смогла сдержать крик. Казалось, хрупкая кость запястья сейчас с лёгким щелчком сломается. Влад кинулся на выручку и попытался разжать пальцы Конрада, ставшие словно стальными прутьями. Маг уже раскрыл глаза, но колыхавшаяся в них тьма не обладала разумом. Второго «противника» он встретил прямым в челюсть, и Влад улёгся на пол считать искры, сверкнувшие перед взглядом.

— Конрад, проснись, — голос Лионеллы звучал умиротворяющее, кто знает, каких усилий ей это стоило. — Это же я, Конрад.

Клубящийся сумрак постепенно покидал зрачки мага, сдавая позиции усталости. Пальцы медленно разжались, освобождая руку девушки.

— Что такое? — хрипло спросил он. — Зачем ты это сделала?

— Инквизиторы идут. Нужно готовиться к обороне.

Конрад наконец поймал в фокус всю комнату, увидел Влада, всё ещё приходящего в себя. Вопросительно поднял бровь:

— Ты вернулся раньше. — Однако в интонации было больше утверждения.

Парень, потирая челюсть, встал.

— Что-то в последние дни мне слишком часто в лицо бьют... Нехороший обычай.

— Он же не понимал, что это ты, — вступилась за мага Лионелла. — Расскажи лучше,

что ты узнал.

— Сначала надо тебе руку перевязать. Если уж всё-таки он проснулся, то потерпит десять минут. Пошли.

Влад скинул засов с двери и, приобняв Лионеллу за плечи, увлёк за собой.

Только когда порез на запястье магички был аккуратно перебинтован, а повязка закреплена пластырем из экипировки Влада, разведчик начал рассказывать. Он подробно изложил всё случившееся с ним в негостеприимном городе Рима, увиденные приготовления к полномасштабным военным действиям и услышанное в разговоре коменданта Кардаччи с монсеньором Лоренцо. В пальцах дымилась долгожданная сигарета. Из бутылки, нашедшейся в шкафу Конрада, по кружкам разлилось багровое вино.

— Значит, завтра они будут здесь, — подвёл итог Конрад, пригубив напиток. — Тогда к чему было меня так срочно поднимать? Вся ночь впереди!

И Лионелла, и тем более Влад опешили от такой реакции.

— Нужно призвать волков, Конрад, — тихо сказала девушка. — За ночь ты можешь не успеть.

Конрад фыркнул, чуть не подавившись напитком:

— У меня гораздо больше шансов собрать стаю ночью, чем сейчас, когда я два слова вслух с трудом связываю — не то что мысленно!

— Слушай, я спешил, как проклятый, бил стражников, бегал по крышам, блуждал по лесу! А теперь оказывается, что всё это было ни к чему?! — Влад аж задохнулся от возмущения.

Пальцы мага задумчиво бегали по краешку кружки.

— Нет, это хорошо, что ты смог добраться до меня раньше. Спасибо. Ты всё сделал правильно. Но сейчас я ничего не соображаю, к сожалению, а колдовать и подавно не могу. Пойду спать. — Бросил взгляд на Лионеллу. — Не волнуйся, мы успеем.

Он пошатывающейся походкой отправился обратно к своему ложу. Громыкнул засов. Видно, Конрад закрыл его по привычке. В комнате повисло молчание: Влад угрюмо отхлёбывал вино, как воду, не ощущая вкуса, а Лионелла просто сидела рядом с ним.

— Не обижайся на него... — сказала она почти умоляюще. — Ему очень трудно, если приходится не спать.

— Да я тоже за прошедшие сутки глаз почти не сомкнул! — взорвался Влад. — Однако не причитаю по этому поводу! Что вообще за странность: ты — ночью, он — днём, как спящие красавица с красавцем.

У Лионеллы дрогнули губы, как будто она пыталась сдержать слёзы. Длинные ресницы моргнули раз-другой, и крупная капля всё-таки стекла на щёку. Девушка отвернулась и вскочила со скамьи, направляясь к двери во двор.

«Дурак!» — обругал себя Влад, догоняя магичку.

— Постой. Прости, я не хотел на тебя кричать.

Лионелла доверчиво прижалась к нему и дала волю слезам, а Влад нежно поглаживал её по спине и шептал что-то ласковое и доброе. Она была почти одного роста с парнем, поэтому когда немного отстранилась, успокоившись, то их лица очутились близко-близко. Комольцев не разобрал, кто из них первым качнулся навстречу, поцелуй начался словно сам собой, без постороннего участия. А потом всё закружилось вокруг — зелень листвы и солнечные блики, сочная трава и птичий щебет, жаркие губы и требовательные руки, и

жѐсткость лавки в доме, и упоение друг другом.

На узкой скамье было невероятно тесно, у Влада затекла рука, на которой задремала белокурая магичка, но он мужественно терпел, рассматривая узор древесных жилок на досках потолка и одновременно обдумывая сложившуюся ситуацию. «Итак, что мы имеем? Попробуем рассуждать логически, как бы это ни было трудно. Теперь уже однозначно ясно, что судьба (в лице Земного трибунала) забросила нас в какой-то иной мир. Может, другая планета, или прошлое, или, чем чёрт не шутит, соседнее измерение. Не суть важно. Главное, что я здесь, дороги обратно не видно, да и возвращаться, если по-честному, не тянет. Дома, скорее всего с распростѐртыми объятими не примут, раз один раз с таким пафосом изгнали. Та-а-ак. Далее. Существует здесь и магия, и сверхъестественные существа. То есть для здешних мест они совсем даже естественные... Не успел я туточки проявиться, как умудрился влезть в давнюю вражду инквизиторов и оборотней. И сразу как-то само собой оказалось, что принял сторону „волков“. Ну, это ладно. В конце концов, Конрад мне здорово помог тогда, ночью. И Лионелла... — он втянул запах её волос. — Хорошая девушка... Доверчивая такая, красивая... Милая...» Логика закончилась и начались сантименты. Да и усталость навалилась тяжѐлым мешком, припечатала свинцовыми шариками веки и потащила в глубокий омут снов.

Инквизитор склонился над листом бумаги, занимавшем почти всю площадь столешницы. Он иногда что-то помечал, с досадой хмурил брови. Виски его серебрились проседью, хотя священнику вряд ли исполнилось пятьдесят. В дверь требовательно постучали и, не дождавшись разрешения, через порог шагнул отец Лоренцо. Левый глаз санквификатора был окружён чёрно-фиолетовым синяком, а на дне зрачков скопился осадок усталости. Да и всё лицо посерело, отразив напряжение прошедших суток. Он коротко поклонился:

— Приветствую, монсеньор Гаэтано.

— Проходи, Лоренцо, присаживайся, — глава Святой Инквизиции лишь на секунду оторвался от карты. — Рассказывай, что там у тебя случилось.

— Тот подозрительный арестант, про которого я вам сообщал вечером, совершил побег.

Гаэтано медленно поднял взгляд. Глаза инквизиторов встретились, похожие, как близнецы-братья. Чернее мрака подземелий, где дожидаются приговора еретики.

— Как сбежал?

— Вместе с ещё одной задержанной. Убили двух стражников, ещё двое пострадали. Ушли по крышам в трущобы, а там ищи ветра в поле!

Пальцы Гаэтано забарабанили по столу, отстукивая какой-то маршевый мотив.

— А что за девка?

Лоренцо пожал плечами:

— Цыганка какая-то. Арестовали во время облавы. Думали, что проститутка или воровка. Но один из сокамерников утверждает, что видел у неё татуировку гильдии убийц.

— Не смеши мои седины! В Риме давно нет гильдии убийц. Да и женщин в неё не принимали.

— Я только передаю слова допрошенных, ваше высокопреосвященство, — сухо сказал санквификатор. — И я склонен им верить. Иначе как объяснить, что один из солдат убит голыми руками, по всем симптомам — секретным ударом гильдии?

— О, Господь Всемогуший! — Гаэтано возвёл очи к потолку. — Только этого не хватало. Ну, ладно, пусть с убийцами разбираются светские власти, не наше дело. Может, и этот одержимый из той же шайки? И вовсе не колдун? А?

— Хотелось бы верить, монсеньор... — Лоренцо нервно затеребил чётки кончиками пальцев.

— Ладно, сбежал, и Бог с ним. У нас есть более срочные дела, кроме того, чтобы ломать голову над детективными тайнами. Смотри, — кардинал провёл пальцем по карте, — наши войска зайдут в лес здесь и здесь. Вот тут обустроим лагерь. И широким фронтом начнём наступать, стараясь не оставлять оборотней за спиной. К каждому отряду будут прикреплены как минимум один деуст и один санатор. Кроме того, у нас достаточно много лучников. Всем раздали стрелы с серебряными наконечниками, большинство мечей тоже посеребрили. Оружие благословлено, а воины получают напутствие утром. Как боевой дух в войсках, Лоренцо?

— Достаточно высок, монсеньор, особенно среди добровольцев. Да и преступники за обещанное отпущение грехов глотки нечисти будут хоть зубами рвать.

Гаэтано прошёлся из угла в угол, заложив руки за спину. Повернулся к подчинённому:

— Что ещё? Чувствую, что ты что-то недоговариваешь. Слишком всё гладко.

Лоренцо вздохнул: «Видно, сегодня у меня такой жребий выпал — сообщать кардиналу плохие новости...»

— Ваш сын требует, чтобы его поставили в один из передовых отрядов, командовать лучниками.

— Интере-е-есно, — протянул Гаэтано. — А почему я узнаю об этом от тебя, а не от него? Ты, Лоренцо, теперь стал заниматься формированием стрелковых отрядов?

— Я думал, что вам нужно про это знать. Стоит ли вообще пускать мальчишку в битву?

— Этот «мальчишка», как ты выражаешься, уже совершеннолетний. И волен выбирать, где хочет найти свою смерть. Я поговорю с ним, но не собираюсь запрещать. В конце концов, он один из наших лучших лучников.

— И ещё, ваше высокопреосвященство, нас мало. Несмотря на то, что в ополчение записалось едва не всё боеспособное население Рима, а мы вытащили из тюрем несколько сотен осуждённых. И мы не знаем местность. — Санктификатор по привычке перекатывал в пальцах блестящие камешки чётки.

Глава Святой Палаты хитро улыбнулся:

— Относительно последнего ты заблуждаешься. Смотри, — он начал показывать по карте. — Здесь находится дом их магов, здесь проходят тропы к водопою, вот тут логово, где скрывается потомство и старики. Удивлён? — Гаэтано бросил взгляд на ошарашенное лицо Лоренцо. — Под пыткой говорят все, даже оборотни, и тот воришка не оказался исключением.

Лоренцо задумчиво покачал головой:

— Всё равно, ваше высокопреосвященство, мы могли бы подготовиться лучше. Может быть, всё же отложим начало войны на недельку-другую? Проведём тренировки для ополчения, соберём добровольцев из окрестных селений, разработаем более подробный план наступления...

Гаэтано застыл напротив окна, окружённый лучами утреннего солнца, как нимбом.

— Я понимаю твои сомнения, но, поверь, времени ждать нету.

— Почему? — Санктификатор не желал удовлетвориться столь туманным объяснением.

— Ты хочешь знать? Ну что ж, не вижу причин скрывать это от тебя, Лоренцо. — Кардинал вернулся вновь за свой стол, опёрся на стол локтями и начал рассказ. — Тот волчонок поведал ещё кое-что интересное. Он называл мага-предводителя стаи «бегущим с волками» и утверждал, что у того есть амулет «бегущих» — профиль волка на фоне луны. Да, вижу, ты не веришь, но зачем приговорённому к смерти врать?

— Да мало ли зачем... Может, надеялся, что мы испугаемся и оставим в покое оборотней, может, выдавал желаемое за действительное, а может, просто бредил от боли...

— Он упомянул много подробностей, которые вряд ли были бы известны такому молодому. Если только он не видел это всё в действительности... И вообще, скажи, сын мой, ты часто видел колдунов, которые могли не просто жить в мире с нечистью, а ещё и управлять целой стаей? Этот факт сам по себе должен был давно нас насторожить, но никому и в голову не приходило, что «бегущие с волками» по-прежнему живут среди нас. Конечно, Конрад наверняка полукровка, но от этого не становится менее опасным.

Лоренцо вздохнул и озвучил очередную каверзу:

— Ладно, допустим, что в дубраве на самом обосновался потомок «бегущих с волками». Но он там поселился не вчера, а значит, непринципиально, выступим мы завтра или через

десять дней.

— Он собирается добраться до Волчьего Рубина. — Фраза упала, словно камень в бездонный колодец, сразу породив гробовую тишину в комнате.

Рядом заворочалась Лионелла, и Влад чуть не грохнулся с лавки.

— Добрый вечер, милый, — шепнула девушка. — Ты спал беспокойно. Что-то плохое снилось?

— Не помню, — пробормотал парень. От сновидения остался только неприятный осадок в душе, похожий на привкус пороховой гари, смутные образы полужнакомых людей и отблески взрывов.

Лионелла соскользнула с их неудобного ложа, потянулась, как кошка, встряхнула длинными волосами. Солнце уже подёрнулось медным предзакатным налётом, его лучи обтекали бледную кожу девушки, делая её позолоченной статуей.

— Ну вот... — печально зевнула она. — Вечер. Я уйду спать скоро.

— Опять спать? — изумился Влад. — Мы же весь день почти провалялись.

— Это ты весь день, а я давно проснулась, просто тебя не хотела будить. К тому же, это моя жизнь — спать все ночи.

И ничего больше не пояснив, Лионелла оделась и вышла из дома. Влад нехотя сполз со скамьи, невзирая на протесты потянутых мышц и избитых рёбер. На столе он обнаружил котелок, полный пшённой каши с мясом, и с удовольствием её изничтожил. Для полностью счастливого пробуждения нужно было выкурить сигаретку. Влад взял с полочки над камином кремень и огниво, несколько раз неумело чиркнул, выматерился, ещё чиркнул. И... о, Удача!.. вылетевшая искра подпалила папиросную бумагу и парень втянул горьковатый дым. Который смешался во рту со вкусом пороха.

Он вышел на свежий воздух, присел на ступеньки крыльца и, разглядывая лес в лучах заходящего солнца, пришёл к выводу, что жизнь прекрасна. Несмотря ни на что. Даже в преддверии смертельной битвы с малоизученным врагом. А может, благодаря этому. Противник определён, а значит — жизнь налаживается. Влад, не спеша, смакуя, докурил, втоптал окурок в землю. Дневное светило практически скрылось, и среди деревьев, окружающих поляну, затаились зловещие сумерки. В кустах заливались треском сверчки, и ничто не указывало на то, что где-то недалеко бродят хищные полулюди-полуволки, а за стенкой почивает сильный ментальный маг.

Приглушённый скрип дверных петель возвестил о пробуждении Конрада. Хозяин дома тоже вышел на улицу, с пасмурным выражением лица, видно, нормально отдохнуть ему так и не удалось. Глянул на Влада с нехорошим прищуром:

— Значит, завтра?

Парень не ответил — сколько можно талдычить об одном и том же. Вместо этого решил в конце концов прояснить несколько давно не дающих покоя мелочей:

— Ты не слишком удивился, когда увидел, что амулет в обратную сторону тоже переводит.

Маг пожал плечами, присев рядом:

— С магическими артефактами всегда так. Невозможно заранее предугадать точное действие. Применяемые разными людьми, они могут давать необычные эффекты. Скорее всего, у тебя есть скрытые способности, помогающие усиливать амулет. Поэтому он и стал двусторонним переводчиком. А возможно, магические поля искажаются оттого, что ты

неместный. В общем, надо радоваться, что свойства изменились в положительную сторону.

Влад задумался, перебарывая предположение о том, что сам может оказаться магом. И озвучил пришедшую в голову мысль:

— А у тебя не завалилось ещё парочки артефактов? Желательно таких, которые можно использовать в качестве оружия.

— Нет, — ответил Конрад. — У меня и этот переводчик оказался, можно сказать... случайно. И я долго не знал, куда его приспособить. Артефакты в нашем мире — большая редкость...

— А уж в нашем-то... — невольно улыбнулся Влад.

Маг не поддержал весёлого настроения.

— Эх, если бы у нас было больше времени... Хотя всё равно не получилось бы. Слишком опасно.

— Что? — поднял бровь Влад.

Маг поднялся, прошёлся туда-сюда по дворику и обернулся к парню, встав против лунного света, так, что выражения лица не было видно — только словно вырезанный из чёрной ткани силуэт.

— Есть одно место, где вполне вероятно можно найти старые вещишки, обладающие недюжинной мощью. Город Призраков. Кстати, я был бы не против, если б ты туда ходил. Уж больно меня интересует одна вещишка, которая там хранится. Но до него идти минимум три дня. Так что поговорим об этом, когда не будем находиться в таком цейтноте.

При упоминании Города Призраков Владу почудилось, что где-то когда-то он слышал это название. «Невозможно, — отбросил он удивительную мысль. — За прошедшие дни точно первый раз об этом месте разговор зашёл». Но в мозгу осталась словно заноза, заставляющая снова и снова обращаться мыслями к Городу. Более того, Комольцев почувствовал, что ему очень захотелось добраться до упомянутого места и... и в общем-то всё, просто захотелось попасть туда. «Да что же это со мной?! — удивился парень, заметив, что за своими мыслями о Городе Призраков перестал слышать слова Конрада. — Есть более неотложные вопросы, чем какие-то отдалённые месторождения артефактов». И только тут заметил, что впился ногтями в собственную руку почти до крови. С усилием разжал пальцы и помотал головой.

— Тебе нехорошо, Влад? — спросил маг.

— Нет, всё нормально, — но сам не был в этом уверен.

— Генерал! Генерал!

Доктор ворвался в кабинет почти бегом, споткнувшись о край ковра.

— Что такое? — военный опустил телефонную трубку на рожки, быстренько извинившись перед незримым собеседником. — Зачем так орать?

— Вы сами приказывали докладывать обо всех происшествиях незамедлительно! — обиделся Доктор. — Если вам некогда, то я могу подождать до утра.

Молодое лицо учёного стало похожим на рожицу незаслуженно наказанного ребёнка.

— Что за новости? — подался вперёд Генерал. — Надеюсь, хорошие?

— Очень, — расплылся в довольной улыбке Доктор. — Психоматрица активизировалась. Только что пришли сведения.

— И что это значит, если перевести с ваших терминов?

— Объект узнал либо вспомнил о Городе Призраков. И теперь пойдёт к цели.

— Замечательно! — начальник тоже не смог сдержать улыбки. — Пожалуй, это стоит отпраздновать. Коньячку?

— С удовольствием.

— Конрад, скажи, пожалуйста, — голос Комольцева звучал вкрадчиво, не предвещая подвоха. — Ведь волки — хищники?

Маг посмотрел на Влада как на умственно отсталого.

— Конечно.

— Значит, они каждый день охотятся.

— Ну?

Влад впился взглядом в чёрные глаза Конрада:

— А как часто оборотни нападают на людей?

Конрад уселся на крыльцо рядом и начал ковырять в зубах щепочкой. Влад потянул из пачки новую сигарету себе, а ещё одну предложил магу. Тот повертел незнакомый предмет в руках, принялся подозрительно, но, увидев, как собеседник кое-как поджёг свою «палочку» и вдохнул дым, решил тоже попробовать. Затянулся, хмыкнул одобрително и как-то сразу посветлел лицом.

— Понимаешь, Влад, никто и не утверждает, что оборотни — святые или безобидные агнцы. Естественно, они нападают, убивают и даже поедают свои жертвы. Они же наполовину звери, это их неотъемлемая часть. Но разве люди сильно отличаются? Разве люди не уничтожают себе подобных в огромных количествах? Та же инквизиция, например. Святым отцам достаточно заподозрить горожанина в... даже не в колдовстве, а, скажем, в не совсем точном соблюдении религиозных обрядов, чтобы обречь обвиняемого на пытки и длительное тюремное заключение. Что уж говорить о таких, как мы... Магов они даже людьми не считают.

— А вы люди? — насмешливо поинтересовался Влад. — Что-то никогда не видел раньше людей, которые бы спали днём, как убитые.

Из груди Конрада вырвался тяжкий вздох. Он в последний раз пыхнул сигаретой:

— Неплохое зелье, бодрит. — Помолчал.

Влад не торопил его с ответом, хотя любопытство билось внутри непоседливым зверьком.

— Относить ли магов к людям, это давний вопрос, который не может разрешить ни теология, ни философия, ни остальные науки. Лично я считаю, что не слишком много между нами отличий. Способность колдовать даётся от рождения. Почему-то талантливых музыкантов и живописцев, одарённых ремесленников не причисляют к нелюдям, хотя на деле разницы никакой. И там, и там — милость богов, своего рода гениальность, просто маги не сочиняют песни, а сплетают энергию своей души с силой природы. А про нас с Лионеллой — долгая история. Сейчас не время её рассказывать, нужно успеть за ночь оборону подготовить. Объясню вкратце, чтобы тебе не было так уж странно. Когда мы встретились впервые, я вытащил девочку из лап инквизиторов. У неё были небольшие способности к колдовству. Мы провели один обряд, описание которого я в молодости раскопал в древней рукописи. Наши магические силы увеличились многократно, но у каждого положительного действия есть обратная сторона. В нашем случае ценой могущества стало его ограничение по времени — я колдую ночью, Лионелла днём.

— Но ведь у инквизиции тоже есть маги. Меня в Риме допрашивал священник... Как же

его?.. Монсеньор Лоренцо, кажется. Так он тоже пытался мысли читать или что-то такое. Голова до сих пор побаливает. Значит, кому-то можно, а кому-то нельзя?

Конрад хмыкнул презрительно:

— Эти «маги» инквизиторские — на самом деле не колдуют. Они молятся, а их Бог даёт им энергию. Самые опасные из них — санктификаторы: они чувствуют чужую магию, а наиболее сильные могут её блокировать. Плюс набор ментальных способностей — внушают страх или, наоборот, воодушевление, с одного взгляда умеют определять нелюдей и даже залезать в мысли допрашиваемых. Могут наносить весьма болезненные энергетические удары. Очень помогает при выпытывании признаний из еретиков. Тебе несказанно повезло, что сам Лоренцо не смог пробиться в твои мозги. Он один из лучших санктификаторов инквизиции. Ещё у Святой Палаты есть лекари-санаторы, заговаривающие даже тяжёлые раны. Этой способности я всегда завидовал, да и все колдуны наверное испытывают такие же чувства. Среди истинных магов нет целителей. Инквизиторы-деусты управляют огнём, используя его в битвах.

На потемневшем небе одна за другой проступали звёздные искорки, пока неяркие, робкие, словно подмигивающие наблюдателям. Откуда-то из чащи раздался далёкий призывный вой. Влад вздрогнул от неожиданности.

— Тьфу, когда ж я привыкну!

Конрад усмехнулся:

— Быстро. Если мы переживём завтрашний день. У тебя есть ещё вопросы, без ответов на которые ты не сможешь нормально воевать?

— Пожалуй, настолько важных нет, — помотал головой Влад. — Я на вашей стороне однозначно, а со всеми непонятками разберёмся, когда опасность минует.

Волки продолжали перекликаться, теперь их голоса слышались со всех сторон и ближе. Маг прикрыл глаза и сосредоточенно свёл брови.

— Конрад, у меня есть ещё вопрос.

— Что? — в голосе гремели нотки гнева.

— Точнее, даже не вопрос, а просьба. Я не умею пользоваться местным оружием. Как же я буду завтра сражаться? Возможно за одну ночь что-нибудь освоить хоть чуть-чуть, основные приёмы?

Конрад пожал плечами:

— Маловероятно. Но если ты настаиваешь, то я могу показать. Меч или лук? — Он поднялся на ноги.

— Э-э-э... Даже не знаю. Давай лук.

Комольцеву почему-то казалось, что освоить стрельбу проще, чем фехтование.

Дубы, часовыми стояли вокруг поляны, словно отгораживая маленький магический мирок от реальности. Зачарованную сонную тишину не нарушали посторонние звуки.

Вжик!

Стрела унеслась на другой конец поляны и затрепетала, воткнувшись в ствол дерева. Конрад передал оружие Владу, показывая правильное положение рук.

Хлоп!

Тетива больно бьёт по руке, а стрела измождено тыкается в землю в паре шагов от горюченика.

Хлоп!

Стрела остаётся в руках, лук, как в комичном мультфильме, падает под ноги.

Хлоп! Хлоп! Хлоп! Вжик!

Влад с трудом сдержал крик ликования: белое оперение ярким пятном выделялось на фоне дубовой коры.

Вжик! Хлоп! Хлоп! Вжик! Хлоп!

Вжик! Вжик! Вжик!

Парень картинным жестом утёр пот со лба.

— Не думай, что после двух часов занятий ты станешь снайпером, — скептически скривил губы Конрад. — Я отправлю тебя в арьергард, и будем надеяться, что дотуда эти крестоносцы не доберутся.

— Я не намерен отсиживаться в тылу!

Голос Конрада стал жёстким, приказным:

— Ты будешь там, где от тебя больше пользы. Для всех будет лучше, если ты останешься жив.

«Прав он, естественно. Чтобы я под ногами не путался... Но как же плохо чувствовать себя таким никчёмным!»

— Конрад, а ты завтра днём будешь спать? — озвучил Влад внезапно пришедшую мысль.

Маг утвердительно качнул головой.

— А как же... — начал парень.

— Если ты о Лионелле, то она справится и без меня. Она сильная колдунья и умная девушка. А сейчас, извини, но мне нужно поговорить с волками, дать последние указания. Мой совет — отдохни перед завтрашним днём, ещё один час тренировок не сделает тебя лучником, а вот лишний час сна удержит пальцы от дрожи.

И повелитель оборотней направился к черноте леса.

В утренней дубраве было так уютно, птицы пели так звонко, а солнечные зайчики так весело перебежали по листьям, что Владу показалось дурным сном всё пережитое накануне. Парень поймал за талию разбудившую его Лионеллу и притянул к себе, почувствовав, что безумно по ней соскучился с прошлого вечера. Но магичка строго нахмурилась:

— Не время сейчас. Все собрались.

Действительно с поляны доносилось звериное ворчание и негромкие разговоры, а когда Влад выглянул в окно, то увидел, что там сидят и лежат люди вперемежку с волками. Несколько десятков, но не сказать, чтоб уж слишком много.

— Это что, все, кто есть? — поражённо спросил парень. Вспомнив римских ополченцев, он почувствовал, что в груди холодеет: такими силами не справиться.

— Нет, конечно, большинство уже ушли к краю леса. Встречать, — в голосе девушки мелькнула горечь. — Здесь командиры «второго эшелона», так сказать. Поешь быстренько, а я сейчас приведу Альберто.

Аппетита у Влада не было, поэтому он только пару раз ковырнул ложкой традиционную кашу с мясом, которая опять как по волшебству оказалась в котелке на столе. «Вот здорово жить. Просыпаешься, а тут завтрак готовый, ещё горячий. И посуду мыть не надо. Домовые у них живут, что ли?» Лионелла вернулась с высоким мужчиной, настоящим богатырём, поражающим взгляд ровным бронзовым загаром.

— Влад, познакомься, это Альберто.

Мужчины пожали друг другу руки, и оборотень сказал неожиданно высоким музыкальным голосом:

— Значит, воевать вместе будем.

Влад утвердительно качнул головой, подхватил лук и колчан со стрелами, закрепил на ремне ножны с кинжалом, рассовал по карманам кремень с огнивом и пачку сигарет. Девушка протянула парню фляжку, которую предусмотрительно наполнила водой из колодца, а потом обняла его, с трудом сдерживая слёзы. Влад почувствовал себя подонком: сам уходит в относительно безопасное место, бросая любимую женщину на передовой. Мелькнула даже крамольная мысль плюнуть на указания Конрада и остаться здесь. Лионелла словно уловила его настроение и прошептала:

— Всё со мной будет хорошо. Иди. Инквизиторы досюда не дойдут, волки остановят их раньше. Я буду в безопасности.

В серых девичьих глазах невозможно было прочитать, верит ли она в то, что это правда.

— Иди, — магичка отстранилась и слегка подтолкнула Влада к двери, на пороге которой переминался с ноги на ногу Альберто.

Чем дальше, тем глуше становился лес. Дубы переплетались кронами где-то в вышине, полог фигурных листьев заслонял свет, придавая всему окружающему необычный изумрудный оттенок.

— Далеко ещё? — не утерпел Влад.

— Почти пришли, — отозвался его неразговорчивый проводник.

— А то, может, побольше пройдем? Вдруг противники нас здесь всё-таки найдут? — съязвил парень.

Альберто неодобрительно зыркнул через плечо:

— Не зубоскаль попусту, человек, на нас врагов хватит. Неподалёку проходит тропа, ведущая к одному из наших поселений. И мы будем защищать её вдвоём. Очень надеюсь, что тебе можно доверить прикрывать мне спину.

Влад оскорблённо замолчал, поправил соскальзывающий лук, который так и норовил зацепиться за кусты. И в очередной раз пожалел об отсутствии пулемёта или, на худой конец, нескольких гранат.

— Здесь, — остановился Альберто на краю заросшего овражка с пологими склонами. — Обустраивайся, как тебе удобнее. Инквизиторы должны появиться оттуда, — он махнул рукой туда, где деревья стояли не так часто.

— Что-то я в упор не вижу никакой тропы, — тихо пробурчал Влад себе под нос.

Однако звериный слух не подвёл оборотня.

— Сразу видно, что нездешний, в лесу как будто ни разу не был. Вон дорожка идёт.

Парень пригляделся, всё равно ничего не увидел: вроде заросли не такие густые, как в других местах, но и только. Пожал плечами, но спорить не стал. Спустился на несколько шагов по склону, прошёлся туда-сюда, выбирая позицию, удобную для стрельбы. Может, вот тут, между корней? Нет, отсюда удобно из снайперской винтовки стрелять, а тетиву не натянешь. Или в этих кустах? Нет, колючки какие-то отовсюду торчат, за одежду цепляются.

Наконец Влад нашёл более-менее удачную позицию: толстый древесный ствол бросал тень, скрывая стрелка, и место для манёвра есть: в случае чего можно откатиться в сторону или вниз, на дно овражка, — бурелом и заросли не преградят дорогу. Альберто рыскал в окрестностях, осматриваясь, потом подошёл, одобрительно кивнул.

— Я пойду немного вперёд. Когда инквизиторы будут приближаться, я постараюсь потрепать их по дороге, а потом направлю на тебя. Будь начеку!

— Конечно, о чём разговор, — Влад постарался, чтобы в голосе не прозвучало раздражение тем, что ему в последние дни даёт указания буквально каждый встречный.

Оборотень исчез в подлеске, почти на ходу меняя облик. Среди ветвей мелькнул уже матёрый волк. Влад продолжал «вить гнёздышко» — замаскировался веточками, пару даже прикрепил верёвкой на голову. Для пробы пару раз спустил тетиву, стрелы вроде летели куда нужно. Плюс-минус... Но лучше, чем ничего. Теперь оставалось самое нудное и долгое — ждать. Солнце уже светило вовсю, заливая зеленовато-золотыми лучами прогалину, которую Альберто назвал тропой. Зудели комары. Иногда цвиркала какая-то птичка. А в остальном лес хранил молчание.

Отряд был разношёрстным: четверо профессиональных воинов на службе Святой Инквизиции, каждый с луком и мечом, один деуст, которого легко отличить по распятию, украшенному кроваво-красными рубинами, лекарь с тонкими пальцами прирождённого санатора, придерживающий хлопающую по боку сумку со снадобьями, и с десятков ополченцев, узнаваемых по расхлябанной походке и нестандартному оружию. Один из добровольцев раскручивал кистень, явно рисуясь, а не для тренировки. Владел он оружием лихо, что сразу навевало неприятные ассоциации с ночными трактами и разбойничьими засадами. Другой опирался на короткое копье — непонятно, как он собирался им размахивать в лесной чаще. Молодой парнишка перебирал арбалетные болты, проверяя, все ли ровные и без изъяна. Остальные не так сильно выделялись, но мечи и кинжалы являли всё разнообразие форм, размеров и украшений.

— Начинаем, — коротко сообщил подошедший командир отряда, седовласый ветеран с длинными вислыми усами.

Воины с готовностью поднялись с земли, в последний раз оправляя амуницию. На лицах читалась радостное предвкушение предстоящей битвы. Казалось, ни один из них не задумывался, что вполне может остаться в этом лесу навсегда. Священники уже на ходу молились, осеняя крестом и себя, и братьев по оружию. «Крестonosцы» покинули территорию лагеря и углубились в нехоженые заросли.

Вожак приподнялся на передних лапах, втягивая ароматный лесной воздух расширившимися ноздрями, и тихо проскулил что-то на своём зверином языке остальным. Волки начали, не торопясь, крадучись, разбредаться в стороны, держа строй полумесяцем. Лионелла погладила вожака по загривку, ладонь девушки чуть-чуть дрожала, самую малость, почти незаметно. Морда серого хищника ткнулась в её пальцы, как будто волк предлагал поиграть. И магичка почувствовала, как страх уходит из сердца, а напряжение из мышц. Зверь словно подарил ей часть своей силы — и яростная хмельная радость побежала по жилам, в глазах загорелись кровожадные огоньки, а в груди что-то сжалось, готовое прорваться ликующим воем. Лионелла отдернула руку, как от пламени, шагнула в сторону от волка. Невесть откуда взявшийся ветерок тронул светлые пряди, дубы приветливо качнули ветками, и девушка улыбнулась, почувствовав, что противник близок.

— Что ж, они сами этого хотели...

Серые силуэты возникли незаметно.

— Оборотни! — выкрикнул один из лучников, одновременно посылая стрелу в ближайшего из волков. Серебряный наконечник ослепительно сверкнул перед тем, как вонзиться в покрытую шерстью плоть.

Отряд довольно неслаженно рассыпался, оцетиниваясь оружием во все стороны. Священники оказались в середине, прикрываемые от броска зверей. Деуст уже громко выкрикивал латинские фразы, аккумулируя между ладонями пылающий сгусток. Несколько мгновений — косматый шарик летит в сторону нападающей стаи, и волки с жалобным воем откатываются назад, распространяя резкий запах палёной шерсти. Один из хищников остался кататься по траве, сбивая пламя, но несколько стрел, воткнувшихся ему в бока, заставили тело замереть и начать менять ипостась.

Матёрый зверь кинулся откуда-то сбоку, подминая под себя одного из ополченцев, человек не успел среагировать, рука с мечом пару раз беспомощно дернулась, прижатая волчьей лапой, и разжалась. Следующий зверь напоролся грудью на выставленное копьё (пригодилось-таки нелесное оружие!), но волков было больше, и отряд постепенно начал пятиться. Один из воинов инквизиции, неловко увернувшись от нападавшего оборотня, истошно завопил и попытался зажать рукой разорванный когтями бок. Его товарищи отшатнулись в сторону от окровавленной морды зверя с оскаленными словно в усмешке клыками. Только санатор шагнул навстречу опасности, метнул посеребрённый нож, клинок вонзился в шею волка. Оборотень взвыл, и вой перешёл в человеческий вопль — на земле на четвереньках сидел молодой мужчина, из-под ключицы хлестала кровь. Верволк закатил глаза и упал. Инквизитор рванулся к раненому воину, чтобы помочь ему выбраться, но волки сжимали кольцо, отрезая священника от своих. Несколько стрел просвистели в миллиметрах от храбреца-санатора, вгрызаясь жгучим серебром в нечистую плоть оборотней.

Лучники инквизиции, молодой арбалетчик и вёрткий наёмник, мастерски метающий ножи, сумели вновь образовать какое-то подобие строя, не обращая внимания на то, что остальные ополченцы дали стрекача. Священник-деуст один за другим посылал огненные заряды во врагов, но было видно, что он устал — пальцы тряслись, плохо удерживая энергию, а глаза слезились, ослеплённые вспышками своих же заклинаний. Лекарь с трудом перетащил раненого под прикрытие товарищей, пока стрелки удерживали стаю на расстоянии, начал водить руками над боком потерявшего сознание от боли солдата.

Когда очередной пламенеющий шар готов был сорваться с ладоней деуста, инквизитор ощутил будто лёгкий толчок под руку, укол ужаса под лопаткой, и горячий сгусток изменил направление полёта, попав в спину одного из своих воинов. Человек даже не закричал, брошенный на землю мощным ударом пламени.

Все «крестоносцы» почувствовали запах приближающейся смерти.

Крови, звериной шерсти, сырого мяса.

Непереносимого ужаса, собственной беспомощности, застилающего взгляд отчаяния.

Прямой травы, лесных невзрачных цветов, свежей листвы.

За спинами волков появилась женская фигура с ореолом светлых волос, белое платье лёгкими складками летело вокруг стройного тела. Правая рука девушки взметнулась указующим жестом, и ужас нахлынул на ополченцев с новой силой. Хотелось убежать, зарыться в землю, умереть на месте, лишь бы не видеть это хорошенькое лицо с огромными серыми глазами. Лишь бы не быть здесь.

И отряд дрогнул. Луки опустились. Строй сделал шаг назад. Ещё один. И вот это уже не строй, а неуправляемое стадо, с животным страхом в безумных глазах. Первым не выдержал арбалетчик, выронил оружие и наутёк бросился в заросли. Оборотень, который оказался ближе других, метнулся в погоню и из кустов донёсся только предсмертный хрип человека. Старший из лучников, подвывая, опустился на колени, закрыв лицо руками и мотая головой, пытаясь избавиться от наваждения. Деуст окончательно потерял концентрацию и только беззвучно шевелил побелевшими губами, творя бессильную молитву отчаявшегося человека.

— Нет! — второй священник, оставив раненого, поднялся в полный рост. — Сгинь, ведьма! — раздвинул в стороны застывших в оцепенении солдат. — Именем Господа проклиная тебя, нечисть! Именем...

Вожак прыгнул, с ходу впиваясь клыками в горло санатора. Это послужило знаком для остальной стаи — волки бросились на растерявшихся воинов, кромсая зубами и когтями мягкую человеческую плоть, кое-где прикрытую кожаными доспехами и кольчугами. Брызги крови разлетались в стороны, пятная зелень травы. И вскоре поляна напоминала даже не поле битвы, а бойню скота. Десяток оборотней терзали трупы, насыщаясь ещё горячим мясом своих врагов.

Девушка провела ладонями по лицу, приходя в себя, и отвернулась от малоприятного зрелища. Однако когда вожак подошёл к ней, что-то рыкнув, магичка погладила острую морду и почти весело сказала:

— Мы победили, Альдо. Мы победили!

Инквизиторы шли, рассыпавшись неровной цепью, пристально вглядываясь во враждебный лес. Где-то впереди, в тени плотной листвы мерещилось затаённое движение, сверканье зеленоватых глаз, слышался лёгкий хруст веточек под лапами. Но движение превращалось в пятно перепорхнувшей с ветки на ветку птицы, хищный блеск глаз — в игру

солнечных лучей на росинках, шаги нечисти — в звук падающего жёлудя.

Предводитель группы «крестоносцев» — священник-санктификатор с неприятным колким взглядом — время от времени смежал веки прямо на ходу, а открыв снова, негромко говорил:

— Чисто. Обратней не чувствую.

Несмотря на это, войны продолжали щетиниться оружием во все стороны, не слишком доверяя непонятым силам, которые призывал инквизитор. Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Мало ли какая у этих нелюдей магическая защита есть...

Тишина и мирная пустота утреннего леса начинали уже действовать угнетающе: руки вспотели на рукоятках мечей, пальцы лучников устали теревить тетивы, глаза заломило от бесконечных солнечных пятен среди листвы. И тут санктификатор сказал, тем же тоном, так же негромко, но весь отряд услышал и встрепенулся:

— Близо. — Еле уловимый жест влево. — Там.

— Уверены, святой отец? — уточнил наёмник с рассечённой тонким шрамом щекой (отметина от давнего ранения выглядела почти изящно).

Священник лишь брезгливо повёл бровью, не удостоив солдата ответом. Он отчётливо, во всех подробностях помнил карту, которую показывали вчера всему командному составу, — прямо по ходу отряда должно было располагаться логово волков-перевёртышей. К тому же и прирождённое чутьё санктификатора на нечисть буквально кричало: «Оборотни!»

Воины разделились на две группы и начали медленно скрытно подходить к поляне, стараясь двигаться против ветра, чтобы звери не почуяли запах противника. Однако подобраться вплотную людям не удалось. Инквизиторы допустили банальнейшую ошибку: оборотни — не совсем звери, и интеллект у них остаётся человеческим даже в волчьей ипостаси. Отряд часовые заметили издалека, и навстречу людям выступил строй хищников. Состоящий вовсе не из волчиц и щенков, как ожидалось.

— К бою! — распорядился командир.

Это был один из самых сильных отрядов, укомплектованный инквизиторской гвардией и профессиональными кондотьерами. Шквал стрел и арбалетных болтов обрушился на оборотней. Те рванулись вперёд, стремясь как можно быстрее сократить дистанцию, навязать противникам более удобную для нелюдей рукопашную. Схватка получилась недлинной, но кровавой. Большинство зверей полегли сразу же, но те, кто пережил первые два залпа, дрались отчаянно. В ближнем бою волки значительно превосходили силой людей, они с лёгкостью разрывали шеи, полосовали бока, ломали кости конечностей. Санктификатор, держась за спинами солдат, перебирал чётки, произнося длинную литанию. На оборотней наваливалась то слабость, то отчаяние, то ложные видения сбивали с толку.

Не прошло и пятнадцати минут, как битва затихла сама собой. Правда, священнику показалось, что несколько хищников скрылись в лесу, спасаясь из сражения, но это было не так уж важно. И до них очередь дойдёт, рано или поздно.

Отряд вступил в самую деревню, которая на первый взгляд мало чем отличалась от сотен таких же, ютившихся в округе. Небольшие домишки, колодезный сруб в центре, аккуратные дворики. Вот только нет ни собак, ни скота, а вместо пыльных вытоптанных тропинок — поросшие травой лужайки. Солдаты методично прочёсывали улицы, выискивая, не затаился ли где недобитый враг.

Завернув за очередное строение, двое товарищей-наёмников нос к носу столкнулись с

небольшим волчонком, уступавшем в размерах крупной собаке. Щенок, непонятно как очутившийся здесь, ощерился мелкими ещё зубками и, не дожидаясь, пока люди опомнятся, упруго прыгнул в сторону ближайшего врага. Кондотьеры опешили от подобной наглости и солдат не успел поднять оружие для защиты, волчонок неуклюже обрушился на противника, и хотя веса не хватило, чтобы повалить крепкого мужчину, но челюсти маленького хищника клацнули около самого незащищённого горла. Человек отмахнулся, сбивая зверя на землю, когти пропахали по груди, разрывая кожаную безрукавку и оставляя глубокие порезы. Напарник наконец вышел из оцепенения и обрушил на волчонка клинок. С жалобным вскриком, крайне напоминающим детский, зверёныш упал, на загривке зияла страшная рана, плоть была рассечена почти до кости. Такое убило бы обычного волка на месте, кровь хлестала фонтанчиком из порванной артерии, но юный оборотень не был обычным. Он откатился в сторону, рана на глазах затягивалась, оставляя в качестве воспоминания только кровавые пятна на шерсти. Но залечиться совсем волчонок не успел — в шее затрепетало светлое оперение. Предсмертный хрип издали уже человеческие голосовые связки.

— Мальчишка, — сплюнул подошедший лучник, вытаскивая стрелу. Действительно, убитый оборотень едва ли успел отпраздновать тринадцатую годовщину своего появления на свет. — Не ушёл, не послушался мамку, видать. Всё у нечисти, как и у нас, у людей...

Люди тоже понесли тяжёлые потери, изумрудная трава на окраине была усеяна полурастерзанными телами большей части отряда. Наёмник со шрамом сидел, привалившись к срубам колодца, и деловито перетягивал ремнём левое предплечье, чуть выше локтя у него был волчьими зубами вырван кусок мяса.

— Святой отец, — многозначительно пробормотал воин в форме гвардии инквизиции, кивнув в сторону раненого.

— Вижу, — вздохнул санквификатор. И чиркнул ребром ладони по горлу.

Гвардеец покачал головой, потянул из ножен только что спрятанный меч. Наёмник встрепенулся, поняв, что на него обращено чересчур много внимания.

— Не выйдет, — оскалился он, перехватывая здоровой рукой арбалет. — Я же с вами, я — человек!

— Теперь нет, — глухо сказал священник. — Убить его.

Противно звенькнула тетива, болт вонзился в грудь гвардейцу, а наёмник, кривясь от боли, пытался перезарядить оружие. Немного не успел и застыл со стрелой в животе.

— Ещё раненые? — повёл луком другой гвардеец.

Вперёд вытолкнули двоих ополченцев в заляпанной кровью одежде. Они побледнели не от потери крови, а от осознания, что прошедшая было мимо старуха с косою опять усмехнулась голым черепом в лицо. Священник внимательно осмотрел раны, поводит руками около кожи и вынес вердикт:

— Когти, ничего страшного. Перевяжите их. Возвращаемся в лагерь.

Влад в стотысячный раз взмахнул рукой, отгоняя назойливую мошкарку, мельтешащим облачком толкущуюся перед лицом. Беспольный жест отвлекал от тревожных раздумий. Дневная жара набирала силу, и парень давно сбросил шерстяной плащ, подстелил его на землю, чтобы удобнее было лежать. Бушлат и камуфляжная куртка тоже валялись рядом, но и футболка успела пропитаться потом. «Эх, а что же на открытой местности делается...» — меланхолично думал Влад, предпочитая обратиться мыслями к погоде, чем к прогнозам военных действий. Альберто не показывался, хотя вряд ли отошёл далеко. Наверное, тоже залёг где-нибудь и высматривает (вынюхивает?) врагов. Через пару часов бездействия, которые перемежались только короткими прогулками по дну овражка (чтобы ноги не затекли), Влад начал непреодолимо сваливаться в дрёму. Видно, на солнышке разморило. Веки сами собой опускались, а отяжелевшая голова норовила устроиться на заросшей мхом кочке.

В сладкий сонный мир внезапно ворвались людские возгласы. Влад встрепенулся и лихорадочно начал озираться, не понимая спросонья, с какой стороны надвигается угроза. Ополченцы шли оттуда, откуда и предполагалось, парню, к счастью, не пришлось менять позицию, рискуя выдать своё местонахождение. Их было пятеро, и один уже упал, сбитый с ног волком. «Молодец, Альберто!» Влад довольно неуклюже наложил стрелу на тетиву. Солдаты тем временем старались достать мечами ловкого оборотня, мешая прицелиться единственному лучнику в отряде.

Первый блин комом, первая стрела — в молоко! Влад выругался сквозь зубы. Единственное, чего он добился — нападавшие поняли, что у волка есть помощник. Ополченцы кто залёг, кто скрылся за деревом, ища глазами стрелка. Альберто продолжал кружить вокруг, выискивая жертву, но не попадаясь на прицел. Несколько смертоносных серебряных лезвий скользнули слишком близко, вздыбив шерсть. «Где же этот лучник?!» — Владу не хватало глаз, чтобы следить сразу за четырьмя людьми, рассыпавшимися среди стволов и зарослей кустарника. У одного из солдат не выдержали нервы, он с воплем кинулся на оборотня и даже смог ранить его, на боку волка появился глубокий разрез. Для человека нападение закончилось плачевно, из порванного когтями живота полезла скользкая красная масса, и воин быстро затих. Зверь же просто отступил на несколько минут, чтобылизать стремительно затягивающуюся рану.

Влад аккуратно, не торопясь, целился: солдат в чёрных одеждах присел за деревом неудачно и был виден как на ладони. «Видно, неправильно рассчитал положение стрелка, за что сейчас и поплатится. Если попаду...»

Вжик!

— Ура, — шепнул парень, подбадривая сам себя.

И было чему радоваться — стрела не просто попала в цель, а проткнула противника насквозь в области груди, тот осел и больше не шевелился. Альберто тем временем подбирался на полусогнутых лапах к предпоследнему ополченцу. «Нужно прикрыть его». Влад наконец-то рассмотрел среди зелёно-жёлтых солнечных зайчиков светловолосого лучника, затаившегося полулёжа за маленьким холмиком. Тот изящным, явно хорошо натренированным жестом вытянул стрелу из колчана, правая рука пошла назад, натягивая тетиву. Но оборотень тоже был не лыком шит, умудрялся всё время держаться в слепой зоне,

пропуская между собой и лучником толстые дубовые стволы.

Последний оставшийся в живых мечник сделал единственное, что могло помочь, — кинул кинжал. Клинок вошёл чуть выше передней лапы Альберто, волк споткнулся и сбился с ритма крадущейся походки, задержался немного дольше на одном месте. Лучник, наверное, решил рискнуть, перекатился на открытое место, чтобы стрелять наверняка, приподнялся на одно колено. Влад еле различил слившиеся в одно движения: стрела — к тетиве, тетива назад — щёлк! — Альберто как-то косо, припадая на раненую ногу, прыгает на свою жертву, просверк лезвия, стрела — щёлк!

Влад, опомнившись, тоже выстрелил, и сразу ещё раз, благо мишень из лучника сейчас была превосходная, как в тире. Противник вскрикнул и ухватился за левое плечо, выронив оружие. Но помощь запоздала, причём с обеих сторон. Там, где встретились четвёртый ополченец и оборотень, было тихо. Никто не шевелился.

— Чёрт! — Влад слишком долго приглядывался, надеясь, что Альберто подаст признаки жизни, и лучник за это время сумел преодолеть боль и убрался куда-то в укрытие. Вроде, вон за то дерево. Или вон то? — Чёрт!

Мёртвая тишина повисла над прогалиной. Двое выживших ждали, кто первый ошибётся, пошевелится, выдаст себя. Лучник инквизиции был одет в зелёное, как и Влад. Где бы он ни был, его фигура настолько хорошо сливалась с листвой и травой, что обнаружить его можно было только по движению или на слух. Но как назло в кронах зашебуршился ветерок, наполняя лес ровным шелестом.

«Одно преимущество — он ранен, — думал Влад. — Кровь теряет, слабеет, да и стрелять вряд ли сможет с дыркой в руке». Затёкло колено, на которое опирался парень, кожа противно занемела. парень терпел-терпел, а потом чуть двинул ногой. Стало только хуже, в мышцах завозились мелкие иголки, коленная чашечка, казалось, сейчас переломится. Медленно, о-очень медленно и плавно Влад опустил на оба колена и начал вытягивать саднящую ногу вперёд.

Лёгкий свист. По щеке полоснули щепки, вылетевшие из дуба, под которым обустроился Комольцев. Белое оперение безобидно шевельнулось под ветерком, как будто маленькая птица вильнула хвостиком. Вдоль позвоночника побежали холодные мурашки. Парень опять застыл неподвижно, в ещё более неудобной позе, проследил направление вдоль стрелы. За тем деревом должен быть, но не видно. «Откуда же ты выглядываешь, сволочь? Как же ты меня видишь, а я тебя нет?» Что-то двинулось там, около корней. Влад спустил тетиву, но, конечно, не попал. Стрела даже не долетела, ткнувшись в землю где-то на полпути до цели.

— Ты же человек! Почему ты с ними? — голос, раздавшийся оттуда, оказался почти мальчишеским.

«Ну нет. Ты мне зубы не заговоришь, — Комольцев совсем разозлился. — Однако, если начал разговор, значит, совсем худо ему. Может, и вправду на мировую хочет пойти? А вот фигурки!» Влад попытался прикинуть разделяющее их расстояние. В принципе быстрым броском можно преодолеть, в несколько прыжков. Но это если знать, что он не выстрелит. В любом случае вступить в бессмысленный обмен репликами парень не собирался.

Не услышав ответа, противник тоже вновь замолчал, Влад постепенно всё-таки смог устроиться поудобнее. Нога потихоньку приходила в себя, обретая нормальную подвижность. Позиционная война грозила затянуться, но Владу это было на руку. Ему-то нет необходимости уходить с места, рано или поздно волки или Конрад придут сюда. А вот вражескому стрелку ждать нечего. Со стороны лучника донесся слабый хруст веток, Влад

насторожился, до рези под веками всматриваясь туда. Различил лёгкое движение, но не мог определить, что задумал неприятель. Проверил количество стрел — около десятка ещё есть, но тратить впустую не хочется. Парень решил подождать. Он заметил, что у вражеского лучника не слишком удобная позиция — разросшиеся ветки кустарника мешали тому растягивать тетиву.

Чезаре покосился на своё левое плечо, надо было остановить кровотечение, но он боялся надолго отвлекаться. Ситуация сложилась патовая, нет, скорее проигрышная для него. «Вражеский стрелок здоров и может спокойненько ждать, пока я отрублюсь. Если не сниму его прямо сейчас, то живым мне не уйти». Лучник присмотрелся к позиции противника, с такого ракурса того почти не было видно, пытаться попасть — только стрелы тратить. Нужно было менять дислокацию, что тоже достаточно рискованно. Хотя Чезаре обратил внимание, что враг не слишком шустр. Можно и попробовать успеть. Юноша понял, что надо решаться срочно, пока рука не потеряла подвижность.

Противник внезапно вырос на открытом пространстве между деревьями, спустил тетиву и тут же упал, вжавшись в землю. У Влада сработал рефлекс, его стрела тоже сорвалась в полёт. Серебряный наконечник рванул кожу на предплечье, а инквизиторский лучник застонал, не успев добраться до укрытия.

— Что же это я делаю? — буркнул Влад и, на ходу выхватывая кинжал, побежал к упавшему воину. По коже словно пробежал холодный порыв ветра, выплёскивая в кровь адреналин, заставляя двигаться быстрее и уверенней. Пока летящая смерть не успела. Лучник скорчился в какой-то ложбинке, по его правой руке сочилась кровь — стрелой сорвало довольно большой лоскут кожи. Ранение не слишком серьёзное, но болезненное. Всё это Влад увидел как будто одним взглядом, сразу. Не раздумывая, ударил клинком. Пока враг не может оказать сопротивления. А он впрочем и не пытался.

Лежащий без сознания лучник был молод. Лет восемнадцать, а может, и меньше. Длинные белокурые волосы разметались по траве, один из чуть вьющихся локонов прилип к вспотевшему лбу. На лице застыла боль.

Влад стиснул кинжал в руке, собираясь добить противника, доставившего столько хлопот, но только бессильно выругался. Убить в разгаре боя — одно, а хладнокровно перерезать горло бесчувственному мальчишке... Влад, присев, покопался в своей мини-аптечке и перебинтовал ранение.

— Что ж мне с тобой делать?

Комольцев закинул за спину колчан пленного, пристроил на плече трофейный лук, снял с пояса ножны. Лучник в себя не приходил, а нужно ещё посмотреть, что с Альберто. Может, жив всё-таки? Парень, недолго думая, вытащил из своего вещмешка верёвку и сноровисто связал раненому руки за спиной. Хоть тот ранен и без сознания, но, вспоминая меткие стрелы и стремительные движения противника, не грех было перестраховаться.

Ополченец и оборотень лежали, переплетясь в последних смертельных объятиях. Альберто серебро насильно вернуло в человеческий облик, две стрелы торчали из трупа, а на боку багровел не успевший зажить порез от простого стального ножа. Влад попытался нащупать биение пульса, хотя сразу понял, что товарищ по оружию мёртв окончательно. Его последнему противнику, правда, это не помогло. Оборотень в последнем броске сумел

сомкнуть клыки на шею солдата раньше, чем стрелы настигли его самого.

Парень почувствовал, как в горле собирается комок, он кое-как оттащил тело Альберто в сторону (оборотень оказался на редкость тяжёл), уложил под деревом, аккуратно вытащил стрелы и отбросил в сторону.

— Спи спокойно, друг.

От скорбных мыслей Влада отвлек шорох и сдерживаемое постанывание. Пленник попытался принять сидячее положение, но с такими ранениями ему еле получалось двигаться, да и связанные руки мешали. Однако мальчишке всё же удалось кое-как опереться спиной на ближайший дуб. Он тяжело, с присвистом дышал. Взгляд исподлобья обжог нескрываемой ненавистью. Комольцев почувствовал, что в душе борются два противоречивых чувства: с одной стороны, желание прикончить врага, а с другой, как ни удивительно, сочувствие.

— Очухался? — спросил он нарочито грозным тоном.

Лучник промолчал.

А Влад понял, что не знает, что дальше делать. Убить? Жалко. Да и раньше надо было это делать, а не вязать. Допрашивать? Так неизвестно, о чём. К Конраду вести? Дорогу без проводника не найти. «Глупая ситуация. На редкость. И молчать вот так тоже бессмысленно».

— Как тебя зовут хоть?

Мальчишка только скривил губы, но вновь не произнёс ни слова.

— В героя, значит, играть будем? — Влад потихоньку начинал злиться.

— Я знаю, кого я теперь ненавижу больше нечисти, — голос пленника сочился презрением. — Тех, кто воюет на их стороне, забыв о собственной природе. Это такие, как ты, хуже зверей, лизоблюды оборотневы!

«Смелый, но глупый. Или специально нарываешься», — отметил про себя Влад, а вслух сказал:

— Оборотни не такие монстры, какими их представляют инквизиторы. Они помогли мне, когда я в том нуждался.

Мальчишка хмыкнул, отведя глаза в сторону.

«Молодой ведь совсем, жизни ещё не видел, а уже такой фанатизм во взоре. С одной стороны, жалко его, но он ведь сам выбрал. Его никто не гнал на эту войну», — Влад достал сигарету, долго стучал огнём, тихо матерясь. Горький дымок потянулся вверх, заскользил клубами серых ниток в звенящем птичьими трелями лесном воздухе.

— Я думаю, что не стоит судить так однозначно, как ты. Вот придём к Конраду, пообщаешься с ним. Глядишь, и переменишь мнение о нелюдах, — проговорил Влад, делая затяжку.

В ответе пленника звучала явная показная бравада:

— Лучше сразу убей!

— Дьявол, — выругался Влад, выходя из себя. — Ты, сопляк, не понимаешь, насколько ценна единственная и неповторимая жизнь, а уже рискуешь ей! Неужели жить не хочется?

Лучник смотрел в землю, играя желваками на щеках.

— Хочется, — тихо ответил он. — Только, наверное, не выйдет. — И вдруг вскинул серо-зелёные глаза, в которых сверкнула безумная надежда. — Оборотни меня точно убьют, если я в их лапы попаду. Отпусти, я всё равно не в состоянии сейчас кому-то вред причинить.

«Вот наглец! — подумал Влад почти восхищённо. — Хотя мысль неплохая.

Действительно, ему бы свою шкуру спасти. — Окинул внимательным взглядом намокающую кровью повязку, израненные руки мальчишки, бледное лицо с ползущими по вискам капельками пота. — Не дойдёт ведь».

— Если я тебя отпущу, ты приведёшь сюда подмогу, и меня, а также кучу женщин и детей в деревеньке оборотней порубят на кусочки.

— Я никого не приведу.

— Поклянись Богом, — хитро прищурился Влад.

На лице лучника вспыхнул гневный румянец:

— Для тебя имя Господа ничего не значит, еретик!

— Зато для тебя значит. Поклянёшься — и иди с миром, — Влад притушил окурок о лежащее бревно и испытующе посмотрел на пленника.

Мальчишка закатил глаза под лоб и как будто через силу начал:

— Клянусь Господом нашим, что не приведу на это место никого из воинов, сражающихся на стороне инквизиции, что не расскажу им, где это и не нарисую карты. Достаточно?

Влад медленно кивнул, прикидывая, что бы ещё можно было потребовать. Вроде всё учтено. Он наклонился и перерезал верёвку на руках лучника. Парнишка с трудом поднялся, придерживаясь за дерево. Видно, голова у него кружилась от кровопотери. Лучник сделал один неуверенный шаг и остановился.

— Хоть нож верни, — в голосе впервые прорезались умоляющие интонации.

— Чем он тебе поможет? Если наткнёшься на волков... Что с ножом, что без ножа — всё едино, — цинично усмехнулся Влад, начавший понемногу сожалеть о своей доброте.

— Не хочу умирать безоружным. — От сдерживаемой боли у мальчишки нервно задёргался уголок рта.

Влад отрицательно покачал головой. Противник не стал более просить, отвернулся и, сильно прихрамывая и держась за раненый бок, направился назад, в сторону, в которой где-то далеко раскинулся лагерь инквизиторов.

«Хлюпик! — злобно обозвал сам себя Влад. — Всё равно ведь сдохнет парнишка по дороге. Или волки его загрызут, или сам сознание потеряет и кровью истечёт. Снял с себя ответственность и радуешься! Дескать, я его не убивал, я ему жизнь подарил. Чистоплюй хренов!» Он с досадой ударил кулаком в бревно, ободрав костяшки. Присел на нагретую солнцем траву и запалил очередную сигарету. К счастью, освоение местных допотопных средств добывания огня продвигалось, и теперь на то, чтобы получить жизнеспособную искру уходило не больше двадцати-тридцати секунд.

Оставалось только ждать какого-нибудь проводника и стараться не думать, как он будет выбираться, если стая проиграет схватку. И не обращать внимания на растерзанные зубами и когтями трупы людей. И не вспоминать светлую прозрачность глаз Лионеллы и её мягкие губы, коснувшиеся его перед расставанием. И прогнать прочь горящую ненависть белобрысого мальчишки, которая, казалось, прилипла к коже и оставила на ней болезненный ожог. Совсем немного, и можно спокойно жить. Чуть-чуть усилий, чтобы очистить мозг от размышлений. «Сейчас бы водки...»

— Там ведьма! Она... она напустила на нас нечто страшное... Она убивает, несётся, окружённая своими зверями! А с клыков кровь капает! Ведьма! Нет! Помилуй нас Бог Колдунья! Убийца! Все мертвы!

Ополченец в испачканной чужой кровью рубахе кричал в голос. Бессмысленные, ничего не понимающие глаза на простом крестьянском лице, усыпанном веснушками, смотрели сквозь окружающих людей.

— Господи, спаси нас! Они все мертвы! Судный День близок!

Ряды ошеломлённых солдат потеснились, пропуская высокого священника. Лоренцо скользнул взглядом по трясущемуся мужчине, пренебрежительно поджал тонкие губы.

— Ведьма, говоришь?

— Да, святой отец, она, колдунья! Всех убила! Все лежат растерзанные!

— Все, говоришь? — скучающе переспросил санктификатор.

И наклонился к ополченцу:

— Тогда почему ты остался жив?

Солдат на миг даже перестал дрожать и кричать. Задвигавшиеся на лбу морщины показывали напряжённую работу мысли. Он словно судорожно пытался найти себе оправдание. Лоренцо выдержал паузу, окружающие воины тоже молчали.

— Повесить дезертира. — Инквизитор даже не стал наблюдать, выполняется ли его приказ.

Усталость скопилась в уголках глаз под ресницами и на кончиках пальцев. Тянула вниз, к земле, звала прилечь, свернувшись клубочком, в тени древесных крон. Шептала слова детской колыбельной в уши. Поглаживала мягкими ласковыми лапками по вискам. Усталость была нежной и заботливой. Пока. Пока не разозлилась от невнимания к своей персоне. Не взвалила на плечи тяжёлых камней, не надавила на глазные яблоки свинцовыми бляшками, не выкрутила мучительной ломотой кости, не закричала внутри головы истошными воплями убитых.

Но всё это будет. Лионелла не питала иллюзий. Магичка слишком хорошо знала пределы своих колдовских сил и цену каждого из десятков сотворённых за этот день заклинаний.

Рядом с ней присел на корточки смуглый мужчина:

— В чём дело, Лионелла? Что с тобой?

Девушка провела по лицу ладонью, словно снимая невидимую паутинку.

— Ничего, Альдо, просто устала немного. — Она вымученно улыбнулась. — Не волнуйся за меня.

Вожак, в человеческом облике выглядящий не менее величественным и сильным, чем в образе зверя, покачал головой:

— Может, отступим? Вечер уже скоро, инквизиторы скорее всего побоятся нас преследовать на ночь глядя.

— Нет, мы не пойдём назад, слишком рискованно. Если они пробьются к дому... — магичка замолчала, так и не озвучив самого страшного исхода битвы.

Оборотень вдруг насторожился, прислушался и, перекувырнувшись через плечо, встал на четыре мохнатые лапы.

— Позёр, — хмыкнула Лионелла, но настроение у неё сразу поднялось. Она привычно почесала волка за ухом, пытаясь вызвать прилив сил, как утром, но радость боя не разыграла в измотанной душе. Среди линий судьбы на ладонях пробежала искорка колдовства, одинокая и слабенькая, но все же живая.

Альдо на этот раз не пошёл впереди стаи, как обычно, а остался рядом с магичкой, наблюдая за разгоревшейся схваткой со стороны. Почему-то в этом отряде практически не было простых ополченцев: тёмные пятна ряс и одежды инквизиционных гвардейцев затопили собой поляну. Волки один за другим падали под ударами серебряных стрел, арбалетных болтов и огненно-рыжих шаров, срывающихся с рук деустов.

— Как же их много, — негромко сказала Лионелла.

Вожак сердито рыкнул.

— Нет, Альдо, я не пойду назад. Без моей помощи погибнет гораздо больше волков, — в нужный момент девушка могла подпустить в голос стали. Иначе не сумела бы общаться со свободолюбивыми хищниками.

Изящные пальцы коснулись краешков бровей, глаза прищурились, сверкнув серебристым светом. Магия отзывалась с неохотой, будто прорываясь сквозь толщу воды в порыве за глотком кислорода. В затылке толкнулась тупая тянущая боль, вдоль позвоночника дёрнуло железными когтями, и заклинание родилось, как и следует рождаться

— в муках и сопровождаемое криками женщины, дающей ему жизнь.

Между деревьями замелькали странные силуэты — похожие на людей с очень бледной кожей в старомодных костюмах, рядом с ними бежали огромные волки с чёрной шерстью, вздыбленной на загривках. Воздух наполнился рычанием, воем и возгласами-приказами на незнакомом языке. Стая исполинскими прыжками приближалась к отряду инквизиторов, оставив своих хозяев позади.

— Господь Всемогуший, что это? — солдаты начали испуганно креститься и шептать молитвы.

Оборотни, не теряя времени усилили натиск, «крестonosцы» готовы были побежать. Чуть надави — сорвутся в бездонную пропасть паники, на дне которой плещется багровый поток их собственной крови.

— *Glória Patri, et Fílio, et Spirítui Sancto*, — один из всего отряда остался непоколебим. Лоренцо стоял, как колонна храма, удерживающая его от разрушения. Звучный голос, казалось, был слышен по всему лесу. И с каждым произнесённым словом, с каждой переброшенной гематитовой бусиной на чётках силуэты новых противников бледнели, таяли, становились полупрозрачными и постепенно растворялись. Реальные противники тоже попятились, многие присели на задние лапы, поскуливая и поджимая хвосты. Опомнившиеся солдаты проворно защёлкали тетивами.

Лионелла охнула, прижала ладонь к груди напротив сердца и начала хватать ртом воздух, задыхаясь. Жожак тут же перекинулся в человека, чтобы поддержать девушку и не дать ей упасть.

— Я справлюсь, — прохрипела она. — Санктификатор не настолько силён. Только будь со мной, Альдо. — Магичка вцепилась в предплечье оборотня, как сорвавшийся со скалы хватается за чахлый кустик на склоне, на коже мужчины выступило несколько капелек крови — отметины от ногтей Лионеллы.

В зрачках девушки полыхнул огонь, лес отозвался стоном веток, потревоженных неистовыми порывами ветра. Всё поле битвы превратилось фактически в противостояние двух людей — инквизитора, сосредоточенно перебирающего чётки, и магички, вытянувшей слегка дрожащую руку в сторону врагов. Её жест сейчас уже не выглядел повелительным, скорее, защищающимся.

Остальные участники, простые солдаты и волки, остались ненужными декорациями, забытыми перед лицом главных персонажей, смятыми волнами разнородной магии, которая схлестнулась в жарком воздухе. Аура ужаса и коверкающие сознание иллюзии, с яростью сталкивающиеся течения воздуха, затмевающие взгляд вспышки света, резко сменяющиеся облаками мрака. Рядовые обеих армий замерли на своих местах, сосредоточившись на единственной цели — удержать рассудок от распада.

— *In nómine Patris, et Fílii, et Spíritus Sancti*, — Лоренцо медленно, будто в вязком киселе, поднял руку в благословляющем жесте. Слова молитвы текли плавно, не спеша, осторожно протискиваясь среди потоков чужеродной магии. Когда прозвучало завершающее:

— *Amen*, — светловолосая ведьма пошатнулась и начала оседать на землю.

Лионелла держалась из последних сил. «Если б не вечер, если б не столько колдовала за день...» Потом времени на мысли не осталось, теперь существовали лишь фигура в серой рясе, непреодолимый натиск со всех сторон, гасящий её заклинания. Церковная латынь бритвенными лезвиями полосовала разум. Перекаत्याющиеся в руках санктификатора бусины слепили слишком яркими отблесками, хотя с такого расстояния девушка, казалось, не могла их видеть. Альдо помогал ей устоять на ногах, но, к сожалению, и его резервы были безграничны. Магичка и так выкачала из него слишком много энергии, чтобы выпустить ещё несколько заклинаний. Оборотень тяжело опирался плечом на ближайшее дерево.

— *In nómine Patris, et Fílii, et Spíritus Sancti...*

Из лёгких исчез последний воздух, Лионелла покачнулась. Какое-то странное мерцающее сияние затрепетало перед её глазами, в золотистом тумане мельтешили яркие силуэты, слепящие вспышки грозили выжечь глаза, и девушка зажмурилась. «Слова, какие же надо сказать слова?.. Не помню! Где воздух?! Нет! Конрад!!!»

— *Amen...*

Земля качнулась под ногами, разверзлась пылающей пропастью, в которую сорвалась Лионелла.

— Конрад!

Полный боли и паники голос ворвался в сон. Темноволосый мужчина дёрнулся на кровати и не смог сдержать вскрик. Резко поднялся, не открывая глаз, схватился за лоб. Морщины побежали по лицу, коверкая черты.

Пробуждение было мучительным по двум причинам. Потому что не спустилась ночная темнота, солнце, хоть и клонившееся к горизонту, сияло всё ещё огненным дневным жаром, до заката оставалось несколько часов. И потому что маг всеми нервами почувствовал произошедшее на отдалённой поляне, как будто это по его беззащитной душе ударили подавляющие волю слова молитвы.

Конрад с трудом разлепил веки, под которые как будто набилась каменная пыль. Хотелось заснуть снова, представить, что крик о помощи был кошмарным сновидением. Он безуспешно искал Лионеллу мыслью, малейший отзвук знакомого колдовства, но лес хранил угрюмое молчание. Только волки отзывались с разных сторон тоскливым воем, слышимым не ушами, а где-то внутри черепа.

— Где же ты, девочка моя? — прошептал Конрад, ощущая, как по коже пробежал противный холодок от непривычной пустоты.

Больно...

Между пальцами, прижатыми к боку, лениво сочится кровь. Унося из тела последние силы. Шаги всё медленней, короче, неуверенней.

Больно...

Поднятая ступня цепляется за сухую ветку, и человек, вскрикнув, теряет равновесие и падает на одно колено. Перед глазами пляшут цветные пятна, похожие на злорадно ухмыляющихся ведьм. Клацают зубами волчьих морды, с клыков капает слюна.

Больно...

Боль, как ни странно, помогает прийти в себя. Часто дыша сквозь стиснутые зубы, человек вновь поднимается в полный рост. Кровь коркой покрывает не только кое-как перебинтованный бок, но и обе руки. На правой — сорван целый кусок кожи чуть выше

запястья, из левого предплечья торчит обломок стрелы.

Побелевшие губы что-то шепчут беззвучно, взгляд серо-зелёных глаз устремлён в никуда.

Резкий кисловатый запах заставил ноздри вздрогнуть. Волк настороженно приподнялся на передние лапы и принялся.

Запах свежей человеческой крови и страха. Запах жертвы.

Серый встряхнулся и широко зевнул. Дичь шла прямо на него.

Конрад стоял на крыльце, мысленно призывая своих подданных, выясняя, что с Лионеллой. Девушка не могла пропасть бесследно, кто-то из волков должен был быть с ней рядом и знать, что случилось.

«Где?..»

Отозвался старый оборотень, чудом выживший в одной из последних за этот день битв. Когда почти все погибли, он отступил вместе с парой более молодых собратьев, чтобы не умирать без пользы в неравном бою.

Полувидение-полурассказ — схватка с вражеским отрядом, высокий инквизитор в серой рясе. Внезапная боль в костях черепа заставила мага оборвать ментальную связь с очевидцем, но главное он понял. Лионелла жива.

Он глубоко задумался, заметнее стали три морщины над переносицей, да и всё лицо вдруг словно постарело. В глазах Конрада колыхнулись воспоминания многих десятков, если не сотен, лет. Люди столько не живут, но некому было засвидетельствовать эту странность, кроме молчаливых дубов, окружавших поляну.

От мага во все стороны леса, ко всем членам стаи, от мала до велика, понёсся мысленный приказ: «Найти равноценного пленника. Если не можете разобраться сами, приводите человека ко мне. Убить всегда успеем».

Опять коряга с затаённым злорадством подвернулась под ноги. Ближайшее дерево ткнулось в ладонь тепловатым шершавым боком. Сил идти дальше не было. Бесконечный враждебный лес не выпускал. Стволы, приласканные пальчиками косых солнечных лучей, закружились хороводом, стремясь запутать окончательно.

Белокурые волосы упали на лицо, мешая смотреть. Кажется, в нескольких метрах впереди мелькнула четвероногая тень.

— *Pater noster, qui es in caelis, sanctificetur nomen tuum.*

Рука с великим трудом поднимается, чтобы перекреститься. «Может, привиделось?»

Дуб, так любезно подставивший плечо, теперь резко ушёл в сторону, наверное, решив присоединиться к пляске своих соседей. Земля оказалась слишком близко, мягкая, тёплая, покрытая хрупкими пластинками засохшей листвы.

Волк остановился недалеко от раненого человека. Аппетитный запах бил по ноздрям, но жертва оказалась настолько беззащитной, что охоты в любом случае не получилось бы. А тут ещё приказ Конрада. Грех не взять пленного, если он сам к тебе пришёл. Оборотень потянулся всем телом, переливая мышцы в новую форму. Суставы жалобно вскрикнули, протестуя против очередной трансформации, чёрт знает какой по счёту за день.

Тихое подвывание раздалось в считанных шагах. Чезаре сфокусировал взгляд, кое-как уняв танец лесных исполинов, и увидел. Из-под серой шерсти выползла чистая человеческая кожа, лапы удлинились, теряя когти, морда втягивалась внутрь себя, превращаясь в скуластое лицо.

Ладонь по привычке метнулась к поясу, но ножны остались у того непонятно одетого солдата со шрамом через бровь, и пальцы бессильно сжались в кулак. Оборотень неуклюже распрямился, потирая поясницу. Рука Чезаре нащупала толстую корягу, которая могла сыграть роль дубины. Парнишка попытался встать на ноги, но резкая боль в раненом боку бросила обратно на колени. Вокруг внезапно потемнело, как будто ночь наступила в неурочный час.

Конрад провёл ладонью над лицом мечущегося в бреду юноши. Образы в сознании раненого были расплывчаты и малопонятны, но одна картинка проявилась отчётливо.

...В черноте качнулось размытое лицо с пылающими гневом глазами:

— Не суйся в эту войну, олух!

— Приказывай своим монахам, отец...

— Этого перевяжите, раны обработайте заживляющей мазью, — приказал маг стоящей рядом с ним женщине. — Если умрёт, шкуру спущу.

Поляна приобрела золотистый оттенок под лучами заходящего солнца. Зелень листвы покрылась налётом цвета драгоценного металла, травинки бросали друг другу яркие блики, и даже тёмная дубовая кора, казалось, посветлела, желая присоединиться к празднику летнего вечера. Однако настроение Влада отнюдь не гармонировало с природой — в голове вертелись мысли одна мрачней другой. Он устроился между корней огромного дуба-исполина, неподалёку от своей стрелковой позиции, чтобы не маячить на виду посреди прогалины, словно мишень, и нервно курил очередную сигарету, извлечённую из уже полупустой пачки.

Его внимание привлёк негромкий шорох в кустах на дне оврага, Влад замер, не шевелясь, присматриваясь и ища источник звука. «Сам скоро хищником стану, — невесело подумал парень. — В любом безобидном звуке начну вражеское присутствие подозревать». Но существо и не намеревалось скрываться. Невнятное шепуршанье превратилось в определённо человеческие шаги, отзывающиеся в вечерней тишине жалобным хрустом сушняка. Влад потянулся за стрелой, чтобы быть готовым отразить возможное нападение. Из-за дерева, не таясь, вышел юноша со светло-русыми длинными волосами. Вышел танцующей, гибкой походкой зверя. Оружия при нём не было, да и одежда не напоминала облачение ополченцев. На всякий случай Влад решил повременить с откладыванием лука в сторону. Пришелец выглядел явным оборотнем, но мало ли...

— Привет, — сказал юноша, остановившись в десятке шагов. — Как тут дела? Отбились? Где Альберто?

Влад коротко кивнул в ответ:

— Отбились... Но Альберто погиб. Там лежит, — он мотнул головой в сторону поляны. Молодой оборотень помрачнел, поднялся по склону и, осмотрев место битвы, вернулся.

— Инквизиторы отступили, потому что ночь скоро. Конрад собирает всех на совет. Пойдём.

— А как же Альберто? Надо похоронить его по-человечески... — Влад запнулся, поняв,

что его фраза звучит как каламбур.

— Потом вернёмся, надо заботиться о живых. Конрад ждёт.

Юноша нетерпеливо дёрнул плечом.

Над местом совета уже сгустились мягкие сумерки, превратив фигуры расположившихся на берегу лесного ручья оборотней в сказочные туманные силуэты. Чуть тлели угольки костра, почти ничего не освещая, но тёплое сияние живого огня успокаивало и заставляло отвлечься от чувства постоянной опасности. В центре, около самого импровизированного очага, опустив голову, сидел Конрад. Вокруг него сгрудились оборотни, сейчас все в человеческом облике, практически неотличимые от обыкновенных горожан, крестьян или охотников. Кто-то лежал, отдыхая после трудного дня, кто-то перевязывал рану товарищу, кто-то топтался на месте, не зная, куда деть неуёмную энергию. Один «волк» поднял лицо к небу, к восходящей луне и оскалил зубы, то ли улыбаясь, то ли готовясь исполнить тоскливую песню серых хищников.

Глазами Влад искал светлые волосы и девичью тоненькую фигурку. Тщетно, Лионеллы среди присутствующих не было. «Наверное, спать ушла. Уже поздно», — постарался Комольцев подумать о наиболее очевидном объяснении отсутствия любимой, но в сердце кольнула иголочка нехорошего предчувствия. Парень подошёл к Конраду и присел рядом. Маг спросил первым:

— Как ты? Нормально справился? — испытующий взгляд исподлобья.

— Живой, — Влад сразу отметил главный положительный итог истекших суток. — А вот Альберто погиб, застрелили его.

— Жаль, — нахмурился Конрад. — Хороший был волк, отличный воин.

Тишина. Выдержав для приличия траурную паузу, парень озвучил то, что волновало его гораздо больше, чем все потери оборотней, вместе взятые:

— Где Лионелла?

Веточка, которой маг ковырялся в углях, с сухим щелчком сломалась. Он ответил, не поднимая глаз:

— Инквизиторы захватили её в плен.

Влад яростно хватил кулаком о землю.

— Почему её не защитили?! Как это произошло?! Ты, — рванул к Конраду, — почему ты это допустил?!

Чьи-то сильные руки удержали его на месте, маг даже не пошевелился, словно не заметил вспышки гнева. Комольцев сел обратно и в голос взвыл, не хуже матёрых волков.

— Я же знал, что нельзя бросать её! Я должен был остаться!

— Ты бы ничего не смог сделать, — покачал головой Конрад. — С ней был целый отряд волков, но инквизиторы превосходили числом и с ними шли санкционаторы. Я, кажется, уже объяснял, что они могут подавлять нашу магию. А Лионелла к тому времени устала, не справилась... — В голосе мага растекалась горечь. — Но не так важно, кто виноват. Мы её вытащим. Волки взяли несколько пленных... Может, кто-то из них окажется ценным для инквизиции и удастся совершить обмен, хотя на это надежды мало.

— Если с Лионеллой что-то... Если они её убьют, я выжгу всё их гнездо, чего бы мне это ни стоило. — Впервые за период пребывания в этом мире Влад почувствовал, что ярость к врагам начинает пожирать его изнутри. Ощущение оказалось очень знакомым, только немного подзабытым, потерявшимся вместе с вычищенными неизвестными

экспериментаторами воспоминаниями. Тяжёлый молоточек ударил по вискам, ломота паточкой растеклась под черепной коробкой. Изнутри головы что-то стучалось, как будто новорождённый цыплёнок выбирается из скорлупы.

...Длинный коридор, затянутый пеленой остро пахнущего дыма и бетонной пыли. Откуда-то из лестничного колодца, оставшегося за спиной, доносятся крики и глухие удары. Прикладом по чему-то мягкому. Сквозь пылевую завесу почти ничего не видно, в горле першит, несмотря на то, что нижняя половина лица замотана влажной тряпкой. Тяжесть автомата в руках уже не придаёт обычной уверенности. Сколько их осталось там, позади, товарищей, коллег, друзей, с таким же оружием, столь же хорошо (может, даже лучше) подготовленных, умных, опытных... Десять? Двадцать? Влад осознал, что не помнит, давно сбился со счёта. Коридор манит вперёд видимой безопасностью, пустынностью. Из боковой двери, метрах в пяти, падает солнечный свет, слишком радостный рядом с исковерканными взрывом стенами. Кажется, в пустом пространстве врагу негде спрятаться, но сделать первый шаг страшно. Только первобытная ярость помогает пересилить страх, и Влад идёт в коридор, очередной в этом чертовски большом здании...

Кардинал, нахмурившись, мерил шагами пространство шатра. Над переносицей прорезала лоб глубокая ложбинка, губы сжались в тоненькую ниточку. Пальцы нервно теребили края рукавов. Когда полог над входом распахнулся, глава инквизиции остановился и постарался придать лицу спокойно-безразличное выражение. В шатёр, склонив голову, вошёл санктификатор Лоренцо, верный заместитель и правая рука кардинала Гаэтано.

— Ваше высокопреосвященство...

— Докладывай, не тяни. Какие потери?

— Точно ещё неизвестно, монсеньор. Про многих мы ничего не знаем, потому что некоторые отряды не вернулись вообще, ни одного солдата. Скорее всего, они тоже мертвы. Или, как худший вариант, обращены в нелюдей...

— Противник?

— Потерь у оборотней тоже много. Самая большая удача — мы захватили ведьму, которая вела их в бой. Но до дома, где скрывается главный маг, дойти так и не смогли. Нелюди бьются насмерть, лишь бы не дать нашим войскам добраться туда.

Гаэтано в задумчивости покачал головой.

— Что ж, могло быть и хуже. Ведьму срочно отправить в Ватикан. Не дай Бог, оборотни отбить её попробуют. Нам не нужны лишние жертвы. Войскам отдыхать, но выставить усиленные дозоры. Не забывайте, что ночь — время тёмных сил. — Кардинал помолчал. — Я же просил, чтобы Чезаре зашёл ко мне, как только вернётся.

Лоренцо отвел глаза.

— Ваше высокопреосвященство, видно у меня такой крест — сообщать вам плохие новости. Отряд, который возглавлял ваш сын, не вернулся в лагерь, ни один человек.

Волки один за другим перекидывались. Старший провёл ладонью по плечу, из которого сочилась кровь.

— Стрелой зацепили, — пояснил он Конраду.

Мага, как видно, мало заботило лёгкое ранение оборотня, и он нетерпеливо спросил:

— Она там?

— Лионеллы нету в лагере инквизиции. Мы не смогли подойти близко к их позициям — защита стоит, заклинания-сторожа и прочее. Но зато, обойдя по кругу и зайдя в тыл, наткнулись на дорогу, по которой из Рима им подвозят провиант и прочее. Там её провезли совсем недавно, по направлению к городу. Запах ещё в воздухе витал. Немного не успели, а то бы постарались отбить.

— Вряд ли удалось бы её освободить неподготовленным наскоком. — Конрад, преодолев волнение за девушку, начал мыслить стратегически. — Только сами бы погибли и информацию не принесли. Значит, её в тюрьму повезли, побоялись среди леса оставлять, чтобы мы лагерь штурмовать не пришли.

— Один из пленников оказался незаконным сыном главы римской инквизиции. — Конрад с аппетитом поглощал жаркое. Сегодня утром наконец выяснилось, кто же был тем загадочным поваром, ежедневно готовившим завтраки: в этот раз Комольцев застал юную верволчицу, колдующую над котелком около камина. За окошком занимался рассвет, но солнце ещё не взошло.

— Отлично! — обрадовался Влад. — Значит, оправдались надежды на ценного заложника. Его можно обменять на Лионеллу. Думаю, папочка с радостью согласится спасти жизнь своему отпрыску.

Самочувствие у Влада было такое, словно он вчера здорово перебрал спиртного: голова гудела, как пустая кастрюля, воспоминания обрывались на поляне совета, дорога до дома и последующая ночь представляли сплошной чёрный провал. «Нет, было что-то ещё... Коридор, автомат, взрыв...» Парень чуть не подавился завтраком, когда до него дошло, что то видение было картиной его прошлой жизни, до Эксперимента.

— Маловероятно, что они согласятся выпустить из своих лап такой лакомый кусок, как настоящая сильная ведьма, знающая с агрессивной нечистью. К тому же волки выяснили, что Лионеллу увезли в Рим, так что на обмен рассчитывать не приходится. — Маг побарабанил пальцами по столу. — У нас появился лучший вариант, чем рисковать парламентом. Этот пленный мальчишка знает подземный ход, ведущий от берега Тибра к Ватикану. Он проведёт нас в самое логово святых выродков, а наша задача — найти девушку и вернуться в течение одной ночи.

— А если обманет? — с сомнением спросил Влад. — Заведёт нас в ловушку. И сами пропадём, и Лионелле не поможем.

Конрад цинично хмыкнул:

— Жить захочет — не соврёт. Я же умею отличать правду от лжи.

— Да, удобная способность. Как я понял, выдвигаемся мы вечером?

— Как только я проснусь.

Под глазами мага темнели круги, и сейчас он выглядел как никогда старым. Влад

подумал: «И как я мог настолько ошибиться, подумав, что ему чуть больше тридцати?» Теперь он бы дал Конраду все шестьдесят.

— А если инквизиторы казнят её раньше? Целый день ждать!

— Во-первых, сейчас я всё равно не смогу никуда пойти, даже если б хотел. Во-вторых, Святой Трибунал никогда никого не казнит на месте, требуется провести судебный процесс по всем правилам. В нашем случае, судилище должно быть особенно пафосным и показательным. Ну, и в-третьих, если её убьют раньше, то ты об этом сразу узнаешь, потому что я не проснусь.

Влад вопросительно поднял бровь, ожидая расшифровки последнего довода.

— Я и Лионелла связаны жизнями. Погибает один — умирает другой.

— Одна жизнь на двоих? — Влад закурил, бросив на Конрада мрачный взгляд.

— Да, очень меткое выражение. Как будто она проживает дни этой жизни, а я — ночи. Всё, я пошёл спать, иначе прямо здесь отключусь. — Маг, пошатываясь, удалился в свою комнату. Стукнул засов.

Адреналин улетучился за время сна, и вновь напомнили о себе все травмы, хором жалуясь на свою лихую долю. Заняться было решительно нечем, спать больше не хотелось, от курения уже тошнило, да и сигареты нужно экономить, и так мало осталось. Влад прогулялся вокруг поляны, зашёл в лес ровно настолько, чтобы не терять из виду дом.

Мышцы болели, и парень, рассудив, что клин клином выбивают, решил немного размяться. Тем более, во время физических нагрузок особо не поразмышляешь. Бег, отжимания, приседания, подтягивания (используя в качестве турника низко наклонившуюся ветвь), отработка ударов (вместо груши — ствол дерева, не очень удобно, но лучшего варианта не придумалось) — и волнения и мысли испарились, вытесненные дрожью усталого тела. Он потренировался в стрельбе из лука, с удовлетворением отметив, что стрелы всё чаще попадают в цель, плюс-минус полметра.

К концу дня Влад готов был взвыть от тоски, безделья и одиночества. Хотелось немедленно куда-то идти, а лучше бежать, спасти любимую девушку, не дожидаясь сони Конрада. Если б парень знал дорогу через лес, то наверняка попробовал бы. Представлять, что сейчас может происходить с Лионеллой, было невыносимо.

Солнце посылало между густыми ветвями последние, уже слабые, лучики, когда скрипнула дверь. Влад к этому времени почти задремал, сидя за столом, и невольно вздрогнул.

— Не будем терять время, — сказал Конрад. — Пойдём.

Вид у него был не слишком отдохнувший, тени под глазами и сеточка морщин никуда не делись.

— Что-то ты раньше времени, солнце не село. Не слишком хорошо выглядишь, — обеспокоенно спросил Влад.

— На том свете отоспимся, — хмыкнул маг. — Лучше проснуться пораньше, чем никогда.

Влад, заранее подготовивший снаряжение, подхватил лук, колчан, проверил наличие на ремне фляжки и кинжала, сунул в карман сигареты, повесил на плечо вещмешок и поспешил за Конрадом.

Путь через сумеречную дубраву оказался недолгим. В неглубокой ложбине, открывшейся в конце, собралась ночная темнота, готовясь с минуты на минуту пойти в наступление на остальной лес. Поэтому Влад не сразу понял, кто ожидает их там. Только подойдя почти вплотную, парень рассмотрел знакомые белокурые волосы и зелёную одежду. У подножия расколотого молнией дуба стоял на коленях тот самый мальчишка-лучник, дуэль с которым стоила жизни Альберто.

Голова пленника поникла, как будто он был без сознания, руки скручены за спиной, но все раны аккуратно перевязаны. В двух шагах в стороне вальяжно разлёглась огромная белая волчица, с лентой, сквозь полуприкрытые веки, наблюдающая за заложником. Увидев Конрада, она что-то приветственно прорычала. Мальчишка при этом вздрогнул всем телом, плечи напряглись, но головы он не поднял. Конрад ласково провёл рукой между ушей стражницы.

Доброе выражение исчезло, как снятая маска, когда маг повернулся к пленнику. Конрад жёстко ухватил мальчишку за волосы, вздёнул голову вверх и насильно влил в рот несколько плотков вина из фляги. Пленник закашлялся, но в себя пришёл. В серо-зелёных глазах страх боролся с упрямством, а огонёк гордости безуспешно пытался притвориться покорностью. Поперёк щеки багровела царапина, на разбитых губах запеклась кровь.

— Вставай, ублюдох, пора идти, — произнёс Конрад с нескрываемым презрением и, обернувшись к Владу, добавил, — ты будешь замыкающим, смотри, чтобы этот сопляк ничего не учудил.

Маг, не задерживаясь больше на одном месте, пошагал по склону. Пленник, постанывая сквозь зубы, поднимался с земли. Влад протянул было руку, чтобы поддержать его, но мальчишка отшатнулся, при этом снова потеряв равновесие, и тихо вскрикнул.

— Не встанешь ведь сам всё равно, — пробурчал Влад и буквально за шкирку поднял лучника на ноги, слегка подтолкнул в спину, направляя вслед за удаляющимся Конрадом.

Идти по тёмному лесу было нелегко, особенно задерживал движение пленник, который сильно хромал и постоянно норовил зацепиться за низко растущие ветки. Предводитель процессии шагал широко и, казалось, что он видит в темноте не хуже своих союзников-волков, и остальные двое постепенно отставали.

— Эй, Конрад, может, сбавишь темп? А то наш проводник не дойдёт, — крикнул Влад, заметив, что мальчишка начал всё чаще спотыкаться. Почти одновременно с произнесением фразы лучник в очередной раз поймал ногой корягу и упал. Маг, как ни в чём не бывало, продолжал путь.

— Конрад, чёрт возьми! Притормози!

Фигура в чёрном плаще, похожая в ночи на огромную нахохлившуюся птицу, остановилась, голос Конрада лязгнул сталью:

— Не сдохнет! Пошевеливайтесь оба, иначе до утра мы не успеем даже до Ватикана идти!

Вполголоса матерясь, Влад вновь помог пленному подняться на ноги и повёл дальше, придерживая под руку. Мальчишка уже слишком устал, чтобы протестовать, его хриплое дыхание казалось самым громким звуком в ночной тишине.

Видневшаяся с опушки леса дорога была пустынна, никто не рисковал путешествовать ночью, тем более столь близко от имеющего дурную славу леса. Тишина повисла над полем

тяжёлым занавесом, нарушаемая лишь треском сверчков. Конрад осмотрелся, выискивая хоть какое-то движение, но все люди, наверное, предпочитали крепко спать по домам или в крайнем случае кутить в трактирах под защитой городских стен. Путь был свободен, открытое пространство не давало шанса укрыться нежелательному свидетелю.

— Куда точнее идти? Где начинается этот подземный ход? — Конрад даже не повернулся к пленному, бросая фразы через плечо.

Мальчишка, с трудом переводя дыхание, тихо сказал:

— Напротив того места, где к берегу примыкает Стена Аврелия.

Маг понимающе кивнул, и они пошли дальше. Влад начал потихоньку уставать от тупого перебирания ногами, ныл бок, и пульс болезненно отдавался в затылке. Он с некоторой тревогой наблюдал за пленным: «Железный парнишка. Израненный весь, уставший, да и боится же до чёртиков, а идёт, не падает. Я бы на его месте давно ноги протянул...»

Безлюдная местность навевала неприятные ассоциации с детскими кошмарами, в которых непонятно куда исчезали все живые существа. Только три фигуры двигались по равнине, отбрасывая чёткие тени в свете луны. «Представляя идеальную мишень для стрелков на стенах», — невесело подумалось Владу. Вскоре повеяло сыростью и донёлся плеск воды, впереди раскинулась главная река Италии — Тибр. Берег довольно круто спускался вниз, а напротив, немного в стороне, зловеще темнела зубчатая крепостная стена, построенная сотни лет назад императором Марком Аврелием. А может, кем-нибудь другим, древняя история никогда не была коньком Влада, а здесь и история могла быть иной, чем в его родном мире.

Они спустились ближе к речному потоку, стараясь держаться в тени деревьев, кое-где росших на побережье, чтобы не попасться на глаза городским стражникам. Сапоги скользили по росистой траве.

— Ну? — выжидательно поднял бровь Конрад, когда они оказались у самой воды. — Где вход?

Пленник огляделся по сторонам, встряхнул головой, убирая с глаз непослушный локон, и неожиданно заявил:

— Я не помню.

У мага от злости дёрнулась щека.

— Вспоминай лучше сам, щенок, пока я не начал тебе помогать, — сказал очень спокойно, но было заметно, что он еле сдерживает ярость.

Влад тем временем внимательно осматривался вокруг и, отойдя метров на пять, поймал краем глаза серебристый блик на склоне среди травяных стеблей. Земля в этом месте уходила вверх почти под прямым углом. Парень любопытства ради подошёл ближе, развёл зелень в стороны и с удивлением обнаружил, что лунный зайчик пустил край массивной металлической ручки, торчащей прямо из почвы.

— Я нашёл, Конрад! — окликнул он мага, который уже собрался переходить к допросу с пристрастием.

Потянув за ручку, Влад откинул в сторону покрытую дёрном решётку, за которой скрывалась невысокая дверь из дубовых плах, стянутых стальными полосами. Замок обрамлялся рельефом из двух единорогов, вставших на дыбы навстречу друг другу. Там, где их ноги соприкасались, темнело отверстие для ключа. Вход в тайное подземелье выглядел неприступным, как будто дверь была частью окружающей её земли, простым изображением

на чернозёме. Влад на всякий случай подёргал дверь от себя и на себя, чтобы удостовериться в том, что она (кто бы сомневался!) заперта.

— Ключа, как я полагаю, ни у кого нет? — риторически спросил парень, чеша в затылке. Лёгкий план типа «прошли по подземному ходу — попали в Ватикан — нашли Лионеллу — вернулись в лес» обрастал новыми препятствиями. Не то чтобы Комольцев ожидал, что всё пройдёт без сучка, без задоринки, но в начале пути о вероятных трудностях как-то не думалось, а сейчас они предстали во всей красе.

Конрад порылся в висящем на поясе кисете и с мелодичным звоном извлёк связку... судя по всему отмычек.

— Не слишком хорошо умею ими пользоваться, но другого выхода у нас нет, — сказал маг, старательно впихивая в замочную скважину орудие взлома. Влад, поняв, что в этом деле от него вряд ли будет толк, полностью переключился на наблюдение за пленником. «Голова у мальчишки горячая, а близость своего города может подтолкнуть к побегу. Ох, лучше б не пытался...» Но лучник и не помышлял о сопротивлении, а похоже просто наслаждался отдыхом, привалившись к отвесному склону и прикрыв глаза. Конрад вполголоса богохульствовал, перебирая одну отмычку за другой, и Владу стало казаться, что они проторчат здесь до самого утра. Но тут в замке что-то противно скрежетнуло, звякнуло, хрустнуло, и ключ провернулся. Конрад осторожно толкнул дверь от себя, из открывшегося тёмного проёма дохнуло холодом и затхлостью.

— Не видно ж ни хрена! — сказал Влад. Но маг, пошарив по бокам от двери, удовлетворённо хмыкнул — в его руке был факел, очевидно, специально заготовленный для тех, кто начнёт путь по ходу от берега Тибра.

— Вперёд, — позвал Конрад, когда огонь осветил порог подземелья, и первым шагнул в неизвестность.

Влад подтолкнул пленника вперёд, прикрыл маскировочную решётку и саму дверь, и отряд скрылся в чреве тайного хода.

Несмотря на сырой воздух, в котором еле уловимо пахло тиной, под землёй было не слишком неудобно. Потолок оказался высоким, так что даже Конраду не надо было пригибаться, стены аккуратно облицованы отшлифованными каменными блоками. Пол, хоть и земляной, но ровный, без ям, только кое-где пробиваются извивы корней.

— Долго нам идти? — поинтересовался Влад, которому порядком надоел поход по подземелью. Оба спутника проигнорировали его вопрос.

Минут пятнадцать спустя коридор расширился, превращаясь в приличных размеров комнату. В «пещере», как тут окрестил её про себя Влад, располагались несколько лавочек и стол, на стенах — кольца для факелов. Самое удобное место для плетения интриг и заговоров, встреч членов запрещённых обществ и тому подобное. На противоположной стороне из комнаты выходило уже два тоннеля, под прямым углом друг к другу.

Конрад остановился, с интересом осмотрелся и вставил свой факел в один из держателей. Размял руки, похрустев пальцами. В неверном свете трепещущих от сквозняка языков пламени маг приобрёл вид почти демонический: острый нос и впалые щёки подчёркивались резкими тенями, волосы, отражая огонь, отливали багрянцем, а глаза подошли бы самому Дьяволу, столько в них плескалось жестокости.

— Ну-с, молодые люди, у нас остался один неразрешённый вопрос. До места назначения мы практически добрались, но Ватикан немал по площади. Где будем искать Лионеллу? Ошибаться нельзя, иначе не успеем до рассвета. Итак, — он перевёл

антрацитовые глаза на мальчишку, — где её могут держать?

Пленник пожал плечами, с вызовом глянул на мага:

— Откуда мне знать? Я же не инквизитор.

«Неужели всё зря? — в отчаянии подумал Влад. — Дошли и не нашли... Глупо как... Спасатели, блин. Где ты, девочка моя? Ждешь, наверное, помощи, а мы тычемся, как слепые кроты, в стенки подземелья и не можем найти верный путь». Конрад, похоже, не терзался бесплодными вопросами, а намеревался действовать. Он помассировал виски кончиками пальцев, провёл ладонями по лицу. Его жесты неуловимо напоминали разминающегося перед дракой кулачного бойца.

— Где она может быть? — повторил он.

Ответом было молчание. Мальчишка исподлобья зыркнул на мага, напрягся, видно, ожидая удара. Но бить Конрад не стал. В глазах полыхнул огонь, непонятно, отражение факела или какое-то колдовство... Даже Владу стало не по себе, и он отступил на шаг в сторону, чтобы выйти из сектора действия заклинания. Парень успел лишь ощутить, как в черепной коробке словно ветер прошумел, поднимая мысли вихрем опавшей листвы. Пленник, на которого обрушилась вся мощь магии Конрада, пошатнулся и быстро заговорил:

— Клянусь Богом, я не знаю... Пожалуйста... Ради всего святого, не надо! Я не знаю! — Слова очень быстро перешли в нечленораздельный вопль. Мальчишка начал медленно оседать на пол, воя, как попавший в капкан зверь.

Теперь Влад понял, почему Конрад решил провести допрос здесь. Стены подземелья глушили любые крики, да и некому было их услышать в тоннелях, по которым ходят в лучшем случае пару раз в год (судя по пыли и заброшенности).

— Конрад! Прекрати! Он же не выдержит! — Владу, с одной стороны, было безумно жалко попавшего в смертельную передрагу парнишку, да и вообще пытаться беззащитного пленника, по его убеждениям, дело достаточно грязное. С другой стороны, если допрашиваемый сейчас умрёт, то вместе с его жизнью оборвётся последняя надежда что-то узнать о местонахождении Лионеллы. — Конрад!

Маг, полностью ушедший в ворожбу, не обращал внимания на возгласы товарища по оружию. Может, и правда не слышал... Мальчишка скорчился на полу и только тихо хрипел, на большее его уже не хватало. Влад понял, что словами Конрада не остановишь, и поступил примитивно просто — всем телом толкнул колдуна, сбивая его с ног. Тот устоял, но концентрация разрушилась, и горячая аура, колыхавшаяся в воздухе, пропала.

— Дьявол тебя побери, что ты делаешь?! — прорычал Конрад.

Влад потирал лоб, в голове огненным молотом отдавался отзвук заклинания, в которое ему пришлось шагнуть, чтобы добраться до мага. Парень стоял между Конрадом и почти бесчувственным телом пленного.

— Он же сдохнет сейчас, а мы ничего не узнаем! — отпарировал он.

— Если не будем пытаться выяснить, то точно не узнаем. Отойди.

— Давай я с ним поговорю, — предложил компромисс Влад. — Если не получится, продолжишь. Идёт?

Конрад нехотя кивнул:

— Валяй. Только не очень долго с ним возись, время поджидает.

И маг скрылся в одном из коридоров, оставив Влада вдвоём с парнишкой.

По телу сжавшегося на полу пленника волнами пробежала дрожь. Слышались сдерживаемые всхлипывания. Влад присел рядом на корточки, открыл фляжку и плеснул ему

в лицо немного воды. Из-под упавших на лоб волос блеснули глаза с расширенными зрачками.

— Я... я п-п-правда не знаю... — слова с трудом прорывались из-под трясущихся губ.

— Как тебя зовут-то? — со вздохом спросил Влад.

— Чезаре, — голос звучал хрипло.

Влад поднёс флягу к губам мальчишки.

— Пей.

Пленник сделал несколько глотков, постукивая зубами об горлышко.

— Спасибо, — наверное, нелегко было мальчишке благодарить врага, но фраза прозвучала искренне. Чезаре вроде бы более менее пришёл в себя после магического удара, в глазах вспыхнул уже знакомый Владу упрямый огонёк.

— Как же получилось, что ты знаешь тайный ход на территорию Ватикана, а такая простая вещь, как место заключения ведьм, тебе неизвестна? Нестыковочка.

— Этот тоннель мне отец показал, когда я ещё ребёнком был. Сказал, «если со мной что-нибудь случится, беги подземным ходом». Против него тогда заговор готовили. Я поэтому и дверь не нашёл сам, ни разу со стороны Тибра не ходил. А тюрьмы меня никогда не интересовали. Я солдат, а не палач! — Последняя фраза явно содержала прозрачный намёк на то, кто является палачом в данной ситуации.

В ответе всё как будто звучало складно, похоже на правду, но что-то не давало Владу покоя. «Ну не может так быть, чтобы у него даже предположений на этот счёт не существовало! Не дурак ведь, да и родственнички у него — весьма осведомлённые в таких вопросах люди».

— Не верю я тебе, — он постарался подпустить в голос мороза, но удалось не очень. После Конрада ему явно досталась роль «хорошего полицейского».

Молчание. Серо-зелёные глаза светятся фанатизмом, а страх, хоть и остался, но контролируемый, больше отдающий пафосом героического самопожертвования. «Ребёнок... — подумал Влад. — Как же ты не понимаешь, что выбора у тебя нет? Ладно, попробуем с другой стороны».

— Мне очень дорога та девушка. Она не виновата в том, что инквизиторы пришли на её землю и начали убивать. И не она сама выбрала себе магический дар, она такой родилась и от этого не стала хуже, чем другие люди...

— Они не люди! — взорвался ненавистью Чезаре. — Как можно не видеть?!

Влад замолчал, и пленник не выдержал его пристального взгляда, опустил голову.

— Лионелла только пыталась защитить свой народ. Не волки пришли в Рим, а инквизиция — в лес. И теперь бедной девушке грозит смерть. Мы должны вызволить её. — Парень постарался вложить в свои слова как можно больше убедительности.

— В Писании сказано: «Ворожеи не оставляй в живых», — скривил губы Чезаре.

Ярость всколыхнулась в душе Влада. «Я к нему по-хорошему. Стараюсь защитить от пыток, а сопляк ещё издевается!» Он встал с пола и сказал:

— Ну что ж, если ты так настроен, то я, пожалуй, позову Конрада обратно. У него лучше получается с тобой разговаривать.

Мальчишка вздрогнул, взгляд невольно метнулся к тому коридору, в который ушёл маг. Во всём выражении лица светилась одна мольба: «Не надо!», но вслух он произнёс другое:

— Какой смысл мне вам помогать? Всё равно убьёте, как только не нужен стану. — Голос снова задрожал.

«Хм, начал торговаться, это прогресс. Глядишь, и договоримся». Влад видел, что ещё чуть надавить — и мальчишка сломается окончательно, несмотря на всю браваду и убежденность в своей правоте. Что же с ним Конрад сотворил, чтобы вселить такую панику?

— Если сам не будешь нарываться, хамить, пытаться убежать или как-то нас подставить, то останешься жив. Я против бессмысленных жертв.

— Это *ты* так говоришь.

— Я думаю, Конрад согласится с моим решением, — Влад старался говорить уверенно, но убежденности, что маг оценит его доброту по отношению к врагу, не было. — Так где могут держать пленную магичку?

Видя, что Чезаре продолжает колебаться, добавил:

— Обещаю, что сделаю всё возможное, чтобы ты выжил в этой передрыге.

Горько-саркастическая улыбка пробежала по губам мальчишки:

— Поклянись Господом.

«Злопамятный, зверёныш, — мелькнула мысль у Влада в голове. — И смелый. В его положении острить — не самое удачное решение». Он, вздохнув, ответил:

— Ты ж моей клятве не поверишь. Да и не такой я верующий человек, чтобы Бога в свидетели призывать. Так что довольствуйся простым обещанием.

Внутренняя борьба пленника длилась несколько долгих секунд, и неизвестно, чем бы она завершилась — согласием сотрудничать или новым витком суицидального героизма, но тут из коридора донеслись шаги Конрада. Очевидно, магу надоело ждать, пока «хороший полицейский» раскрутит допрашиваемого на признание. Чезаре, услышав поступь палача, судорожно втянул в грудь воздух.

— Я проведу вас к резиденции Святой Инквизиции. В здании точно есть какие-то подземные этажи с камерами, но в них держат не всех еретиков. Я не знаю, по какому принципу определяется место заключения. Может, ведьма там. Это единственный вариант, который приходит мне в голову.

Потемневшими от испуга глазами Чезаре впился в лицо Влада, ожидая решения своей участи. Устроит ли такой ответ или снова придётся корчиться от разрывающей сознание на мелкие кусочки боли? Конрад тёмной тенью выскользнул из тоннеля и угрюмо осмотрел обоих.

— Успешно пообщались? — скептически спросил он. Взгляд задержался на пленнике лишнюю секунду, и Чезаре опустил голову, стараясь не встречаться с магом глазами.

Влад коротко пересказал итог разговора и добавил свои соображения:

— Думаю, что Лионелла именно там. Наверняка в резиденции содержатся наиболее опасные противники инквизиции, а сейчас оборотни и их союзники определённы — враги номер один.

— Звучит убедительно, — согласился Конрад. — Веди... — бросил он пленнику.

Спасательный отряд теперь вышагивал по левому коридору подземного хода, который был несколько уже и ниже основного, но всё так же тщательно отделан камнем. Мужчины не переговаривались, у Влада создалось впечатление, что Конрад страшно разозлился из-за произошедшего в комнате. Непонятно, почему, ведь необходимая информация в конце концов была получена, а проводник остался жив и психически здоров. Магу как будто мешал мальчишка-пленник — своей гордостью и дерзостью, пробивающимися даже сквозь ужас. «Станный всё-таки человек Конрад. Или не человек? Может, Чезаре прав, и маги — не люди? Нет, Лионелла не похожа на бездушную жестокую тварь, несущую смерть и мучения человечеству. Нельзя всех под одну гребёнку равнять. — Пока они шли по тёмному тоннелю, у Влада появилось время обдумать ситуацию и своё к ней отношение. — Зачем Конрад так настойчиво пытается сломать мальчишку? Будто хочет на нём выместить свою ненависть ко всей инквизиции. Глупо, ведь Чезаре не командир армии, не стратег, а обычный солдат. Жалко парнишку. Как бы сделать так, чтоб жизнь ему сохранить? Конрад наверняка против будет». Додумать Влад не успел, потому что отряд упёрся в очередную дверь. Конечно, запертую.

Рядом на специальной полочке лежали несколько заготовок под факелы, кремь и огниво, как и на входе в подземелье, из чего можно было сделать вывод, что они добрались до выхода. Куда бы он ни вёл. Пока Конрад возился с отмычками, Влад спросил:

— Чезаре, а куда мы сейчас попадём? Прямо в резиденцию инквизиции?

— Нет, — отрицательно мотнул головой пленный. — В ризницу собора Святого Петра. Оттуда до нашей цели пять минут ходу.

— О, демоны Преисподней! — витиевато выругался Конрад, сплюнув на пол. — Не получается, только отмычку погнул! — Он устало привалился к стене. — Влад, ты случаем не умеешь замки вскрывать?

— Не помню за собой таких навыков, — неуверенно произнёс Влад, почесав в затылке.

— Давайте я попробую.

Оба удивлённо уставились на подавшего голос Чезаре. Хмурый взгляд исподлобья остался таким же испуганно-ненавидящим, поэтому предложение помощи звучало по меньшей мере поразительно. Ни Влад, ни Конрад сразу не нашли, что ответить, начали переглядываться между собой, и пауза затянулась. Пленник воспринял молчание по-своему и саркастически сказал:

— Вас двое, здоровых и вооружённых, против меня одного, раненого и с голыми руками. Неужели боитесь, что сбегу?

— А ты большой специалист во взломе? — поинтересовался Конрад.

— Не большой, но кое-что умею. В любом случае, вы ничего не теряете, даже если я не смогу открыть.

— Хм, не врёт, — убедился маг. — Влад, освободи ему руки.

Когда верёвка была перерезана, Чезаре со стоном распрямил запястья, начал осторожно сгибать и разгибать занемевшие пальцы, чтобы восстановить кровоток. Только через пару минут он протянул подрагивающую руку за отмычками. Ковырялся в замке он долго, перебирая один ключ за другим, прикрыв глаза, словно зрение мешало сосредоточиться. Влад с интересом наблюдал за ловкими движениями пальцев. Видно, у мальчишки было

насыщенное детство: папа — инквизитор, сам — лучник, кто ж его воровским умениям учил?

— Может, дверь просто выломать? — тоскливо спросил Влад, нервничая от бесплодного ожидания.

— Выломать! — передразнил Конрад. — А вдруг там кто-нибудь есть? Услышит, тревогу поднимет, и будем с тобой на одном костре гореть!

И тут многострадальный замок душераздирающе взвизгнул и открылся. Влад опустил руку на плечо Чезаре и прижал кинжал к его горлу.

Конрад аккуратно потянул дверь на себя, стараясь сделать это бесшумно. Почти удалось, петли лишь самую капельку скрипнули. В образовавшуюся щёлку виднелось полутёмное помещение с полками и подставками, занятыми книгами, сосудами и прочими атрибутами богослужения. У противоположной стены возился, пристраивая поудобней большую золочёную чашу, невысокий толстый священник.

— Что делать будем? — одними губами спросил Влад. — Подождём, пока уйдёт?

— Долго, — ответил Конрад. — Стрелять надо.

Он стянул у Влада с плеча лук, взял стрелу и неторопливо прицелился. Чезаре было протестующе дёрнулся, но смолчал, ощутив остроту лезвия. Тонко щёлкнула тетива — и толстяк осел на пол, не издав ни звука. Отряд вышел из тоннеля, так как больше свидетелей их появления не обнаружилось. Тело убитого священнослужителя Конрад отволокло за дверь потайного хода — авось, не сразу хватятся, да пока найдут!..

Ночь дохнула в лицо приятной прохладой. Из садов Ватикана, располагавшихся неподалёку, доносился аромат росистой зелени.

— Куда дальше? — тихо спросил Влад, не убирая клинка от шеи пленника.

Чезаре махнул рукой, указывая направление, там темнело высокое мрачное здание.

— Охраны, небось, толпа целая, — предположил Конрад. — Но делать нечего. Эй, проводник, откуда нам лучше зайти? Может, чёрный ход есть?

— Есть дверь в задней части здания, но она выходит во двор. А двор окружён забором.

— Надо посмотреть, — сказал Влад. — Лезть через парадный — чистое самоубийство!

Они направились вдоль стены величественного собора Святого Петра, таясь в его тени. До полнолуния, на счастье, было ещё далеко, а мелкие облачка время от времени заслоняли лунный серп. В ночной тишине осторожные шаги людей казались очень громкими, и у Влада создавалось впечатление, что их слышно по всему Ватикану. Пару раз они чудом не столкнулись с патрулями, только хороший слух Конрада позволял им вовремя застыть в неподвижности, чтобы не привлечь внимания шорохом шагов. Влад каждый раз обливался холодным потом, ожидая, что Чезаре решит выкинуть какой-нибудь фортель. Однако жить мальчишке хотелось больше, чем стать героем, и он молчал.

Дворец инквизиции вблизи оказался ещё больше и угрюмей, чем вначале. А может быть, такое впечатление складывалось потому, что парень воспринимал Святую Палату исключительно как тюремщиков любимой девушки. Руководствуясь отрывочными указаниями пленного, спасатели добрались до прохода между стеной, окружающей территорию Ватикана, и старинным чугунным забором вокруг резиденции.

В тесном пространстве было не развернуться. Кованая решётка поднималась на два человеческих роста, опираясь на постамент из выщербленного камня. Небольшой дворик за ней был пустынен.

— Странно, что не охраняется... — подозрительно сказал Влад. — Неужели настолько уверены в своей безопасности?

Конрад пожал плечами и философски заметил:

— Скорее всего, подавляющее большинство мобилизовано и находится в дубраве. Как бы там ни было, а нам это на руку. Я тут подумал, что лучше, наверное, разделиться. Ты с мальчишкой полезешь здесь, я дам вам небольшую фору и войду через центральную дверь.

— А стоит ли? Только шуму наделаешь.

— Я тихо, — маг нехорошо усмехнулся. — Ваша задача — найти Лионеллу, а стражу я займу.

— Ну, как скажешь... — с сомнением протянул Влад. — Может, Чезаре вообще тут оставим? Оглушим, чтоб тревогу не поднял. Всё равно до места он нас уже довёл.

— А по внутренним коридорам наугад блуждать будешь? — с иронией поинтересовался Конрад. — Лезь давай, хватит время терять.

Влад вспомнил парочку недавно заученных итальянских ругательств, когда неудачно приземлился на подвёрнутую в лесу ногу. Всё-таки забор был высок, и если вверх его подсадил маг, то вниз прыгать пришлось без посторонней помощи. Не успел он как следует выпрямиться, как с той стороны решётки донеслось:

— Принимай напарника.

Мальчишке соприкосновение с вымощенным булыжником двором обошлось ещё дороже. Он скривился от боли в потревоженном боку и не сразу смог подняться на ноги. Влад, удостоверившись, что пленник не собирается немедленно терять сознание, показал Конраду поднятый кверху палец, понадеявшись, что жест имеет в этом мире такое же значение. Маг утвердительно кивнул и двинулся к углу резиденции.

— Ну, пойдём, что ли, Чезаре.

Тот на удивление даже не стал возражать и кидать испепеляющие взгляды, к которым Влад за прошедшую половину ночи уже успел привыкнуть.

Дверь выглядела как вход в какой-то чулан или подсобное помещение. «Вот она, изнанка дворцов». Подёргав за ручку, парень почти весело произнёс:

— Хм, а нас, похоже, не ждут.

В душе поднималась бесшабашная храбрость, всегда идущая рука об руку с опасностью. Голова теряла мысли, зато в мышцах, звенящих от адреналина, рождалась неуёмная энергия. И не думалось уже о возможных стычках с охраной, о вероятных ловушках, о тёмных казематах и о ненадёжном спутнике, готовом, как только подвернётся подходящий момент, ударить в спину.

— А отмычки Конрад забрал, — энтузиазма в голосе поубавилось. Ломать дверь, рискуя тем, что сюда сбежится весь гарнизон, не хотелось. Влад безнадёжно вздохнул, снял с пояса кинжал и начал неумело ковыряться в замке, проклиная мага и себя за забывчивость. Одним глазом он успевал следить за Чезаре, не давая тому зайти в слепую зону. Парню не давало покоя это внешнее смирение пленного.

Механизм замка не поддавался, и Влад готов был уже высаживать дверь плечом, когда заметил, что она довольно свободно ходит внутри косяка, слегка смещаясь вперёд-назад. Парень ещё раз подёргал за ручку, чтобы убедиться в своих предположениях:

— Дурак! Замок-то открыт, но засов задвинут!

Он сейчас же сменил тактику: просунув клинок в щель между дверью и притолокой,

постарался приподнять запирающую деревяшку и скинуть в сторону. Попыхтев минуты три-четыре, Влад с ликованием возвёл глаза к небу, подумав о том, что Бог есть и он на его стороне. Неосвещённый коридор уходил куда-то вглубь здания.

— Вперёд! — мотнул головой Влад, уступая дорогу пленнику. Чезаре безропотно ступил в сумрачные стены. — Где тут ближайшая лестница? Нам ведь вниз надо, в подвал?

— Сейчас прямо по коридору будет столовая для прислуги, пройти через неё, потом, если я правильно помню, направо...

— Эх, темнотища-то! — Слабые отсветы луны с улицы еле-еле освещали только пару метров от порога. — Здесь факелы никто не оставил. Как непредусмотрительно!

— Коридор прямой, не заблудимся, — ответил Чезаре. — Идти недалеко.

Юноша очень надеялся, что удастся зайти за спину своему пленителю и приложить того по затылку. Однако мечтам не суждено было сбыться. Пришлось идти по тёмному коридору, указывая дорогу врагу. Чезаре внутренне проклинал себя за то, что делает, но сейчас жить хотелось просто отчаянно. Схлынул адреналин битвы, который вёл на верную смерть там, в лесу, и остался только инстинкт самосохранения. Он понимал, что, чем дальше ведёт своих противников в сердце Ватикана, тем труднее будет потом найти оправдание самому себе. Но против вооружённого, сильного и здорового Влада было бесполезно бороться в открытую, верная смерть. Значит, надо выждать момент, когда можно будет нанести неожиданный удар.

Откровенно говоря, такой вариант тоже мальчишке был не по душе. Всегда презиравшему подлые приёмчики, ему было очень неудобно от мысли, что придётся их применять самому. Жизнь заставит. Пытался утешить себя мыслью: «Против еретиков все средства хороши!», но червячок сомнения не переставал ползать в сердце.

По на удивление безлюдным помещениям (навстречу не попало ни одного заспанного слуги, не говоря о стражниках!) Влад передвигался почти на ощупь. Мальчишка же шёл так, как будто у него прибор ночного видения включен. «Наверное, просто часто здесь бывал», — подумал Влад. До комнаты с огромным столом посередине («Видать, многочисленная здесь прислуга») добрались без приключений. Здесь тускло коптила одинокая свеча, капая воском на столешницу: или забыли затушить, или скоро вернуться. В столовой обнаружился только один выход, кроме той двери, в которую они вошли.

— Туда? — всё-таки уточнил Влад. Мало ли, может, тут тоже какие-нибудь секретные ходы есть.

Пленник молча кивнул. В зрачках мелькнул непонятный огонёк. Если бы это произошло в другой ситуации, то Влад определил бы его как радостный, но причин для восторга у Чезаре вроде не наблюдалось.

«Вот сейчас. Он уже отворачивается». Времени на раздумье больше не оставалось. Другого шанса может не представиться. И Чезаре сделал выбор, решив, что лучше пусть его будет всю жизнь грызть совесть, чем позволить врагам добиться своей цели.

«Ух ты, даже не заперта», — подивился Влад. Положительные эмоции ещё не успели оформиться, а чувство опасности заверещало резаным поросёнком. Парень резко отпрянул в сторону от дверного проёма. Хорошо, что по старой привычке, оставшейся, по-видимому, из

прошлой биографии, стоял не напротив входа, а ближе к притолоке. Арбалетный болт разминулся с телом буквально на сантиметры. Одновременно, не успев парень сообразить, как ему повезло, на затылок обрушился оглушающий удар. Перед глазами вспыхнули разноцветные пятна, пол качнулся под ногами, но Влад рефлекторно двинул локтём назад, врезаясь во что-то мягкое, развернулся и, по-прежнему ничего не видя из-за мельтешащих искр, ударил туда, где должно располагаться лицо противника.

Дверь с негромким стуком захлопнулась. В ушах морским прибоем шумел пульс, но зрение прояснилось. Чезаре валялся на полу без сознания.

— Идиот малолетний, — прошипел Влад, растирая виски. Теперь головная боль обеспечена на всю ночь, если не на несколько дней. — Сам я тоже хорош. Видел же, что он мне нарочно бдительность усыпляет, а всё равно спиной повернулся.

Парень порылся в вещмешке, вытащил остаток верёвки, снова скрутил пленнику запястья. А заодно нашёл аспирин и выпил пару таблеток в надежде заглушить молоточки, стучащие по черепу. Видя, что Чезаре приходит в себя, сказал:

— Ну и какого чёрта ты это сделал?

Мальчишка хлюпнул сочащейся из разбитого носа кровью и задал встречный вопрос:

— А тебе доводилось когда-нибудь предавать своих?

— Не помню, — честно ответил Влад.

— На моём месте ты поступил бы так же!

— Про дорогу к лестнице соврал, небось?

Чезаре угрюмо молчал, тем самым только подтверждая предположение Влада.

— И ловушка наверняка не последняя? — вопрос был скорее риторическим.

Негромкие шаги раздались с той стороны, откуда они пришли. Влад наложил стрелу на тетиву, приготовившись встретить врага, прицелился точно в дверной проём, и появившаяся на пороге человеческая фигура мешком рухнула на пол. Мужчина в простой одежде, очевидно, слуга. Признаков жизни не подаёт, наповал. Парень вновь потянулся к колчану, вдоль хищно блестящего наконечника взглянул в лицо пленнику:

— А ты что сделал бы на моём месте? — выдержал паузу, безуспешно дожидаясь, что Чезаре отведёт глаза.

— Ненавижу... Сколько ещё людей должно погибнуть, чтобы твоя ведьма жила?

— Вставай.

Влад спрятал стрелу обратно, захватил свечу со стола и подтолкнул мальчишку к выходу:

— Открывай.

Чезаре не пошевелился.

— Ловушка многозарядная? — хмыкнул Влад. — Я прав? Можешь не отвечать, и так ясно.

Отодвинул пленного в сторону, ткнул лицом к стене.

— Дёрнешься, шею сверну.

Влад медленно потянул дверь на себя, закрываясь ей от выстрела. Болт свистнул мимо и воткнулся в косяк противоположной двери. «Ничего себе, — присвистнул парень про себя. — Вот это арбалет там установлен. Баллиста целая...» Он подождал немного, ничего не происходило. Адреналиновый холодок крался вдоль позвоночника, покалывая острыми коготками.

— Знаешь, думаю, первым пойдёшь ты, Чезаре.

Свечу Влад сунул в руки пленному, кинжал блеснул в опасной близости от горла мальчишки. Прикрываясь лучником, как живым щитом, он вышел в новый коридор. Вдали слева горел чадающий факел, справа было темно. Стены кое-где закрывались гобеленами со сценами из Священной истории. Влад напряг слух, но ничего не смог расслышать.

— Так в какую сторону лестница?

— Налево.

Подсвечник в руках Чезаре ходил ходуном, горячие капли воска время от времени падали на пальцы, но мальчишка словно не замечал этого. Слабый огонёк колебался, грозясь вот-вот погаснуть.

— Вперёд, — Влад толкнул пленника в спину, и тот вынужден был сделать первый шаг в такой безопасный с виду коридор. У мальчишки ещё сильнее затряслись руки. «Если следующий арбалет такой же, как здесь, то меня, пожалуй, даже заложник не спасёт. Прощёт обоих насквозь. Будь прокляты средние века с их пристрастием ко всяким подлянкам!» Они продвигались крайне медленно, Чезаре приходилось постоянно принуждать идти вперёд, иначе он просто остановился бы.

— *Pater noster, qui es in caelis, sanctificetur nomen tuum. Adveniat regnum tuum,* — голос мальчишки слегка подрагивал, но слова молитвы звучали негромко и чётко. Владу стало ещё страшнее, как будто по нему заупокойную начали читать. В сознании солдата «Отче наш» прочно ассоциировался с похоронами, он и сам не знал по какой причине.

Когда они прошли половину коридора, очередной камень под ногой Чезаре скрипнул и слегка подался вниз, жёсткий хлопок заставил сердце Влада упасть куда-то в глубину желудка. Разрывая вязкий воздух медленно, как в страшном сне, приближалось тяжёлое острие болта. Не долетев до груди мальчишки буквально метр, стрела будто натолкнулась на невидимую преграду, застряла, как в вате, и ткнулась наконечником в пол.

— *Amen,* — протолкнул пленник сквозь пересохшую гортань последнее слово молитвы.

«Не бывает такого, — ошеломлённо подумал Влад. — Просто невозможно! Нечему было стрелу удержать!» Однако болт лежал, как ни в чём не бывало, в шаге от успешного попрощаться с жизнью Чезаре.

— Ты не переставай молиться, хорошо? Глядишь, и живыми дойдём... до лестницы.

Чёрный язык копоти над факелом, плюющееся искрами пламя. Напротив открытая дверь. С такого ракурса не видно, что за ней. Влад прислушался, проклиная про себя слишком громко стучащее сердце и потрескивание факела. Сквозь отвлекающие звуки доносились шаги. Туда-сюда, наверное, комната небольшая. Кто-то прохаживается от стены к стене, насвистывая незамысловатый мотивчик. Влад прикинул, как проще всего снять стражника, чтобы и самому не пострадать, и шум не поднять. Да и чтоб Цезаре желательно не погиб. «Лук не пойдёт. Я с ним медленно управляюсь. Значит, только нож остаётся. Плохо».

Парень в последний раз представил собственные действия и решился. Убрал клинок от шеи пленника, одновременно изо всех сил толкая его в открытую дверь. Сам рванул следом, но немного левее, надеясь, что застигнутый врасплох охранник не сразу среагирует. Перед глазами завертелся смерчик из отрывочных картинок, как всегда во время рукопашной, где инстинкты и рефлексy важнее, чем осознанные решения.

Маленькая каморка. Подсвечник с двумя свечами. Дюжий солдат отталкивает в сторону Цезаре. Хватается за меч. Отвлекается. Удивлённое лицо. Раскрытый для крика рот. Кинжал легко погружается под ребро. Сдавленный хрип.

Влад добил стражника, вытер нож от крови и наконец осмотрелся внимательно.

— И где же обещанная лестница? — в жилах продолжал бушевать адреналиновый пожар, и лицо парня выглядело крайне недобродушно.

— За этой дверью, — взглядом указал Цезаре на второй выход из помещения. Эта дверь была массивней и основательней всего, что встречалось раньше.

— Заперто. А там точно лестница к камерам, а не продуктовый склад?

Парень обшарил карманы стражника в надежде обнаружить ключ, но тщетно. Видно, пленники в подвале были настолько ценными, что открывать дверь позволялось только инквизиторам.

«И как я её взломаю?! — в мозгу клубилась бессильная ярость. — Проклятье!!!» Влад стукнул кулаком в неприступную преграду. Попытался поковыряться в замочной скважине клинком, вполне понимая, что это бесполезно.

— Руки освободи. Я открою.

Мальчишка сидел на полу, опершись на каменную кладку. Локоть прижимался к боку в том, месте, где была рана. На повязке отчётливо проступили свежие пятна крови.

— С чего такая доброта? Очередную подлость задумываешь? — Но сейчас Владу так хотелось поверить, что пленник в самом деле поможет, что он произнес вопросы скорее обречённо, чем угрожающе.

— Чем быстрее ты её найдёшь, тем скорее уберёшься из Ватикана. Это раз. А второе... — Он несколько замялся. — В общем, если меня увидят в таком обществе, даже в качестве пленного, то мне не поздоровится. Давай заключим временное перемирие. Я помогу тебе разобраться с замками, а ты выполнишь своё обещание мне жизнь сохранить.

Желание найти Лионеллу было столь сильным, что Влад уже раскрыл рот, чтобы произнести слова согласия, но остановился в последний момент. Рассудок, пусть уставший от длинной нервной ночи, пусть затемнённый тревогой за любимую девушку, не позволил забыть о ненависти, то и дело мерцавшей в глазах Цезаре, и сейчас, кажется, чуть виден её

тёмный отсвет на серо-зелёных радужках. К тому же голова парня по-прежнему нудно болела, напоминая о подлом нападении со спины.

— Обманешь, — уверенно сказал Влад. — Если только... — В мозгу копошилось какое-то смутное воспоминание, как мелкая заноза в пятке.

— Я правду говорю.

— Вот, вспомнил! — хлопнул себя по лбу Влад. — Поклянись, что не нарушишь перемирие.

— Между прочим, часто клясться — грех, — нахмурился Чезаре. Но, видя, что иначе ему не поверят, всё же проговорил, — Клянусь, что не попытаюсь тебя убить до того момента, пока ты не покинешь Ватикан, я не буду нападать, причинять ущерб, мешать тебе добиться своего. За исключением случаев, если ты захочешь убить ещё кого-нибудь из инквизиторов, охраны или прислуги. Извини, стоять и смотреть, как погибают мои собратья по вере, я не смогу.

— И что поможешь мне и Конраду выбраться с территории Ватикана, — требовательно добавил Влад.

— Слишком много просишь, — огрызнулся Чезаре.

— Сам сказал, что в твоих интересах, чтоб тебя не связали с нами. Значит, тебе выгоднее выпроводить нас отсюда поскорее и без шума. А это возможно только при твоём активном содействии.

— Хорошо, — тяжело вздохнул пленник и дополнил клятву требуемым условием.

Влад кивнул, перерезал верёвку и протянул мальчишке кинжал. Тот начал колдовать над замком, совершая хирургически точные движения, сопровождающиеся лёгкими щелчками, скрежетом и ругательствами. Сложный механизм поддался далеко не сразу, лишь минут через десять, когда Влад решил, что ничего не выйдет, особо громкий стук возвестил о победе лучника над тайнами мастеров замковых дел.

— Можно, я кинжал себе оставлю? — спросил Чезаре.

— Чёрт с тобой, забирай, — махнул рукой Влад. — Если слово нарушишь, то тебе же в Аду гореть.

Захватив подсвечник, молодые люди начали спуск в темноту подвального этажа. Сделав два поворота, лестница привела их в подземелье с камерами по обе стороны коридора. В верхней части на каждой из дверей располагалось маленькое зарешечённое окошко. Влад, шурясь от слепящего дымка свечей, заглядывал в помещения для заключённых, но везде было пусто.

— Что такое? Здесь действительно еретиков держат? Может, это запасная тюрьма, на случай, если основная переполнится?

— А кого тогда стражник охранял? — резонно возразил Чезаре. — Должны быть заключённые.

Кинув взгляд в предпоследнюю камеру, Влад резко остановился. В углу крохотной комнатки, на голом каменном полу, сжавшись в комочек, сидела Лионелла. Голова девушки упиралась в колени, светлые волосы занавешивали лицо длинным пологом, но это несомненно была она — колдунья из леса оборотней. На подоле знакомого белого платья темнели буроватые пятна. У Влада из горла вырвалось сдавленное рычание:

— Они пытали её, сволочи! Открывай!

Чезаре взялся за дело, одновременно тоже заглянул в окошко.

— Что-то не то, — с сомнением сказал он. — Её не могли пытать вчера. Для этого

требуется решение суда, не бывает так быстро.

— Мне плевать, что бывает, а чего нет! Я верю своим глазам!

— Не кричи в ухо! Отвлекаешь... — огрызнулся мальчишка.

— Ты не понимаешь, как ей плохо! Быстрее!

— Хочешь сам попробовать? — Чезаре обернулся и с вызовом посмотрел на Влада. —

Нет? Тогда заткнись, пожалуйста!

Ещё через минуту он гостеприимно распахнул дверь с шутовским поклоном:

— Прошу, герой, вызволяйте свою принцессу.

Влад переступил порог, чувствуя всколыхнувшуюся в груди нежность.

— Лионелла, — тихо позвал он, девушка приподняла голову, из-под прядей блеснули безумные глаза.

Она одним резким движением вскочила, Влад успел заметить только растопыренные когтями пальцы и нестерпимо яркую вспышку. Опаляющий жар ударил в лицо, выжигая мысли из мозга.

Под костями черепа возились противные огненные червячки, прогрызая себе тоннели и устраивая норки. Тварей было много, и они никак не хотели перестать ползать. Влад не выдержал и застонал, хотел зарыться пальцами в волосы. Казалось, что от этого полегчает. Кто-то перехватил его запястья, как сквозь звук ревущего пламени донёлся полужнакомый голос:

— Не трогай, только хуже будет.

Мозг никак не хотел включиться и понять, кто с ним говорит. Сознание вновь начало заволакиваться багровым океаном боли.

— Влад! Ты меня слышишь? — чьи-то руки неприятно потрясли за плечи.

Парень с трудом приподнял горящие веки, попытался сфокусировать взгляд, но в поле зрения маячили лишь непонятные разноцветные пятна.

— Что... случилось?.. — промямлил Влад, точнее, ему почудилось, что он произнёс слова вслух. На самом деле губы дрогнули беззвучно.

— Да очнись же ты! — лицо обожгла пощёчина. И ещё одна тут же с другой стороны.

Влад взвыл, но приём оказался действенным: взгляд сразу прояснился, а голова начала соображать, хотя огненные червячки никуда не делись.

«Камера... Инквизиция... Чезаре... Что я здесь делаю?..» — парень нахмурился. Двигать лицевыми мышцами почему-то было очень больно. Он опять потянулся ко лбу рукой, на этот останавливать его не стали. Влад поморщился, наткнувшись на опалённые брови и раздражённую кожу. Неприятные ощущения помогли припомнить раскалённый шар, летящий навстречу.

— Где Лионелла?

— Ведьма мертва, — сухо ответил Чезаре.

— Ублюдох, это ты её убил?! — Влад (откуда только силы взялись) сгрёб мальчишку за грудки и с размаху врезал по подбородку. И поверх плеча пленника увидел — разметавшееся на полу тело, тёмные кудри, красная юбка, залитая кровью из перерезанного горла крестьянская рубаха. Это была не Лионелла.

— Извини, — севшим голосом сказал Влад, выпуская Чезаре. — Почему ты мне не сказал, что это не она?

— Я вообще не знаю, как твоя еретичка выглядит, — зло произнёс мальчишка, потирая

челюсть. — Увидел, как она тебе в рожу заклинание какое-то швырнула. Вот и успокоил её.

— Выходит, ты мне жизнь спас... — мысли двигались по-прежнему неохотно, не спеша.

Чезаре кивнул:

— Получается, что да.

Влад сел, обхватив ладонями гудящую голову, собираясь с духом, чтобы встать на ноги:

— Ничего не соображаю. Как я сразу-то не сдох? Помню, ведь в рожу прямо... Как из огнемёта...

— Повезло, — пожал плечами мальчишка. — Видно, и ведьма ослабела, взаперти сидя, и ты не слишком к магии восприимчив. В последней камере тоже пусто. Нет здесь твоей девушки.

— Как же так?! — от слишком громкого возгласа в затылке заломило. — Ты же говорил...

— Я сказал, что в резиденции держат некоторых еретиков. Это правда, как видишь, — жест в сторону трупов.

Влад медленно встал, опёрся на стену, пережидая приступ головокружения. Вновь непонимающе взглянул на тело, в котором не было ни малейшего сходства с любимой:

— Но я же видел, что это она...

Чезаре пожал плечами:

— Глаза отвела. Ведьмы это умеют. Пойдём отсюда.

Когда они подошли к лестнице, то сверху раздались шаги и показался яркий свет. Чезаре и Влад, не сговариваясь, прижались к каменной кладке по разные стороны коридора, погасив свечи. На лестничной площадке показалась силуэт высокого мужчины, и у Влада тут же отлегло от сердца.

— Конрад, — позвал парень, шагнув в поле зрения.

Маг остановился и сделал то, чего Влад не ожидал — сжал фитиль, дав пламя между пальцами. Подвал погрузился в непроглядную темноту.

— Эй, ты что? Это же я, Влад!

— Тихо, — шикнул Чезаре. — Не шуми, я его не слышу.

Влад замолчал и застыл неподвижно, вслушиваясь в подвальный тишину.

— Этот щенок с тобой? — голос Конрада звучал издали сверху. Скорее всего, маг поднялся к началу лестницы. «Значит, не на линии выстрела. Плохо... — парень с удивлением понял, что подумал о маге как о противнике, которого надо уничтожить. — Хотя кем прикажете его считать при таком, мягко говоря, странном поведении?...»

— Да, Чезаре здесь.

— Поднимайтесь по одному. Сначала мальчишка.

— Что ты задумал, Конрад? Мы ведь, кажется, на одной стороне. Или я ошибаюсь?

— Десять секунд — и я спускаюсь. Но лучше бы вам выйти добровольно. Раз.

— Параноик чёртов! Мы не собираемся на тебя нападать!

— Два.

Слева от Влада раздался обречённый вздох:

— Я иду!

Чезаре споткнулся, прозевав первую ступеньку, выругался и медленно, касаясь кончиками пальцев стены, пошёл вверх. Шаги ясно отдавались под сводами, и Владу не стоило большого труда на слух следить за его передвижениями. Вот закончился первый пролёт, площадка, второй пролёт, звук тише, шаги реже. Замерли, не дойдя до последней

площадки, откуда открывается прямой обзор на комнатку стражника, где сейчас должен находиться Конрад.

— Пять.

— А где же «три» и «четыре»? — возмутился Влад, чтобы разрядить обстановку. Он уже ничего не понимал: маг то ли рехнулся где-то по дороге, то ли с самого начала что-то нехорошее задумывал. «Может, дубинкой по маковке съездили?» Чезаре двинулся выше, и через десять ступенек — звук удара и падающего тела.

— Следующий, — позвал Конрад.

— Сейчас, только шнурки поглажу, — буркнул Влад себе под нос. Руки сами потянули с плеча лук, но ведь не развернёшься там быстро, на лестнице. А кинжал у Чезаре был... Парень с досадой сплюнул и начал подниматься. «Подсвечник, что ли, в качестве дробящего оружия использовать?.. — по дороге взвесил художественное литьё в ладони. — Если в висок приложить, то, пожалуй, мало не покажется».

Свет, льющийся с первого этажа, заставил подслеповато прищуриться. Перехватив подсвечник поудобнее и поправив лук, чтобы не мешал, Влад преодолел последний пролёт. В камерке охранника на стуле сидел Конрад, в руке — меч с покрытым свернувшейся кровью лезвием, плащ в нескольких местах разорван, лицо мертвенно-серое от усталости. Чезаре валялся на полу, а немного в стороне в углу — блеснул серебрением рукояти кинжал.

Маг поднял на Влада хмурый взгляд. Усталый, злой, немного подозрительный, но вполне вменяемый.

— Может объяснишь, что ты делаешь? — Комольцев ощутил полную неуместность подсвечника в руке. Против меча. Против союзника. — Какого чёрта эти «выходите по одному», «считаю до десяти»?

— Взяло сомнение, кто из вас с напарником главный. Ты, я вижу, ему уже и оружие выдал, и защищаешь, как брата родного.

Влад даже не нашёлся, что ответить, настолько нелепо звучало обвинение. Молча отшвырнул подсвечник в сторону, наклонился над Чезаре и поискал пульс на сонной артерии. Жилка билась слабо и неровно, пропускавая удары.

— Этот дурак что, напал на тебя? — спросил он, не оборачиваясь к магу.

— Если б напал, то был бы уже мёртв.

— Да если б не он, то я бы сам сейчас остывшим трупом лежал в этом подвале! Я ж ему обещал, что он не пострадает!

Конрад положил меч на столешницу, помассировал виски и невпопад ответил:

— Скоро рассвет. Я так понимаю, здесь Лионеллы нет?

Влад помотал головой.

— Нам пора уходить, — сказал маг. — А то не успеем. Я и так уже из последних сил держусь.

Он и впрямь выглядел не очень: углубившиеся морщины, ввалившиеся глаза, плотно обтянутые кожей острые скулы ещё сильнее подчёркивались тенями, рождавшимися от пламени свечей и факелов. В глазах поселилась усталость, которую, казалось, не уберёшь теперь ничем. Видно, Конраду нелегко далась атака в лоб. Неизвестно, скольких стражников он убил с помощью магии, а скольких — мечом, но и тех, и других было много.

Чезаре тихо застонал, приходя в сознание.

— Давай приводи мальчишку в чувство, и надо убираться восвояси. До следующей ночи, — маг поднялся из-за стола, готовый прямо сейчас начать отступление.

Пленник и сам уже очнулся, взгляд стремительно пробежал от валяющегося неподалёку клинка до Конрада, так и не убравшего меч в ножны. Остановился на Владе.

— Ты же обещал, — в интонациях презрение мешалось с надеждой.

Влад вздохнул и ответил:

— Мы договорились, что тебе оставят жизнь. Так никто и не собирается тебя убивать. Просто, похоже, наше сотрудничество продлевается на сутки как минимум.

Обратная дорога всегда кажется короче. Мелькнули мимо коридоры резиденции. Отряд выходил через парадное крыльцо, где проложил путь по трупам Конрад. Вопреки ожиданиям, убитых оказалось не так много, Влад даже удивился:

— Почему их так мало? Центральное здание ведь.

— Все в лесу против оборотней воюют, — ответил Чезаре. — Здесь минимум охраны оставили. Считается ведь, что на территорию Ватикана просто так не попадёшь.

Небо уже серело в преддверии рассвета, где-то начинали утренние песни птицы, прохладный ветерок погладил по вспотевшим спинам. Конрад остановился, не спустившись с последней ступеньки:

— Стоп. Мы там не пройдем.

Присмотревшись, Влад тоже увидел, что между ризницей и боковым входом в храм то и дело кто-нибудь проходит.

— Заутреня сейчас начнётся, — пояснил Чезаре. — И там бойню устроите?

Маг промолчал.

— А куда ведёт второй коридор подземного хода? — спросил Влад. — Должно быть два выхода!

— Другой выход — в доме моего отца.

— Далеко отсюда? — спросил Конрад.

— Я вас туда не поведу, — Чезаре произнёс фразу почти безразличным тоном, глядя в сторону. — На сегодня достаточно смертей. Не хочу, чтобы кто-то ещё умирал по моей вине.

— Предпочитаешь, чтобы мы здесь прорывались? — устало спросил Конрад.

На лице пленника отразилась такая борьба чувств, что похоже было — голова у него разорвётся от противоречивых эмоций.

— Чезаре, ты поклялся помогать мне до тех пор, пока я не покину пределы Ватикана, — напомнил Влад. — Наверняка есть в доме чёрный вход или что-то вроде этого, проведёшь незаметно, чтобы мы никому на глаза не попались. И никого убивать не придётся.

В конце концов мальчишка кивнул и указал на здание, расположенный левее ризницы.

Дом главы Святой Инквизиции едва ли не затмевал размерами и величием резиденцию самой организации. Ввысь возносились изящные башенки, вдоль стен тянулись зубчатые карнизы. Территорию окружал высоченный забор с мраморными статуями святых в нишах. Чезаре уверенно подвёл их к боковой стороне ограды, где была калитка.

— Дайте кинжал, я постараюсь взломать.

Влад сунул в протянутую руку клинок. Маг привалился к забору, прикрыв глаза и тяжело дыша. Парень окинул его критическим взглядом и высвободил из руки Конрада меч, решив, что пусть лучше оружие будет у того, кто не умеет с ним толком обращаться, чем у того, кто сам еле на ногах стоит. Минут через десять Чезаре бессильно покачал головой:

— Не могу. Слишком сложно для меня.

— Другой двери нет? — безнадёжно спросил Влад.

— Центральный вход.

— Дьявол! Что же делать?

На Конрада надежды не было никакой, он еле-еле удерживался, чтобы не потерять сознание прямо на месте. Вряд ли в таком состоянии ему придут в голову светлые идеи по поводу того, как выбраться из мышеловки Ватикана, а боец из него сейчас и вовсе никакой.

— Я зайду в дом и открою дверь изнутри. Заодно захвачу ключ от подземного хода, чтобы там с замком не мучиться. Меня все знают в лицо, никто не посмеет остановить, — предложил Чезаре.

Конрад приоткрыл глаза, нахмурился и устало вздохнул:

— Влад, я не вижу, врёт ли он. Не понимаю. Устал. Решай сам.

— Выбора у вас всё равно нет, — хмыкнул мальчишка. — С боем не пройдёте. Ты посмотри на него, — указал взглядом на мага. — Он тебе уже не помощник, а один не справишься. Остаётся только мне поверить. К тому же я поклялся помочь вам выбраться, если помнишь.

Облака на востоке начинали потихоньку наливать светлого-розовым цветом, глаз резало неверное сумеречное освещение. Маг из последних сил стряхнул с себя оцепенение и сказал:

— Иди.

Конрад с Владом остались ожидать решения своей участи: повезёт им выйти отсюда живыми и невредимыми или нет? Влад нервно прохаживался туда-сюда, два шага влево, два — вправо, чтобы не появляться на открытой территории. «И самое главное, зря проходили. Лионеллу не спасли, даже не выяснили, где она. Только осиное гнездо разворошили. Найдут сегодня все эти трупы, и на следующую ночь здесь осадное положение объявят».

Размышления прервал звук открывающейся калитки. Парень напрягся, готовясь в случае предательства проткнуть мечом выходящих из двери. Но на пороге стоял Чезаре:

— Быстрее заходите. Меня многие видели, поэтому вам надо быстрее покинуть дом, пока никто не задался вопросом, откуда я здесь взялся столь неожиданно.

Двор был безлюден. Края витиеватых перил на крыльце чёрного хода опирались на вздыбленных бронзовых единорогов. Над дверной ручкой блестело распятие, занимающее большую часть гостеприимно распахнутой двери. Из дома плыли по воздуху ароматы свежеспеченного хлеба, жарящегося мяса и каких-то специй. У Влада тут же потекли

слюнки, а урчащий желудок напомнил, что неплохо бы и подкрепиться. Конрад, учуяв запахи еды, как будто тоже приободрился, даже глаза раскрылись полностью.

Когда они вошли внутрь, аромат жаркого стал просто невыносим. Судя по всему, кухня, где готовился завтрак, располагалась сразу слева от входа. Влад поспешил шепнуть:

— Пойдём быстрее, а то у меня сейчас голодные судороги начнутся.

Отряд миновал коридор, ведущий в царство поваров, и Комольцев услышал приближающиеся голоса. Люди, идущие навстречу, вот-вот должны были вывернуть из-за следующего поворота. Чезаре молниеносно раскрыл первую попавшуюся боковую дверь и затолкнул своих спутников в крошечное помещение, размером чуть больше платяного шкафа, заставленное мётлами, швабрами, вёдрами и прочим инвентарём для уборки. Втроём они с трудом поместились в свободном пространстве. Влад замер на одной ноге, боясь задеть что-нибудь металлическое и выдать своё присутствие.

Голос пожилого мужчины размеренно давал указания:

— Святому отцу не забудь принести бутылочку нашего лучшего вина. Он любит с утра рюмочку выпить. Сейчас же сбегай в погреб, найди выдержкой побольше. Ну, сам знаешь... Так, чтобы через полчаса готово всё было. И этой... которая в подвале сидит... тоже отнеси что-нибудь пожрать.

Более молодой после каждой фразы угодливо поддакивал. Они прошли вплотную к двери кладовки и удалились в сторону кухни.

— Идём дальше по коридору, первый поворот налево. Вперёд! — скомандовал Чезаре, как заправский сержант перед марш-броском.

Лестница была широкой, сбоку от ступенек шёл пандус, по которому, как догадался Влад, увидев содержимое погреба, выкатывали бочки с вином. Подвал занимали эти немаленькие ёмкости, на каждой из которых прикреплялась табличка с годом и ещё какими-то надписями, скорее всего, названием сорта напитка. Проходы между бочками и стеллажами с бутылками представляли из себя настоящий лабиринт, в котором легко бы потерялся непосвящённый человек и долго бродил бы, вглядываясь в ничего не значащие для него этикетки. Чезаре, однако, лавировал в этих хитросплетениях вполне уверенно.

— Подожди, — остановил его Влад. — Кажется, я слышал голоса.

Отряд остановился и затих. Действительно, со стороны лестницы доносились невнятные реплики, и они приближались, спускались сверху. «Наверное, этот поварёнок за бутылкой пришёл», — с надеждой подумал Влад.

— Видел его... точно... и управляющий... в доме... ключи...

— Чёрт, это за нами, — почти беззвучно выругался Чезаре. — Быстрее, недалеко осталось.

Массивная дверь встретила их за очередным стеллажом, на этот раз полупустым. Видно, всё вино отсюда уже было выпито, и теперь полки ожидали нового урожая. Мальчишка выудил из кармана большой ключ, с натужным скрипом повернул его в скважине. Створка пронзительно взвыла проржавевшими петлями. И Влад враз покрылся противным липким потом. Если до этого существовала хоть мизерная вероятность, что преследователи засомневаются в правильности своих действий и повернут назад, то теперь они сами обнаружили своё присутствие в подвале и конкретное местонахождение так же ясно, как если бы прокричали: «Мы здесь!»

Конрад практически висел на плече Влада, очень медленно передвигая ноги и не

открывая глаз. Вес у мага был немаленький, да и рост значительно выше, чем у Комольцева. Поэтому парень сам шёл с трудом. Чезаре захватил факел, но не зажжёт его.

— Иди, здесь не заблудишься и без света. Огонь высеку, когда отойдём немного от двери.

Они, как могли быстро, направились в прохладную пасть потайного хода. Влад несколько раз едва не расшиб лоб об стену, потому что тоннель периодически плавно изгибался.

— Зажигай свет уже! — не выдержал он. — Всё равно они слышали, куда мы пошли.

Искры в крошечной темноте показались живыми, они светлячками прыгнули на подставленный факел, и подземелье вынырнуло из мрака. Это ответвление, в отличие от ведшего к ризнице, было ниже и уже, но явно новее. Влад не смог бы объяснить, почему у него сложилось такое впечатление, но кладка казалась изящней, камни — не такими древними, а пол — почти абсолютно ровным.

Они поспешили дальше, и вскоре ввалились в знакомую «комнату для плетения заговоров». Влад устало остановился, привалил мага к стене.

— Не могу я его дальше на себе тащить. Тяжёлый, сволочь.

Прислушавшись, он разобрал, что погоня движется за ними, и не с очень большим отрывом. Парень снял с плеча лук, взялся за стрелу, но Чезаре отрицательно покачал головой:

— Нет. Сам подумай, их больше и все профессиональные воины. И я буду на их стороне.

— Кажется, твоя часть договора ещё не выполнена.

— Ошибаешься. Во-первых, я сказал, что если будет опасность для моих единоверцев, то я не буду стоять в стороне. А во-вторых, — он криво усмехнулся, — мы уже не в Ватикане.

— Твоё слово гроша ломаного не стоит! — презрительно выплюнул Влад.

— Зря ты так. Я готов пойти компромисс, при котором все остаются живы. Прячьтесь в соседний коридор, по которому мы шли в первый раз, а я встречу погоню здесь. Они видели только меня.

— А если выдашь нас?

— Я уже говорил, что, если я попадусь на глаза инквизиции в такой компании, то меня свои же в пыточную отправят, глазом не моргнув. Для профилактики. Так что можешь не волноваться. Валите отсюда!

Влад подхватил Конрада под руки и потащил в сторону второго тоннеля чуть не волоком. Они едва успели скрыться в темноте подземелья и отойти на десяток метров, так, чтоб туда не долетел случайный отсвет факела, как из комнаты раздались топот и возгласы людей.

— Что ты здесь делаешь, Чезаре, интересно мне знать? — голос инквизитора сочился ядом, спрятанным за внешней доброжелательностью.

— А я не обязан перед вами отчитываться, святой отец, — нахально возразил мальчишка. — В своём доме могу появляться, когда захочу.

— Это не твой дом, щенок, а монсеньора Газтано! Пора бы запомнить, что ты здесь никто.

Гневная фраза была произнесена одновременно с хлестким звуком оплеухи. Влад аж поморщился, словно это ему по морде дали. Тот же властный голос приказал:

— Взять его!

Короткий шум возвестил о том, что Чезаре не воспринял посягательство на свою свободу безропотно. Пара зуботычин, и мальчишеский голос прохрипел:

— Зря, святой отец. Как бы вам пожалеть не пришлось...

Шаги удалились по направлению к выходу, и Влад остался в полной темноте рядом с окончательно отключившимся Конрадом. Маг практически не подавал признаков жизни, парень, забеспокоившись, прощупал ему пульс. Сердце билось сильно, но как-то медленно, редко.

«Эх, будем надеяться, что для него это нормально... во время дневного сна.» Подумав о сне, Влад понял, что и сам смертельно устал за бесконечную ночь поисков. Адреналин схлынул, и сразу же напомнили о себе перенапряжённые мышцы, недолеченные травмы и голодный желудок. Но в мозгу вертелось что-то неопределённое, какая-то недодуманная мысль. Очень важная, которую нужно вспомнить непременно сейчас, иначе она потеряется в сонной голове и исчезнет навсегда. Влад отхлебнул воды из фляжки, а потом вылил остатки на макушку, чтобы немного отогнать усталость.

«Что-то недавно видел важное... Или слышал... Не обратил внимания сразу... Что?» Парень встал и вслепую прошёлся туда-сюда, прижался разгорячённым лбом к шероховатости каменной кладки. Он начал перебирать подробно всё, что случилось в последний час, с тех пор, как они вышли из резиденции инквизиции. Перед внутренним оком мелькали картины рассвета, элементы орнамента, высеченного на ограде вокруг дома кардинала, выражения лиц спутников. Нет, не то! Планировка дома, ароматы готовящегося завтрака. Еда... «Чёрт, как же жрать хочется! Кухня... Хм, что-то, связанное с кухней...» И вдруг, как вспышка молнии освещает улицу, резануло воспоминание о невольном подслушанном разговоре.

«И этой... которая в подвале сидит... тоже отнеси что-нибудь пожрать.»

— Лионелла, девочка моя, ты здесь, — Влад боялся, что принимает желаемое за действительное, но проверить версию в любом случае стоило. Парень готов был прямо сию минуту мчаться на вызволение любимой, но здравый смысл одержал победу, тем более, что его сильным союзником была усталость. Влад, не в состоянии больше удерживать своё тело в вертикальном положении, присел, привалившись к жёсткой, но кажущейся такой удобной стене тоннеля. Веки свинцовыми заслонками упали на глазные яблоки, и блаженный сон заключил солдата в свои объятия.

— Так откуда ты взялся в Ватикане, когда должен быть в походе? Дезертировал?

Злобно ухмыляющееся лицо инквизитора плыло и искажалось перед глазами. Чезаре хотел сейчас совсем немного: лечь и заснуть часов на десять, сбросить с себя страх прошедших суток, раствориться в уюте и тепле дома. В распоротом боку вспыхивала дёргающая боль, место на правой руке, где была содрана кожа, жгло огнём, в голове плавали клочки мерзкого тумана. И возникло ещё одно непреодолимое желание — вмазать по злорадной роже священника, задумавшего вести допрос прямо сейчас. Но сил на это не осталось. Чёрные пятнышки замелькали вокруг, комната покачнулась и потекла в сторону.

— Уведите в комнату и запирайте там. И пришлите лекаря, пусть повязки сменит. Не дай Бог, умрёт ублюдок.

Чезаре проснулся около полудня, ощутил под боком мягкую постель, а в головах —

пушистую подушку и блаженно потянулся. Тут же пожалел об этом, потому что незатянувшиеся ранения взвыли стаей оборотней. Он осмотрелся. Спальня для гостей. Да, здесь он обычно и ночевал, когда приезжал в Рим к отцу. Яркое летнее солнце било в окно, и в свете дня не верилось в существование нечисти, войн и жестокости. Плен и ночная резня в дворце инквизиции казались нереальным кошмаром. Мальчишка не спеша оделся, благо запасные рубаха и штаны в его комнате нашлись. Раны были аккуратно перебинтованы, что однако не мешало им болеть.

«Надо же, крепко же я вырубился, если даже при перевязке не очнулся...»

Оружия нигде не наблюдалось, а дверь оказалась заперта снаружи. Если учесть, что окна для защиты от воров были забраны решётками, то уютная спальня становилась тюрьмой. Юноша, вопреки этому, не особенно переживал за свою судьбу. «Марко, конечно, ублюдок, но ничего он мне не сделает. Отца побоится». Взаимопонимания с Марко у Чезаре никогда не было. Инквизитор, много лет выполнявший обязанности секретаря и домоправителя в особняке главы инквизиции, с самого детства на дух не переносил незаконнорожденного сына своего господина. Мальчишка отвечал ему тем же. Марко постоянно искал повод, чтобы придраться и выставить Чезаре в глазах отца в невыгодном свете, а тот в свою очередь платил откровенной наглостью, выводившей инквизитора из себя. К счастью, общаться им приходилось нечасто. Гаэтано не вмешивался в эту позиционную войну, а когда положение дел вынуждало его всё-таки встать на чью-то сторону, тогда кардинал отдавал предпочтение то одному, то другому из противников, руководствуясь какими-то своими не совсем понятными мотивами.

«Доказательств моей вины у него нету, и не посмеет он даже вслух предположить, что я могу быть причастен к нападению на резиденцию». Спокойствие за свою жизнь оказалось крайне приятным чувством. Чезаре, вздохнув, присел на подоконник и приготовился ждать. Конечно, можно было поковыряться в замке, но зачем привлекать лишнее внимание к своим талантам. Сами придут, и наверняка довольно скоро.

Логические умозаключения подтвердились буквально через полчаса. В замочной скважине скрипнул ключ, вошедший солдат, взглянув со странной смесью почтения и превосходства, сказал:

— Монсеньор Марко желает вас видеть... — он так и не добавил никакого обращения.

— А я желаю, чтобы мне принесли пожрать, — фыркнул Чезаре. — Не собираюсь лицезреть этого надутого индюка до завтрака, а то аппетит испортится!

Стражник слегка побледнел, но не возразил. Угрюмо кивнув, вышел из комнаты, и замок щёлкнул. «Самое смешное будет, если еды всё равно не получу. Однако приятно осознавать, что мои слова в этом доме не пустой звук. Пока... Ох, не нравится мне эта ситуация...»

Завтрак появился почти через час, когда Чезаре готов был уже начать грызть оконный переплёт. Исходящее аппетитным соком жаркое, свежий хлеб, даже бокал вина. Желудок чуть не выпрыгнул наружу от счастья. Старый слуга аккуратно поставил поднос на стол:

— Приятного аппетита, милорд. — Как всегда, подчёркнуто вежливо.

— Постой, — сказал Чезаре, одновременно впиваясь зубами в хлеб, отчего слова прозвучали невнятно. — Расскажи, что там происходит? Почему меня заперли? — Серозелёные глаза смотрели абсолютно невинно.

Слуга нахмурился:

— Несчастье, милорд. Этой ночью какие-то злодеи напали на резиденцию инквизиции. Весь дежурный гарнизон убит. Ужасно! — Он нервно перекрестился. — Вы ешьте, а то монсеньор Марко ждать не любит.

— Да плевал я на то, что он любит! — буркнул Чезаре с набитым ртом в спину удаляющемуся мужчине.

В подземелье таился промозглый холод, копившийся годами в грубых каменных стенах. Даже огонь, от факелов и в очаге, который, казалось бы, должен был согреть, только бессильно плевался в стороны красно-оранжевыми языками, изредка обжигая искрами, но не даря тепла. Но озноб пробежал по спине не от многолетней сырости, это лапкой провёл страх, когда Чезаре наткнулся взглядом на необычной формы инструменты, разложенные на столе. В углу расположился писарь, сосредоточенно чинящий перо. Марко задумчиво смотрел в пламя очага, спрятав пальцы в рукава ряссы, оберегая от холода.

— Не посмеешь! — Чезаре очень постарался, чтобы голос звучал уверенно, но это не совсем получилось. За спиной стояли двое солдат, и сопротивляться было бесполезно. К тому же, он ведь у своих! Как они могут так поступать?!

Инквизитор, не удостоив мальчишку ответом, жестом указал стражникам на место, предназначенное для допрашиваемого. Оковы щёлкнули на запястьях и щиколотках Чезаре.

— Итак, — Марко хрустнул суставами пальцев. — Где ты был прошлой ночью?

Мальчишка молчал, презрительно уставившись куда-то в сторону.

— Молчишь... Надолго ли тебя хватит? — в интонациях сквозило нескрываемое злорадство.

— Я не обязан тебе отвечать. Меня, кажется, пока не судили, чтобы ты имел право применить пытку.

— В крайних, не терпящих отлагательства случаях приговора суда не требуется, — улыбка на лице Марко стала шире. — Я считаю, что двенадцать мёртвых тел в центре Ватикана — достаточное основание для ускоренного разбирательства.

— А я-то при чём? Я, что ли, их убивал?

— Хе-хе, этот вопрос мы и пытаемся выяснить, мальчик мой. Кстати, вижу, что для тебя это не новость. Хоть бы удивился для правдоподобия.

— Мне уже рассказали. Поэтому и не удивляюсь.

— Так каким образом ты оказался в Ватикане?

— Пришёл, — Чезаре нагло взглянул прямо в глаза инквизитору. — Летать пока не научился.

Размашистая пощёчина разбила мальчишке губы. В ответ в лицо Марко полетел кровавый плевок. Инквизитор брезгливо вытер щёку платочком.

— Значит, не желаешь по-хорошему, — угрожающе протянул он. — Зови палача, — бросил через плечо писарю.

— Отец с тебя шкуру сдерёт, когда узнает.

Очередной удар по лицу был сильнее, и голова Чезаре поникла.

— Не смей упоминать о своём родстве с его высокопреосвященством! Монсеньор Газтано сам отречётся от сына, который вступил в сговор с еретиками.

В пыточную вальяжной походкой вступил заплочных дел мастер. Мальчишка вздрогнул, руки сжались в кулаки.

— Скажи, Чезаре, — продолжал издеваться Марко. — Что для лучника важнее? Глаза

или пальцы?

— Пальцы. Стрелять можно на слух. — Чезаре словно не понимал, что его ожидает в ближайшие минуты. Сознание стремилось отгородиться от окружающей действительности, чтобы защитить разум от безумия.

Палач неторопливо перебрал свои принадлежности, погромыхивая металлом, лязгая какими-то ужасающего вида щипцами, свёрлышками, ножичками и прочими атрибутами ремесла.

— Я расскажу, — тихо промолвил Чезаре, не сводивший глаз с этих приготовлений.

Марко довольно усмехнулся, кивнул писарю, который тут же макнул перо в чернильницу.

— Я знал, что ты недолго будешь ломаться.

— Расскажу, — повторил мальчишка, — но только лично его высокопреосвященству.

Инквизитор задохнулся от возмущения.

— Ублюдох, неужели ты думаешь, что ради тебя мы будем ждать возвращения кардинала из похода?

— Я напишу письмо. Это моё последнее слово, Марко. Твоя воля, пытай, если хочешь. А вдруг я невиновен? Представь, что с тобой тогда будет. У тебя же великолепное воображение. Хочется оказаться на моём месте? — С каждой следующей фразой голос Чезаре звучал звонче и уверенней. В изгибе губ вновь сквозило презрение и высокомерие.

Тяжёлый вздох вырвался из груди инквизитора. Он прошёлся из угла в угол, что-то прикидывая в уме. Палач, заметив, что дело застопорилось, опёрся о стену и увлечённо ковырял в зубах, будто хотел там клад найти. Наконец Марко остановился, выглянув за дверь, позвал стражника:

— Снимите с него цепи.

Чезаре старался не показать, с каким облегчением он отошёл от стены и взялся за перо. Несколько строчек торопливым летящим почерком. Протянул бумагу инквизитору. Тот скользнул взглядом по тексту, но в письме не было никакой интересной информации. Короткие фразы: жив, в Ватикане, под подозрением в предательстве, хочу всё объяснить, с Марко разговаривать не буду.

— Отправьте с гонцом монсеньору Гаэтано, сейчас же. А мальчишку — под замок.

Его потрясли за плечо, и Влад подскочил, автоматически выбросив кулак в сторону предполагаемого врага. Однако руку легко перехватили и отвели в сторону. К этому времени парень всё-таки раскрыл глаза, но это не помогло — в окружающей темноте зрение было бесполезно.

— Здоров же ты спать. Даже меня переплюнул, — раздался знакомый голос. И Влад вспомнил, что отключился в секретном ходе под Ватиканом, после того, как они ускользнули от погони. Точнее, после того, как от них отвлекли погоню.

Парень потёр всё ещё слипающиеся глаза.

— Добрый вечер, Конрад. Восстановил силы? А то утром у тебя видок был — краше в гроб кладут.

— Отоспался. Ну что, отправляемся во второй заход на территорию противника?

— Эх, поесть бы неплохо, — мечтательно произнёс Влад. И вспомнил наконец важную новость, которую собирался выложить магу сразу же, когда проснётся.

— Конрад, мне кажется, я знаю, где искать Лионеллу. Помнишь, двое поваров там, в доме, говорили про пленницу в подвале?

— Да пойдём уже! — в голосе мага звучало нескрываемое нетерпение.

— Чёрт, я не вижу ничего. А факела нету. — Влад поднялся на ноги, придерживаясь за стену.

— Ничего, до выхода можно и без света пройти.

Мужчины потопали к «комнате для плетения заговоров», осторожно прошли вдоль стены, стараясь не наткнуться на каменные скамьи, и завернули в ответвление, ведущее к дому главы Святой Инквизиции. На выходе Конрад долго возился с отмычками, проклиная ржавый несмазанный замок. Но в конце концов они со вздохом облегчения оказались в давешнем винном погребе. Влад зажёл свечу, позаимствовав её в записке рядом с дверью в тоннель. Запутанные переходы между стеллажами заставили их поблуждать, но в итоге впереди показалась лестница, а маг удовлетворённо кивнул:

— Вроде понял, как идти кратчайшим путём. Давай проверим на всякий случай, а то, чуёт моё сердце, удирать в темпе придётся. Лучше заранее отходной маршрут проработать.

Они преодолели лабиринт ещё раз, теперь гораздо быстрее и увереннее.

Чезаре не спалось. Сидя на своём любимом широком подоконнике, он наблюдал за заходящим солнцем, любуясь багрово-красными всполохами последних лучей в окружении сизоватых облаков, а потом рассматривал потемневшее небо, разыскивая знакомые созвездия. И непрерывно думал, как можно объяснить своё внезапное появление в подземном ходе и не упомянуть при этом о плене и своём участии (пусть косвенном) в убийствах охраны резиденции. Мысли путались, не стыковалось то одно, то другое. Фантазии не хватало.

«Ответ от отца, возможно, уже доставили. Ясно, что он захочет выслушать. А вот как я ему расскажу, что сам лично провёл врагов в святая святых Инквизиционной Палаты? Нет, не смогу. Значит, надо что-то придумывать...»

Досадная морщинка залегла на лбу, а сон окончательно бежал прочь.

Прежде чем подниматься из погреба, Влад и Конрад обсудили план действий. По дороге до винохранилища другой лестницы не было, поэтому они решили двинуться дальше вглубь здания, в поисках второго спуска, который должен вести к камерам заключения.

Дом уже заснул, в коридоре первого этажа царил тишина. Повернув налево, они ступили в огромную пиршественную залу: колоссальных размеров стол, гигантский камин, люстра на сотню свечей. Такая столовая пришла бы впору даже рыцарскому замку. В пустом пространстве шаги отдавались гулким стуком, играя эхом по углам, как ни старались мужчины ступать тихо. Вот и противоположная дверь, но прежде чем кто-то успел взяться за ручку, она распахнулась и юноша в одежде слуги практически влетел в объятия Конрада. Подсвечник из его разжавшейся ладони зазвенел, прокатившись по полу, на губы легла рука мага, заглушившая готовый вырваться возглас.

— Тихо, — сказал Конрад. Пристально глянул слуге в глаза и отпустил. Он затуманившимся взором продолжал смотреть прямо перед собой, не делая никаких попыток бежать, кричать или сопротивляться.

— Где держат пленницу?

— В подвале, в камере, — юноша говорил негромко и как-то отрывисто, глотая окончания слов.

Влад догадался, что Конрад применил заклинание, по действию схожее с гипнозом.

— Как она выглядит, опиши, — маг волновался, потому что слуга мог и не видеть ведьму.

— Высокая... светлые волосы... белое платье...

Голос его звучал всё тише, веки дрожали, словно готовясь смахнуть слезу, от лица юноши отхлынула кровь, стерев здоровый румянец. Он покачнулся, и Конрад подхватил его под локоть, чтобы не дать упасть. Влад подался вперёд, открыв рот, чтобы возразить против дальнейшего допроса, но маг продолжал:

— Как пройти к камере? Сколько охраны?

Но слуга уже не смог ответить на вопросы, глаза закатились под лоб, из угла рта потянулась ниточка слюны.

— Ладно, сами найдём, — подвёл итог Конрад, пристраивая тело около стены в более менее удобном положении.

— Он жив? — спросил Влад с беспокойством, вглядываясь в мертвенно-серое лицо бесчувственного юноши.

— Жив, — кивнул маг. — Через часок очнётся. Да кошмарами ночными, может, пару месяцев помучается. Зато даже не вспомнит о нас и о том, что сейчас говорил.

Лестница, ведущая вниз, обнаружилась сразу за выходом из залы. Она была уже и темнее, чем та, которая вела в винный погреб. Конрад передал подсвечник Владу, а сам вытащил из ножен меч.

Охранников было двое. Однако для Конрада не составило труда отправить на тот свет превосходящего противника. В одной из трёх камер спала Лионелла, свернувшись калачиком на тощеньком матрасе, набитом соломой. Такое красивое, такое беззащитное во сне лицо... Влад не смог удержаться и поцеловал магичку в губы, может, втайне надеясь, что сработает закон всех сказок и спящая красавица очнётся. Но то ли сказочные правила здесь не действовали, то ли парень не дотянул до статуса прекрасного принца, и Лионелла никак не прореагировала.

— Потом нацелуетесь, — сварливо буркнул Конрад. — Убираться надо поскорее.

В интонациях и выражении лица мага, казалось, на один миг мелькнула ревность. Хотя Владу могло почудиться в неверном освещении. Парень подхватил любимую на руки, и они поспешили обратно к ставшему практически родным подземному ходу. Уже спустившись в винный погреб, Влад удивлённо сказал:

— Мы вроде за собой все двери закрывали. А тут нараспашку... Кто-то проходил после нас.

И действительно откуда-то справа (как раз в той стороне находился вход в тоннель) звучали шорохи, бормотание и шаги.

— Справимся как-нибудь, — махнул рукой Конрад. — Небось какой-то слуга решил бутылочку-другую стащить.

Маг пошёл первым, готовый отразить нападение и заставить замолчать решившего поднять тревогу. Источник звуков приблизился, и сквозь щели очередного стеллажа Влад увидел двух подростков, придирчиво перебирающих пыльные сосуды с вином.

— Конрад, это же дети, — шепнул он магу, увидев, как тот перехватил поудобнее рукоять меча.

— Шум ведь поднимут, — нерешительно ответил Конрад, но оружие опустил.

— Давай обойдём.

Но мальчишки обратили внимание на близкий шёпот, испуганно засунули бутылки на место и заозирались по сторонам. Один из них задержал взгляд на том стеллаже, за которым скрывались Влад и Конрад. Видно, заметил огонёк свечи, хоть и прикрытый ладонью, но яркий.

— Поздно, идём уж напрямую.

Конрад вывернул из-за угла, заноса клинок для удара. Мальчишка постарше, увидев вооружённого человека, ловко подтянулся на ближайшую бочку и с криком побежал, стуча каблуками по доскам. Младший, лет одиннадцати-двенадцати, наоборот застыл, онемев от неожиданности, зачарованно уставившись на блеск пламени, отражающегося в лезвии.

— Не надо! — заорал Влад, он опустил Лионеллу на пол и рванулся к магу, понимая, что перехватить руку с мечом не успеет.

К счастью, подросток в последний момент отшатнулся в сторону, уходя от удара, и споткнувшись, упал. Клинок прошёл выше головы, не причинив вреда. Подоспевший Влад прорычал:

— Оставь ты его! Всё равно тихо уже не получилось.

Они добежали до секретного хода, а за спинами слышался топот стражников и звон оружия. Дверь, открывшись, никак не желала закрываться, проржавевшие петли застыли намертво.

— Чёрт, сколько же её не смазывали! — Конрад налёг плечом, вложив в усилие всю массу тела, и с трудом смог всё же сдвинуть окованные железом доски с места. Влад сунулся помогать, но маг отверг помощь. — Вдвоём здесь не развернуться! — Ещё один толчок, и замок наконец лязгнул, отрезая путь преследователям.

Конрад тяжело опустился на пол, с хрипом дыша, а Влад зачиркал огнивом, поджигая факел. Пальцы слегка дрожали, и следующим делом парень вытянул сигарету из пачки и прикурил. С той стороны двери донеслись удары и ругань.

— За ключом, быстро!

Влад в последний раз глубоко затянулся, с сожалением выбросил почти целую сигарету,

подхватил Лионеллу на руки, и они поспешили вперёд.

— Как сбежала?! — Марко в ярости швырнул недопитый бокал с вином в стену. Брызнуло стекло. — Она же должна была спать! Кто ей помог? Почему неизвестные еретики вторые сутки ходят по Ватикану, как по собственному заднему двору?!!

Солдат, сообщивший дурную весть, испуганно мялся на пороге, опустив голову.

— Привести ублюдка ко мне! — рыкнул инквизитор через плечо и продолжил тише, разговаривая сам с собой, — Значит, точно он привёл врагов в резиденцию, по подземному ходу, а я-то сразу не сложил два и два. Нужно было тогда же обыскать весь тоннель!

Марко потянулся к бутылке с вином, чтобы налить ещё, но вспомнив, что бокал лежит на полу осколками, хлебнул прямо из горлышка, не почувствовав вкуса. Перед мысленным взором предстало выражение лица кардинала, когда он узнает обо всём произошедшем.

— Чёрт! — инквизитор еле удержался от того, чтобы не отправить бутылку вслед за бокалом.

Чезаре переступил порог кабинета Марко, внутренне радуясь завершению длинной ночи, потому что был уверен, что предстоит поездка к главе инквизиции. С одной стороны, будет время в дороге для обдумывания своих оправданий, а с другой... отец по крайней мере выслушает спокойно. Однако встретившись взглядом с Марко, мальчишка понял — что-то произошло. Инквизитор хмуро глянул из-под густых бровей и голосом, дрожащим от еле сдерживаемого гнева спросил:

— Кто был с тобой в ту ночь? Когда напали на резиденцию?

— Я, кажется, вчера ясно сказал, что с тобой это обсуждать не собираюсь, — огрызнулся Чезаре. — Пришёл ответ от... его высокопреосвященства?

Он почувствовал внезапно свинцовую усталость, сказывалась бессонная ночь, и рана в боку опять разболелась с утра. Чезаре с трудом ровно удерживался на ногах. Время от времени накатывали приступы головокружения, и комната начинала отплясывать вокруг, как подвыпившая селянка на празднике урожая. И бессмысленный разговор об одном и том же, зашедший на очередной виток, только усугублял плохое самочувствие.

— Ответ-то доставили ещё вчера, — протянул Марко, — но за ночь появились новые обстоятельства... Сейчас я считаю более целесообразным выяснить всё немедленно, не откладывая в долгий ящик.

Мальчишка усмехнулся одним углом рта и ядовито спросил:

— Хочешь послушаться приказа кардинала?

По лицу инквизитора пробежала тень. Он в ярости сжал горлышко бутылки, чуть не раздробив его.

— Зря ты думаешь, сопляк, что с монсеньором тебе будет легче разговаривать. Он уже знает обо всем, случившемся в Ватикане. Ты только отсрочишь момент признания, и ничего более. Не хочется облегчить душу поскорее?

— Перед вами не хочется, святой отец, — абсолютно честно произнёс Чезаре. — И сейчас вы затягиваете, а не я. Можно уже и в путь выдвигаться. — Он поймал себя на мысли, что не знает стопроцентно, какое распоряжение отдал отец, но если уж Марко так бесится, значит, предположения верны, и кардинал Гаэтано желает разобраться со своим сыном лично.

Инквизитор в последний раз полыхнул взглядом и неохотно кивнул:

— Выезжаем через полчаса.

Лионелла проснулась от того, что ощутила чужое прикосновение на щеке. Она дёрнулась в сторону, распахнула глаза... и не поверила им. Куда делась тёмная душная камера, в которой она провела почти двое суток? Над девушкой склонился Влад, это он ласково проводит пальцами по её лицу. Красноватый солнечный зайчик, посланник восходящего солнца, плеснул светом в глаза. Магичка, ничего не понимая, улыбнулась и приподнялась на локте. Лавка, несмотря на жёсткость, казалась такой удобной...

— Влад, ты... Я думала, что больше тебя не увижу...

Парень порывисто прижал девушку к груди, словно боясь, что та исчезнет, и начал покрывать поцелуями её лицо, шею, грудь, руки... да всё, до чего мог дотянуться. Лионелла, смеясь, отвечала на ласки, всё ещё не веря в чудесное освобождение. Только когда они в полной мере насладились обществом друг друга, магичка начала расспрашивать подробности.

Медленно ведя пальчиком по коже Влада, посочувствовала:

— Вам тяжело пришлось. Всё из-за меня. Не рассчитала силы в том бою. Альдс предупредал меня, что надо отступать, а я не послушала. Он погиб по моей вине... И многие другие тоже...

«И не только оборотни пострадали», — подумал Влад, вспомнив мёртвых стражников, застреленного слугу в резиденции, почти доведённого до безумия юношу в доме кардинала, Чезаре, пережившего за одни сутки такое, что не каждый бывалый воин выдержит. Но вслух, конечно этого не сказал.

— Не казни себя, любимая. Ты защищала свой народ, тех, кто тебе доверился. Все мы когда-то проигрываем. Хорошо, что всё закончилось.

— Ничего не закончилось, Влад! — внезапно вспыхнула магичка. — Инквизиторы не ушли из леса. Сейчас у нас всего лишь краткая передышка. А через час самое большое — опять в бой!

— Я. Тебя. Никуда. Не. Отпущу, — отдельно проговорил Влад. — Одного раза достаточно. Всем нам повезло, что ты жива и невредима. И что мы с Конрадом не остались лежать где-нибудь в закоулках этих чёртовых подземелий!

В серых глазах Лионеллы скользнуло предвестие грозы, как будто сизая туча набежала на светило и погребла его сияние под своим ватным телом. Она слегка отстранилась и сказала:

— Волкам необходима моя помощь. Одни они не справятся. У инквизиции слишком много молящихся.

— Во-первых, в последний раз ты им не очень-то смогла помочь, только сама в плен попала. А во-вторых, волки пережили как-то целые сутки без присмотра магов, когда ты в камере сидела, а Конрад по Ватикану лазил.

Он притянул девушку обратно и чмокнул в бьющуюся на виске жилку.

— Нет, Влад, я не могу остаться здесь. Стая зовёт меня...

— Тогда я с тобой пойду, — вздохнул парень.

Лионелла нахмурилась, решая, какой вариант ей нравится меньше.

— Ладно, пойдём вместе.

Кардинал пригубил вино из бокала, но любимый сорт оказался каким-то кислым и

невкусным. Вообще со вчерашнего вечера весь мир выглядел неприятным и некрасивым. Неудобное походное ложе не дало выспаться, завтрак был подгоревшим, лица солдат — чересчур грубыми, в словах слуг слышалась наглость, а теперь и вино совершило предательство. Гаэтано старался не думать о доставленном вчера во время ужина письме, в котором было несколько строчек, написанных рукой сына, и подробное объяснение, которое добавил Марко. Глава Святой Палаты, конечно, сделал скидку на извечную ненависть секретаря, но даже с учётом данного обстоятельства обвинения в адрес Чезаре звучали весомо. И радость, что сын жив, не в силах была заглушить тревогу.

С края лагеря раздались приветственные возгласы. Кто-то приехал. Гаэтано, скривившись, всё-таки допил кислятину и приготовился встречать гостей. К полянке, где раскинулся главный шатёр, подъехали пятеро всадников. Процессию возглавлял Марко, горделиво восседающий на вороном жеребце, как триумфатор, вступающий в завоёванный город. Выражение лица у него было довольное донельзя. Чуть сзади в окружении трёх охранников ехал Чезаре. Кардиналу бросилось в глаза, что сын еле-еле держится в седле, а на светлой ткани рубашки сбоку алеет кровавое пятно.

Кавалькада остановилась, всадники один за другим спешили. Чезаре неуклюже сполз с седла и судорожно схватился за поводья, чтобы не упасть. Лошадь возмущённо всхрапнула и переступила копытами.

— Монсеньор... — начал Марко, но кардинал, досадливо отмахнувшись, отодвинул его в сторону и подошёл к сыну. Глянул в бледное лицо и приказал ближайшему солдату:

— Живо приведи кого-нибудь из санаторов.

После выезда из Ватикана Чезаре становилось всё хуже и хуже, раны, вроде бы свежеперевязанные, вновь начали кровоточить, в затылке ломило и постоянно хотелось пить. Он смутно понял, когда начался лес, только потому, что стало прохладнее, а въезд в лагерь уловил по приветствиям часовых. Цветные пятна, маячившие перед глазами, мерно покачиваясь в такт шагам коня, замерли неподвижно и постепенно обрели более чёткие очертания.

Поляна, большой шатёр главнокомандующего. Чезаре, переборов слабость, спустился на землю. Мир стремительно повернулся вокруг своей оси, вызвав приступ тошноты. Только попавшийся под руку ремень узды позволил обрести устойчивость. Пока мальчишка пытался, прикрыв веки, прийти в себя, сквозь звон в ушах пробился властный голос кардинала:

— Живо приведи кого-нибудь из санаторов.

И дальше:

— Марко, ты что, всё-таки допрашивал его сам? — в голосе клокотала ярость.

— Нет, ваше высокопреосвященство, — подобострастно отвечал инквизитор. — Он был ранен, когда мы его нашли. Оказали помощь, какую смогли. Ведь санаторы все здесь, в Ватикане ни одного не осталось.

Чезаре по-прежнему не открывал глаз, так казалось, что чувствуешь себя лучше. По крайней мере головокружение прекратилось.

Подоспевший санатор уверенными жестами растолкал всех, кто окружал раненого, невзирая на сан. Расцепил пальцы Чезаре, всё ещё мёртвой хваткой сжатые на поводьях.

— Садись, юноша, в ногах правды нет. Да уведите кто-нибудь коня в сторону! И воды

принесите!

Руки священника запорхали перед лицом Цезаре, от пальцев пахло ладаном и веяло успокаивающим теплом. Раненый распахнул веки, но глаза тут же словно заволоклись лёгкой дымкой. Санатор тем временем расставлял прямо на земле многочисленные скляночки, не переставая бормотать на латыни. Следивший за действиями лекаря кардинал в который раз подивился: как можно одновременно искренне молиться, разматывать бинты, готовить снадобья да ещё и погружать исцеляемого в сон, снимающий боль? Будто у санатора не две руки, а минимум пять, а голова работает совсем отдельно, не отвлекаясь на то, чтобы управлять выверенными движениями.

Когда ладони священника застыли над самой глубокой раной, Цезаре застонал, несмотря на обезболивание, и дёрнулся в сторону.

— Держите его, — приказал санатор. — Если я сейчас всю заразу из раны не вытащу, она загноится. Кто его лечить пытался, интересно мне знать?! Чудо, что до сих пор не умер.

Бок жгло огнём, но проснуться не получалось. Туманная пелена, отгородившая от мира, не рассеивалась. Сознание пойманным зверьком металось в темноте полусна, не находя выхода наружу. Единственным ощущением, не считая боли, были капельки росы на стеблях травы, холодящие пальцы.

Раскалённые щипцы дёрнули особенно сильно, крик рванулся из губ, разбивая дрему, в которую насильно был погружён организм. Цезаре раскрыл глаза, и увидел, что санатор, утирая пот с разом осунувшегося лица, потянулся за чистыми бинтами. Как ни странно, боль утихла, словно её и не существовало. Священник наложил повязку и сказал:

— Ваше высокопреосвященство, я сделал всё, что мог. Остальное — в руках Божьих.

Тут Цезаре наконец перевёл взгляд на высокую фигуру кардинала... и вспомнил, зачем он сюда приехал. И немного пожалел, что так быстро пришёл в себя. «Что я ему скажу?» — в панике подумал юноша.

Гаэтано в задумчивости рассматривал стоящего перед ним сына, не спеша начинать разговор. Мальчишка, подштопанный санатором, выглядел гораздо лучше, разве что чуть бледнее обычного. Хотя бледность могла быть следствием волнения. Кардинал побарабанил пальцами по подлокотнику кресла и наконец спросил:

— Ты собираешься рассказывать или нет?

Чезаре начал уверенно, без запинки:

— Три дня назад я, как тебе известно, во главе одного из отрядов отправился истреблять нечисть. Мы почти сразу понесли большие потери, но решили продолжать движение, поскольку недалеко должна была располагаться деревня оборотней. На подходе к месту назначения наш отряд попал в засаду, мы с большим трудом отбились... точнее... в общем, в живых остался только я, да и то тяжело раненный.

Юноша перевёл дух. До этого момента он говорил абсолютную правду, а сейчас вступал на тонкий лёд недомолвок и фантазий, талантом к которым никогда не обладал. Сердце колотилось, как бешеное, а под языком разливался противный горьковатый привкус. Чезаре никак не мог собраться с духом, чтобы начать излагать придуманную за ночь историю. За левым плечом злорадно потирал лапки чертёнок, в нетерпении ожидая, когда же подопечный человек шагнёт в пропасть смертельной лжи.

— Я долго блуждал по лесу, несколько раз сознание терял. Наверное, от потери крови ослаб, поэтому никак не мог верную дорогу найти. Когда в очередной раз очнулся, уже стемнело, и я побоялся идти дальше. Кое-как раны перетянул и заснул. Почему меня оборотни не нашли, не знаю. Повезло, наверное, отошёл в сторону от их троп. Следующий день почти до полудня в бреду валялся, даже на ноги встать не мог. Но потом понял, что если не пересилю себя, то здесь и отдам Богу душу, и никто не будет знать, что со мной случилось. Побрёл опять, наугад, потому что направление давно потерял, и ближе к вечеру оказался на краю леса, в прямой видимости от Рима. Понял, что до лагеря не дойду, и решил идти в Ватикан. Пока я ковылял к городу, ночь наступила, ворота закрыли. Тогда я вспомнил про подземный ход, который ты мне показывал. Долго же мне пришлось дверь искать! Весь берег Тибра облазил! — В голосе прозвучала неподдельная обида. — Пошёл к твоему дому, а там замок. Вернулся, направился к ризнице, дверь тоже была заперта, но я кинжалом поковырялся, вскрыл. Пока блуждал так, дело уже к утру... Устал, как будто поле вспахал. В твоём доме, как только на порог ступил, слышу голос этого... — Чезаре сделал паузу, мысленно перебирая все известные ему ругательства, но в итоге сказал просто, — голос Марко. И так мне тошно стало, что решил я ему на глаза не попадаться, взять по быстрому бинтов, лекарств и убраться обратно, к нам в лагерь. Но не успел. Вот так всё и было, — закончил мальчишка, уже понимая, что нестыковок, заметных даже на первый взгляд, в рассказе куча. Чертёнок довольно улыбнулся, как кошка, слопавшая тарелку сливок.

Однако кардинал кивнул, словно принимая на веру малореальную историю, и вкрадчиво уточнил:

— Значит, в резиденции Святой Палаты ты в ту ночь не был?

— Нет, — помотал головой Чезаре, но в глаза отцу посмотреть не решился.

— А откуда труп священника в коридоре около ризницы? Тоже не курсе?

Мальчишка помолчал, чувствуя, что к щекам начинает приливать кровь, но подумав, что начав лгать, на середине не остановишься, ответил:

— Когда я там шёл, никакого тела не было. Отец, мне кажется, что те, кто учинил резню, пришли по моим следам. Если бы я нормально себя чувствовал, то заметил бы слезку, а так... — Ангел за правым плечом сокрушённо закрыл лицо ладонями.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь постукиванием пальцев Гаэтано по дереву подлокотника.

— А где же ты своё оружие растерял? Ведь раньше с луком никогда не расставался.

— Не помню. Наверное, пока по лесу блуждал, где-то забыл. Я же почти в бессознательном состоянии был. — Слова, перечёркивающие истину, срывались с губ всё проще, словно сами по себе, без участия говорящего. Но от этого не становилось менее больно и неприятно.

Тяжёлый вздох кардинала не предвещал ничего хорошего. И действительно последовавшие слова заставили сына главы инквизиции вздрогнуть:

— Чезаре, сколько раз я тебе говорил: не пытайся делать то, к чему у тебя нет способностей. Врать ты никогда не умел.

Мальчишка опустил голову, уставившись в пол, не зная, какое чувство в нём сейчас сильнее — стыд от собственного вранья или страх перед неминуемой расплатой. Чёрный омут собственной никчёмности, грешности, вязкая топь предательства разрастались в душе, грозя поглотить её целиком. И не осталось почти ничего от наивного мальчика, считавшего себя правдивым. Лишь ангел-хранитель боязливо подбирал крылья, боясь испачкать белоснежные перья в болотной жиже.

— Сядь! — резанул ухо властный голос Гаэтано, и Чезаре опустился на неудобный (не чета личному креслу кардинала!) походный стул. — Теперь я расскажу, как всё было. Если что-то перепутаю, то ты меня поправишь, сынок. Итак, — инквизитор плеснул себе в бокал вина и пригубил; на этот раз напиток не кислил, — ты был в плену. Это очевидно. Во-первых, с такими ранениями без посторонней помощи ты бы не проходил и до вечера, не говоря о двух сутках. Во-вторых, не верю, что оборотни не учуяли запах крови. Даже если, как ты говоришь, их тропы остались в стороне, то они пошли бы по твоему следу. Верболки — хищники, инстинкт охоты у них в крови, и они никогда не дадут скрыться подранку. В-третьих, мальчик мой, насколько я тебя знаю, лук ты не бросил бы ни за что на свете. Значит, его отобрали. А самая главная нестыковка у тебя в том месте, где ты добрёл до моего особняка. Ну, ведь не было у тебя с собой никаких лекарств, когда Марко тебя в тоннеле поймал. И бинтов не было. Только не надо говорить, что ты к тому времени уже и повязки успел сменить. Это я привёл в пример самые очевидные доказательства твоих фантазий. Мне продолжить перечисление?

Чезаре подавленно молчал.

— Не возражаешь. Уже хорошо. Продолжаю историю. Оказавшись в плену, ты рассказал оборотням или, что более вероятно, главенствующему над ними магу... как его? Конрад, кажется?... о секретном ходе в Ватикан. Скорее всего, этим ты купил себе жизнь. Ночью ты привёл их в резиденцию, вся охрана была убита. А ведьмы-то там и не оказалось. Я специально приказал её в своём доме держать, чтобы Марко за ней наблюдал. Не представляю, как вы догадались, что пленную магичку следует искать там. Однако в чью-то светлую голову эта мысль пришла. И ты прошёл в дом, чтобы через заднее крыльцо впустить

еретиков, потому что знал — тебя никто не посмеет остановить. Разве только Марко, но он к счастью не попался на пути. А простым слугам и в голову не пришло, что неоткуда взяться моему сыну ранним утром в Ватикане. Ещё один неясный для меня момент, почему вы не пошли вызволять ведьму сразу же. Зачем было скрываться в тоннеле? Может, удовлетворишь моё любопытство? Или будешь утверждать, что я не прав?

Мальчишка к моменту завершения тирады кардинала уронил голову на руки, заслонив горящее лицо ладонями. Он начал говорить очень тихо, без конца запинаясь:

— Да, отец, ты правильно догадался... почти обо всём. Только... я не просто смерти боялся. Если бы речь шла исключительно о моей жизни, то, поверь мне, я бы предпочёл сдохнуть. Но... этот маг... Ты не представляешь, что он может сделать с человеком. Я, пока в бреду был, упомянул твоё имя... они сначала хотели с тобой поторговаться, но потом... я проговорился про тоннель. Не понимаю, как это произошло... А после... — Он вскинул пронзительный взгляд на Гаэтано. — Он мне мозги просто наизнанку вывернул! Отец, ты не понимаешь, как это больно и страшно! Конечно, я всё сказал. И привёл их в Ватикан. Я... пытался сопротивляться, правда! Но не смог, сил не хватило... а может, смелости.

Гаэтано чувствовал, как внутри глухая ярость соединяется с безысходностью. Гнев на сына, который, как ни крути, а предал все идеалы и цели инквизиции, пусть даже не по собственной воле, готов был вот-вот вырваться, разрушая его жизнь. Всего одно слово... Доказательства слишком очевидны, да и признался он только что.

— Почему ты не попросил помощи у охранников моего особняка? Ты ведь по доброй воле пошёл на обман и впустил врага черным ходом.

— Я... клятву дал, — голос Чезаре стал почти совсем не слышен. — Пообещал, что помогу им выбраться с территории Ватикана. Они не знали, что ведьму держат в твоём особняке. Я сам об этом только сегодня утром услышал.

— Поклялся?! — Кардинал задохнулся от возмущения. — Ты понимаешь, что говоришь?! Поклялся помогать еретикам?!

По плечам мальчишки пробежала волна дрожи.

— Прости, отец...

Серо-зелёная глубина глаз сверкнула, как переливы солнца на морской волне. И черты смазались, напоминая кардиналу о том, чего он не хотел вспоминать. «Как же ты похож на мать... Не думал, не гадал, что сходство окажется не только внешним, что ты повторишь её судьбу, проиграв свою душу Дьяволу. Может, ты не виноват? Скажи что-нибудь, что смягчит твою вину...»

— Почему? — лицо Гаэтано исказила с трудом сдерживаемая внутренняя боль. — Почему ты это сделал?

— Я сам не совсем понимаю. В первую очередь, конечно, боялся за свою жизнь. В горячке боя — готов на смерть пойти, не раздумывая. А когда появился хоть малейший шанс выжить... Но это не единственная причина. Кроме мага был ещё один, Влад. Он точно человек. Только странный какой-то... Одет чудно, говорит не по-итальянски, но смысл слов понятен... Он мне жизнь сохранил, хотя любой на его месте меня бы прикончил. Влад очень любит магичку, которая в плену была. Не знаю... жалко мне его стало, что ли. Решил отплатить за добро добром. Вот и получилось с этой клятвой... Пообещал вывести его из Ватикана скрытно, чтобы поменьше наших пострадало. В тот момент мне это казалось правильным. А сейчас... уже не знаю...

«Где-то я уже подобное слышал, — напряг память глава инквизиции. — И про одежду

необычную, и про странности всякие...»

Кардинал тяжело вздохнул:

— Иногда я забываю, Чезаре, как ты ещё молод. Верись, что абсолютно все люди добры. А ведь существует немало таких представителей рода человеческого, которые не только нечисти помогают, но и душу Сатане продают. И клятва, данная еретику, не является обязательством. Ты как честный католик должен был их выдать.

Юноша помотал головой:

— Преступить клятву — грех. Если я так сделаю, то чем я лучше их?

— Нет, мальчик мой, вот помогать нечисти — это поступок, способный ввергнуть тебя в геенну. С еретиками нужно бороться всеми доступными способами. В данном случае цель оправдывает средства.

Чезаре нервно сглотнул и спросил:

— Что ты со мной сделаешь? Ведь я виноват в гибели стольких людей...

Кардинал, оттягивая ответ на вопрос сына, медленно отхлебнул из бокала, наслаждаясь букетом вина. «От кого же я слышал это имя? Влад. Совсем недавно. Не больше недели назад», — Гаэтано чувствовал, что вот-вот поймает вёрткую мысль за хвостик. Озарило его внезапно, всплыли в памяти кабинет, доклад Лоренцо, рассказанный им эпизод про подозрительного арестанта, сбежавшего из римской тюрьмы.

Чезаре растерялся, когда вместо ожидаемого приговора услышал вопрос совсем на другую тему.

— Опиши внешность этого человека. Как ты говоришь, его зовут?..

— Влад. Невысокий, лет двадцати шести-двадцати семи, русоволосый. Шрам через левую бровь, — Чезаре перечислял приметы бойко, помогала идеальная зрительная память стрелка. — Коренастый такой. Глаза серые. И взгляд, как у лучника, вот только стрелять толком не умеет. Непонятно...

Гаэтано кивал после каждой фразы, словно слова сына подтверждали какие-то его предположения.

— И по-итальянски не разговаривает?

Мальчишка задумался над вопросом не на шутку, подробно припомнил свои ощущения.

— То, что он говорил, мне было понятно, но это точно не латынь и не итальянский. Как будто смысл прямо в голове возникает. Как будто он колдовал, но это невозможно, Влад — обычный человек. Что я мага не распознаю, что ли?

Когда разговор ушёл в сторону от событий пленения, Чезаре оживился, и речь полилась спокойно, без мучительных пауз.

— А в чём он был одет? — продолжал допрос глава инквизиции.

— Одежда из необычной ткани — с разводами... Зелёными и коричневыми... Сверху плащ чёрный. — На лице мальчишки отразилось абсолютное непонимание, в чём связь между костюмом Влада и нападением на Ватикан.

Между бровями Гаэтано залегла глубокая кривоватая морщинка, как всегда случалось, если он обдумывал очень важный вопрос, решение которого никак не желало находиться. Он перекатывал в пальцах ножку бокала и, забывшись, расплескал остатки вина на мантию, но даже не обратил внимания на досадное неудобство. Чезаре сидел ни жив ни мёртв, ожидая решения своей участи, и с удивлением отметил про себя, что размышляет кардинал вовсе не о собственном непутёвом сыне, а о неизвестно почему заинтересовавшем его

высокопреосвященство еретике.

— Монсеньор, срочные новости! Наши люди... — солдат осёкся и замер на пороге шатра, откинув полог. — Извините, вы приказали докладывать, если...

— Что? — Глаза кардинала сверкнули антрацитом, готовясь пригвоздить посланника к месту, если известия окажутся не слишком важными.

— Вы велели сообщить, если магичка появится. Так вот, наши отряды вступили в бой с оборотнями, которыми руководит светловолосая ведьма. Только что гонец оттуда прибежал.

— Спасибо. Свободен. — Солдат поспешил ретироваться. — Чезаре, иди расчехляй свой запасной лук. В этом бою нам будут нужны все силы. И позови ко мне Лоренцо, немедленно. Сам далеко не отходи, мне тебе ещё кое-что надо будет сказать.

Санктификатор давно не видел своего начальника в таком радостном беспокойстве. Кардинал прохаживался (если не сказать, бегал) по шатру, шевеля губами, словно занимался устным счётом. Лоренцо знал, что главный инквизитор любит просчитывать варианты решения сложной проблемы именно вот так, проговаривая их вслух самому себе или доверенному собеседнику.

— Монсеньор, вы звали.

— Садись, Лоренцо. Помнишь того задержанного во время облавы, который неммым притворялся? — сразу взял быка за рога Гаэтано. — У которого ты сущность не смог увидеть?

Инквизитор молча кивнул и поднял бровь, дожидаясь пояснений. Пока что ему было непонятно, почему кардинал заговорил об инциденте пятидневной давности.

— Его ведь звали Влад?

Лоренцо пожал плечами:

— Так утверждал его сосед по камере. Сам этот «убогий» ни звука не произнёс. А что случилось, ваше высокопреосвященство? — Санктификатор уже слышал слухи, лесным пожаром разлетевшиеся по лагерю, о причастности Чезаре к убийствам в Риме и предполагал, что разговор пойдёт об этом.

Гаэтано наконец тоже опустил в кресло, морщинки на лбу разошлись и он улыбнулся:

— Одежда — в коричневых и зелёных разводах? Шрам через левую бровь, русые волосы?

Очередной кивок.

— А теперь следи за моими умозаключениями. Этот человек — в союзе с оборотнями, действует заодно с их магами. Сведения достоверны, Чезаре сообщил. Описание внешности и имя совпадают полностью. Первое: воевать на стороне нечисти — решение, мягко говоря, нехарактерное для человека без магических способностей. Второе: ты не смог прочесть его сущность, что крайне удивительно. Третье: по словам моего сына Влад говорит не по-итальянски, но окружающие его понимают. Значит, он пользуется магией или амулетом. Скорее, амулетом, поскольку сам вроде бы не колдун. То есть родной язык у него совсем другой. Четвёртое: появился сей пришелец... из леса. Пятое: неизвестная ткань одежды, необычная стрижка, незнакомый стиль драки (помнишь, ты упоминал, как он ловко вас раскидал?) — это мелочи, но если приплюсовать их ко всему остальному, то картинка получается... занимательная. Понимаешь, о чём я?

— Мир без Бога? — поражённо спросил Лоренцо. — Ваше высокопреосвященство, быть может, вы торопитесь с выводами? Всему этому существует более простое объяснение:

иностронец, с амулетом-переводчиком, еретик, а возможно и полуоборотень. А я его не смог раскусить потому, что устал.

Глаза Гаэтано смеялись:

— Если все странности столь легко объяснить, то почему ты сразу догадался, что я имею в виду? Я не произнёс названия мира.

Санктификатор вскочил и забежал из стороны в сторону, точно как кардинал несколькими минутами раньше. В голове не желали уместиться новые открытия.

— Монсеньор, ведь их так давно здесь не было! Уже много лет!

— Семь, если быть точным. Не так долго.

— В последний раз, насколько я помню, ваше высокопреосвященство, безбожники так получили по рукам, что навсегда зареклись от попыток раскрыть порталы. Не верю, чтобы они опять решились на это!

— Всё может быть, Лоренцо... Все мы в руках Божьих. Этот человек нам нужен. Во-первых, необходимо больше выяснить о планах еретиков. Если они вновь зашевелились, то оборотни — не самая страшная наша беда. А во-вторых... ты не считаешь, что Влад окажется самым подходящим человеком для похода за Волчьим Рубином? Сядь в конце концов! Не мелькай перед глазами! — Гаэтано расплескал красное вино по бокалам и протянул один из них собеседнику.

Отхлебнув самую малость, санктификатор отрицательно покачал головой:

— За Рубином надо посылать того, кому мы доверяем. А тут пришелец из другого мира, еретик, воюющий на стороне оборотней... Не думаю, что это хорошая мысль, монсеньор. — Он отставил бокал на столик и привычно потянулся за чётками. Прохладные камушки под пальцами словно вздрогнули, узнавая руку хозяина, и кожу кольнуло ощущение силы.

В глубине души Лоренцо всегда считал, что не слишком-то санктификаторы отличаются от магов, преследуемых инквизицией. Конечно, все образованные люди знают в чём разница: колдунам могущество даёт Дьявол, а молящимся — Бог. Но почему-то выглядит это почти одинаково. Только вместо амулетов с изображениями языческих богов — чётки и распятие, а вместо заклинаний на забытых древних наречиях — символ веры. Когда-то Лоренцо ради любопытства выспросил у одного пленного мага все подробности эмоций, которые тот испытывал при колдовстве, и поразился — пьянящее чувство собственной власти над законами природы (вот и сейчас дрожью пробежало по кровеносным сосудам) идентично. Делиться своим озарением с другими инквизитор, конечно, не стал (так и самому несложно на костре очутиться!), и на его отношении к еретикам открытие никак не отразилось, но теперь Лоренцо предпочитал никогда лично не общаться с людьми, наделёнными магическим даром. Слишком велико было искушение исследовать, и слишком страшно — узнать больше.

— Мы не знаем, где находится Город Призраков, а пришелец живёт среди волков, ему не составит труда выяснить месторасположение артефакта.

— Ваше высокопреосвященство, ну как мы его заставим работать на нас? — тяжело вздохнул Лоренцо. — Дойдёт до цели, возьмёт камушек и ищи ветра в поле! Или вообще отдаст магу оборотничьему! Невозможно проконтролировать!

В глазах Гаэтано промелькнуло раздражение. Своего ближайшего советника глава инквизиции ценил именно за способность спорить и доказывать свою точку зрения, невзирая на чины, должности и положение оппонента (будь перед Лоренцо не кардинал, а сам Папа Римский или император, поведение ничуть не изменилось бы). Но порой данная

черта характера откровенно бесила, особенно когда независимый санктификатор начинал скрупулёзно, методично развенчивать удачную по мнению Гаэтано идею.

— К любому человеку можно найти ключик. Для начала необходимо заполучить Влада к нам в руки, а там и посмотрим, где у него трещинка в душе. Может, власти хочет, может, за любимую боится, или ещё что...

— Утопия, монсеньор, — упрямо возразил Лоренцо. — Чем сильнее надавим на его слабость сразу, тем ненадёжней окажется результат. Как только он вырвется — сразу начнёт свою игру, а скорее всего ещё и отомстить задумает. Конечно, я видел его всего раз в жизни, но... не производит он впечатления слабака. Единственное, что теоретически возможно: если ему оборотни уже рассказали о Городе Призраков, то эту информацию будет несложно добыть с помощью пыток.

Санктификатор видел, что не на шутку разозлил начальника своими пререканиями, но отступить не собирался. «Нельзя же позволить совершиться такой авантюре! Кардинал всегда думает, что люди станут делать так, как ему выгоднее всего, но человеческие поступки невозможно просчитать. Если сам за себя не всегда поручишься, то что говорить о других... Как же его переубедить?»

— Лоренцо, давай не будем спорить, — всё-таки Гаэтано был отличным дипломатом и не позволил недовольству выплеснуться на подчинённого. — Пока мы не знаем про этого странного союзника оборотней ничего достоверного. Сидеть и гадать, сможем мы его использовать или нет — бессмысленно, пока хотя бы часть предположений относительно Влада не подтвердятся. Согласен?

Собеседник вынужден был кивнуть утвердительно.

— А чтобы убедиться, прав я или ошибаюсь... хотя бы о происхождении этого еретика... нужно взять его в плен и допросить. — Кардинал торжествующе улыбнулся, подумав, что вышел победителем в споре, не воспользовавшись своим главенствующим положением.

Гематитовые бусины щёлкнули друг об друга, а прищуренные глаза санктификатора метнули молнии. Он не собирался отступить.

— Ваше высокопреосвященство, вы собираетесь рисковать десятками жизней своих солдат лишь для того, чтобы *попытаться*, — Лоренцо выделил последнее слово, — захватить живым и невредимым какого-то человека, которого в лицо знаем только я да Цезаре. Человека, который *может быть* окажется пришельцем из Мира без Бога... И которого теоретически, но *очень маловероятно* удастся переманить на нашу сторону. Даже если все расчёты будут верны, то не факт, что двойному агенту удастся добраться до Города Призраков, найти там Волчий Рубин и донести его до Рима. И вы готовы пойти на такие жертвы, ваше высокопреосвященство? Ради эфемерных надежд?

— Именно так я и собираюсь поступить, — холодно ответил Гаэтано, и по тону сразу стало ясно, что он находится уже в последней стадии ярости, когда даже самым приближённым советникам рискованно продолжать настаивать на своём мнении.

— Это глупо, монсеньор! — в душном воздухе шатра, казалось, прошелестел порыв ветра, хлестнув по лицу кардинала ледяной свежестью, невесть откуда взявшейся летним днём. Тонкие пальцы Лоренцо, жившие как будто отдельно от остального тела, плясали на блестящих чёрных камешках, кожа начала слегка светиться.

— Лоренцо! Прекрати! — глава инквизиции стукнул бокалом по столу, сосуд жалобно звякнул.

Только сейчас поняв, что края ладоней нестерпимо горят, точно на них брызнули кипятком, санктификатор опустил глаза и остановил бег чёток. Руки ныли, а в висках приливными волнами шумела сила, не желающая уходить просто так, без применения к делу.

— Простите, ваше высокопреосвященство, — глухо пробормотал Лоренцо, сжимая и разжимая пальцы, чтобы унять боль. — Не знаю, что на меня нашло.

Гаэтано пристально взгляделся в лицо советника, но никак не прокомментировал случившееся. Просто повторил:

— Влада захватить живым и желательно не сильно раненым. Проведи инструктаж, опиши воинам его внешность. Думаю, среди оборотней не так много приземистых русоволосых мужчин со шрамом через левую бровь. Сам поведёшь отряд. Я сейчас поговорю с Чезаре. Мой сын с этим еретиком двое суток общался, авось, и сможет найти доводы, чтобы тот нам помог по доброй воле. Он пойдёт с твоими людьми.

Лоренцо покорно кивнул:

— Как скажете, ваше высокопреосвященство. Но я продолжаю считать, что игра не стоит свеч. Кстати, я наверное сейчас опять скажу дерзость, про Чезаре по лагерю ходят не самые приятные слухи. Что он предал нас и помогал оборотням. — Он сделал паузу. — Это не самым лучшим образом отражается на настроении в войсках.

— Объяви солдатам, что те, кто распускает ложные слухи, будут повешены по обвинению в подрыве дисциплины. Увидишь, боевой дух сразу поднимется. — Гаэтано внимательно посмотрел в глаза санктификатору. — А ты-то сам как считаешь? Предатель Чезаре или нет?

Лоренцо опять взялся за чётки — так легче думалось — и ответил не сразу:

— Я не знаю, монсеньор. Не хочется верить, что мальчишка мог сознательно перейти на сторону нечисти. Но, как говорится, всё бывает. В конце концов вам виднее, он же ваш сын. Если вы считаете, что он не предатель, значит, так и есть. Я могу идти?

Гаэтано махнул рукой, отпуская советника, а сам устало потёр веки. Вроде бы утро ещё, а после двух разговоров устал, словно неделю трудился без сна и отдыха. А это только начало... Сейчас опять Чезаре предстоит инструкции давать по поводу Влада. И ведь снова будут возражения, несогласия, споры. Почему нет ни одного человека, который не считал бы своим долгом посомневаться в приказе кардинала?

Она увидела высокую фигуру, резанувшую болезненным воспоминанием о прошлом бое и о пленении. В душе магички всколыхнулась многолетняя ненависть, и заклинание сложилось мгновенно. То, которое раньше никогда не получалось. Чары были несложные, но требовали много сил. Магический «колодец» отрезал пленника от привычного ему способа колдовства и частично преграждал дорогу к энергии, которой пользовался маг. У Лионеллы не было уверенности, что ловушка подействует на инквизитора, всё-таки природа его способностей другая. И радостно вскрикнула, когда получилось. Никогда Лионелла не была так близка к победе над одним из проклятых «недомагов», как она называла молящихся.

Лоренцо падал в бездонный колодец со стенами цвета весенней листвы. Рядом вспыхивали языки зелёного пламени, обжигая до костей. Последнее, что он запомнил, была светловолосая ведьма, появившаяся на противоположном конце поляны. А в следующий миг он сорвался в пропасть, переливающуюся изумрудными сполохами.

Вниз. Вниз. До самого дна, которого нет. Вечно.

Санктификатор хотел найти ладонью распятие, но почувствовал, что не в силах пошевелиться. Тело не подчинялось, а вернее, его просто не было. В колодце, пленившем инквизитора, существовал лишь разум. На секунду Лоренцо испугался собственной беспомощности. Не шевельнуть губами, не двинуть рукой, не замедлить движение.

«Но думать-то я могу, а значит, и молиться тоже. Для того, чтобы Бог услышал, необязательно произносить вслух». Но слова не вспоминались, и Лоренцо окатила новая волна ужаса. Всю сознательную жизнь он каждый день по нескольку раз обращался к Богу, а сейчас был не в силах назвать слова, с которых начинается символ веры.

Летящий навстречу ледяной ветер, контрастировавший с жаром стен колодца, рвал несуществующую одежду и наждаком проходил по лицу. «Почему я чувствую боль, если у меня нет тела?» — санктификатор всегда мыслил логически. Мысли, единственная нить, связывавшая с реальностью, рождались и исчезали с невероятной быстротой. Разум искал лазейку из безвыходной ситуации.

«Как ведьме удалось заблокировать мою силу? Маги не могут погасить божественную энергию, у них не может быть способности отсечь верующего от Всевышнего. Значит, всё это хорошо наведённая иллюзия. Однако нужные слова всё равно не помню. Сила есть, но её невозможно применить! Хитро, ничего не скажешь... Ведьма быстро учится», — Лоренцо думал уже почти спокойно. Под напором размеренных рассуждений растворялась паника, а зной и холод не столь досаждали.

На самом деле решение было найдено почти сразу, но инквизитору не хотелось поступать так, как подсказывал ум. «Нельзя прочитать молитву, даже мысленно, но доступна чистая энергия. Не попробовать ли применить её напрямую, без посредства словесных форм?» Лоренцо думал, что сможет это сделать, но такое действие — магия, проклятая Церковью. Только еретики — колдуны и ведьмы — черпают силу из природы или собственной души (у кого как получается...), а санаторы, деусты и санктификаторы всегда обращаются за помощью к Богу. «Но есть ли разница?» — вопрос, не дающий покоя Лоренцо в течение многих лет, возник в мозгу, и какой-то ехидный внутренний голосок шепнул: «Попробуй и узнаешь...»

Вечное падение в жарко-ледовую бездну... Или применение колдовских сил — и вечное проклятие после смерти...

«Что ж, — инквизитор мысленно вздохнул и (опять же мысленно) перекрестился, — если магия и мои способности — одно и то же, то душа уже давно погублена, а если разное, то всего лишь ничего не получится».

Тянуться к силе, не используя слов, оказалось непросто. Лоренцо не представлял, что надо делать. Особенно если недоступны ни жесты, ни речь. Санктификатор нарисовал мысленный образ — сгусток энергии, почему-то он был ярко-золотистым и переливающимся — и попытался увидеть, как черпает оттуда пригоршню жёлтого сияния. Ничего не выходило. В мыслях он взял «кусочек» силы, но не ощутил её привычным покалыванием в пальцах.

Однако колодец взволновался, из его стенок начали выплёскиваться похожие на щупальца сполохи зелёного пламени, слепящие глаза и не дающие сосредоточиться. Жара усилилась.

«Не нравится, — торжествующе подумал инквизитор. — Значит, я делаю правильно. Какая-то мелочь неточна...»

Лионеллу бросило в пот, когда она поняла, что санктификатор рвётся из магической ловушки. Она направила в ту сторону ещё больше энергии, предоставив свободу воли призракам, призванным на подмогу. Фантомы, недолго думая, принялись действовать самостоятельно: сражаться, покидать поле боя и даже пытаться общаться с врагами. Лионелле было не до того. Пленённый инквизитор оказался гораздо сильнее и умнее, чем ожидала магичка. Ещё чуть-чуть — и будет на свободе. Бросить наведение ужаса на людей. Чёрт с ними, волки и так справятся. Главное — не дать очнуться санктификатору.

Неизвестно как, но пленному священнику удалось расшатать стенки «колодца». Противостоящая ему колдунья оставила все другие заклинания, отдала все силы укреплению капкана. Но и этого, казалось, не хватит.

«Не мог промахнуться! Я стрелял точно! — Чезаре запаниковал, и даже не подумал, что можно попытаться ещё раз. — Нет!» В выражении лица противника юноша увидел свою смерть, на сей раз неостановимую. Боль в голове возросла до невозможного предела, перед глазами метались радужные круги.

Блестящая полоса лезвия начала движение, а Чезаре только и мог, что, стиснув виски руками, наблюдать, как она несётся к лицу.

— Нет!!! — Это он, кажется, прокричал вслух.

Клинок остановился, не долетев десятка сантиметров. Воин пристально заглянул в лицо юноше, нахмурился и собрался что-то сказать...

И тут лезвие меча заструилось, как подтаявшее масло, вся фигура древнего воителя подёрнулась дымкой и стала нечёткой. Губы его двинулись, что-то произнося, но до слуха не донеслось ни слова. Чезаре не шевелился, как парализованный, не успевая не то что понимать, а воспринимать перемены в происходящем.

Новая боль прострелила мозг грозовой молнией, заставив юношу взвыть. Ощущения были очень похожи на ментальный допрос, который устроил Конрад по дороге в Ватикан. Только на этот раз ничья невидимая рука не копалась в воспоминаниях. Когда в глазах прояснилось, странных фигур нигде не было видно. Чезаре дрожащими руками потянулся к

оружию. Бой значительно приблизился, люди отступали. Многие откровенно драпали, десятки лежали мёртвыми. Отряд инквизиции проигрывал сражение.

«Как у него это получается?!» — Лионелла в полном отчаянии вливала всё большую энергию в ловушку, чувствуя, что начинает слабеть. Волк, стоящий рядом с ней тихо зарычал и плотнее прижался к ноге. Последнее заклинание, от которого девушка отказалась, — это призраки, они забирали немного энергии, но в данный момент каждая капелька была на счету. Фигуры призванных из небытия воинов растворились миражами.

Изумрудный вихрь охватил Лоренцо со всех сторон, испепеляя жаром. Человек больше не мог сосредоточиться на своих мысленных образах. Видение сгустка энергии пропало, сметённое огнём боли. Несколько показавшихся вечностью мгновений он просто страдал, неспособный соображать, а потом разум немного прояснился. «Колодец» чуть раздвинул стены, и ощущение клаустрофобии прошло.

«Слабеешь, ведьма! Тебе со мной не справиться! — злость помогла Лоренцо опять начать думать. — Себе-то я могу признаться, что не всегда прилив силы приходил ко мне после молитвы. Иногда она появлялась спонтанно, словно ниоткуда. Например, когда с кардиналом в последний раз спорил. Значит, произнесение слов молитвы необязательно. Я могу обойтись без них. Что же нужно сделать? Где я ошибаюсь?» Прокручивая в памяти разговор с Гаэтано, санктификатор старался вычлениить, какие условия привели к незапланированному всплеску энергии. В тот момент Лоренцо был разозлён, энергия пришла в пылу спора, когда инквизитор и не думал о ней. И в руках были чётки. «Вот оно! Всегда, будь то во время молитвы или нет, но я перебирал чётки. Но здесь-то их нету!» — к сердцу подступило отчаяние.

От танца зеленых бликов было не спрятаться. Глаза, которых не существовало здесь, в ловушке, не могли закрыться и не видеть.

«Но чётки — не артефакт, они сами по себе не имеют магической силы, — логика никогда не изменяла Лоренцо. — Значит, они всего лишь образ... Образ... Хммм...» Он вновь начал рисовать в воображении — на сей раз представил, что держит в руках знакомые до последней грани гематитовые чётки. Воображение было настолько сильно, что священник почти что ощутил под пальцами лёгкую прохладу камешков.

Ну а искусственно вызывать в себе злость не понадобилось. Лоренцо и так уже был в последней стадии ярости. Его, главу санктификаторов Священного Трибунала, скрутила, как малое дитя, какая-то колдунья-самоучка! Призрачные чётки скользили в руках, в душе клочкотал гнев. На коже заплясали мелкие иголочки, пальцы тронул неяркий белёсый отсвет. Лоренцо перестал думать о необходимости вырваться, он просто злился, сам себя ещё больше накручивая: «Ненавижу эту еретичку! Всё, что угодно сделаю, лишь бы убить её. Нет, не сразу убить, а после необходимого числа допросов торжественно отправить на костёр! Небось радуешься в эту минуту, ведьма?! Думаешь, как легко справилась с врагом?! Не на того напала! Господи, как же я её ненавижу!!!»

Сила пришла внезапно, рванулась в стороны, светло-золотистыми лучами впиваясь в стенки «колодца» и пробивая в них бреши. Отдача от столкновения вновь отправила Лоренцо в болевой шок, но он уже не мог остановиться. Чувствуя, что сам вот-вот умрёт, санктификатор продолжал «перебирать чётки» в надежде, что ведьма чувствует себя не лучше. Слепящий всполох — ярче инквизитор ничего в своей жизни не видел. Последний

удар — наверное, только в геенне так жарко.

Лоренцо услышал собственный крик. То есть на самом деле услышал, ушами. И кричал он вслух, с использованием голосовых связок.

— Святой отец, что случилось?

В плече возникла острая боль, и Влад словно прозрел. Очень удивился, обнаружив, что не прячется в своём укрытии за деревом, а стоит посреди открытого пространства, безоружный, из правой руки торчит рукоять ножа, а вокруг идёт битва не на жизнь, а на смерть. Парень пару секунд не двигался, что само по себе было признаком невменяемости, а потом упал на землю и бодренько отполз за ближайший бугорок. Оттуда прикинул, далеко ли его позиция.

«И чего это меня сюда занесло? — почесал в затылке Влад. — Помню, страшно было... А почему? Что я, войны не видел?» Вокруг ножа растекалось по камуфляжу кровавое пятно. И до одури, до тошноты ломило в голове. Влад, стараясь не обращать внимания на боль в повреждённой конечности, осмотрелся в поисках Лионеллы. Девушка выглядела не пострадавшей, но то жуткое сияние, появившееся у неё на лице перед тем, как обрушился магический удар, исчезло или по крайней мере стало менее заметным. Ветер продолжал раздувать подол платья и играть волосами, а ладонь левой руки, вытянутая вперёд в останавливающем жесте, казалось, чуть-чуть светилась. Правая кисть поглаживала по загривку старого волка с проседью в шерсти, который прижимался к магичке, оскалив зубы.

Волки вроде бы... не то, чтобы побеждали, но наступали. Люди изо всех сил пытались восстановить хоть какое-то подобие строя, большинство же из них, разбившись на пары или тройки и встав спиной к спине, защищались. Несколько таких островков сопротивления было со всех сторон окружено оборотнями, и воины просто хотели подороже продать свои жизни, не надеясь пробиться к своим.

На другой стороне поляны с трудом, поддерживаемый двумя помощниками, поднимался на ноги высокий человек в рясе священника. Что-то знакомое почудилось Владу в этой фигуре, с некоторым усилием он припомнил, что именно этот человек допрашивал его в римской тюрьме. Если не изменяет память, его называли Лоренцо.

«Как же болит голова!»

Чезаре искал глазами позицию вражеского стрелка. Вон, за тем деревом. И понял, что там никого нет. «Проклятье! Из-за этих миражей проворонил!» Сейчас юноше казалось, что сразу было понятно — воины и огромные звери не настоящие, а всего лишь мастерски наведённая иллюзия. Как всегда, страх в сознании надолго не удерживался. Миновала опасность — и слава Всевышнему.

Острый взгляд мальчишки, привыкший замечать все мелочи на поле боя, зацепился за единственную абсолютно неподвижную человеческую фигуру, но не успел как следует рассмотреть. Человек стоял далеко и к тому же почти сразу же, как Чезаре обратил на него внимание, залёг. Лучник напряг зрение, проследил, куда отполз противник, и сам короткими перебежками начал приближаться, заходя так, чтобы было лучше видно. Через пять минут манёвров сомнений не осталось, Чезаре ясно различил знакомое лицо Влада.

Солнце било в лицо, в голове пылало пламя, а всё тело ломило, словно он выбирался из бездонного «колодца» по лестнице. Но Лоренцо был счастлив, что снова чувствует.

Слезящимися глазами священник обвёл людей, которые столпились рядом. Четверо санаторов. Смотрят с беспокойством.

— Помогите мне встать... — голос не слушался, и то, чего хочет инквизитор, поняли скорее по движению губ.

Несколько рук протянулось к Лоренцо, и он кое-как, опираясь на чужие плечи, поднялся на ноги. Битва была в разгаре, но инквизиторские воины отступали. Много убитых. Очень много раненых.

— Почему вы здесь? — свирепо спросил Лоренцо, кинув яростный взгляд на санаторов. — Там людям нужна ваша помощь!

— Но, монсеньор, мы думали, что вы...

— Прочь! Раненые умирают!

Священники без разговоров бросились исполнять приказ. А Лоренцо нашёл глазами беловолосую колдунью. Девушка ссутулилась, но стояла на прежнем месте. Магии над полем боя пока не было.

— Выдохлась, еретичка? — самодовольно прошептал инквизитор, разминая пальцы.

— Святой отец, — рядом возник ещё один санатор, самый молодой из всех. — Позвольте. — Протянул ладони к вискам Лоренцо, прежде чем тот успел возразить. Тёплая волна окатила лицо, смывая болезненные ощущения. Санатор покачнулся и чуть не упал.

— Хватит, — Лоренцо отвёл его руки. — Побереги силы. Я уже нормально себя чувствую. Спасибо.

Прицел взят, прищуренные серо-зелёные глаза смотрят точно вдоль идеально прямой стрелы. На другом кончике — цель, проглядывающая сквозь листву кустарника. Цезаре хладнокровно прикидывал, куда безопаснее выстрелить, чтобы не убить и не вызвать слишком большой кровопотери. Мешали качающиеся веточки подлеска, играющие тенями на фигуре врага. Ветерок тоже задул, как будто разбуженный звуками сражения или потревоженный магическими потоками. Юноша, конечно, был прирождённым снайпером, но до сей поры не сталкивался с необходимостью во что бы то ни стало взять живым конкретного человека.

«Далековато. Наверняка не попасть... Надо подобраться ближе».

Он сделал несколько перекатов и перебежек между укрытиями. Благо, теперь на стороне оборотней не было ни одного лучника, а сами звери были заняты рукопашной и вряд ли стали бы обращать внимание на одинокого человека, по крайней мере пока он не подошёл вплотную.

Рукав намокал, грозя превратиться из камуфляжного в полностью бурый. Влад стиснул зубы, но не смог сдержать вскрика, когда дёрнул кинжал из раны. Кровь потекла обильней. Парень, выругавшись потянулся к поясу, неуклюже вынул ремень, уронив наземь флягу с водой, и перетянул пострадавшую конечность. Стало немного легче, он привалился спиной к дереву, располагаясь в полулежачем состоянии, и прикинул, где его изначальная позиция, на которой остался лук.

Поняв, куда его занесло, Влад присвистнул от удивления. Сейчас он сидел практически на противоположной стороне, отделённый от своего оружия круговертью сражающихся. «Плохо, — почему-то очень спокойно подумал он. — Крайне плохо». Подкинул в левой руке трофейный кинжал и порадовался, что всё-таки не совсем с пустыми руками остался.

Жалеть себя было некогда, и Влад решил, что лучше обойти бой по тылам оборотней. Конечно, это не самый быстрый путь, но любой другой стал бы для человека однозначно последним. Тем более далеко не все оборотни знают его и в горячке битвы вполне могут принять за врага.

Чезаре в первую секунду испугался, что опять потерял из виду нужного человека. Но потом заметил, что тот просто-напросто тоже не сидит на месте. Влад, осматриваясь, уходил куда-то назад, увеличивая расстояние между собой и инквизиторским отрядом.

«Чёрт! — юноша отыскал взглядом Лоренцо. — Надо санктификатору сказать». Священник возвышался поодаль от самой поляны, на которой схлестнулись враждующие стороны. Даже отсюда было видно, что он погружён в молитву: голова чуть опущена (скорее всего, и глаза прикрыты), руки сложены перед грудью, вся фигура неподвижна и источает невидимую угрозу. Чезаре обернулся снова к цели, чтобы не упустить будущего пленника.

Повертев так несколько раз головой туда-сюда, лучник понял, что надо решаться. Или туда, или сюда. То ли бежать докладываться монсеньору, то ли на свой страх и риск продолжать преследование в одиночку. «Пока до Лоренцо доберусь, Влад уже успеет уйти или спрячется так, что не выковырнешь оттуда. Конечно, санктификатор будет недоволен моим самоуправством, но ведь не ему жизнью отвечать в случае неудачи, а мне. Нельзя шанс из рук выпускать». И начал потихоньку двигаться, по широкой дуге обворачивая поле боя.

Вот и знакомые камешки под пальцами. Холодные, никогда не согревающиеся, даже в самую яростную жару. Мелкие блестящие грани, похожие на металлические. Гематит. Не воображаемый, а настоящий. Вот они, чётки, в руках.

Лоренцо почувствовал спокойную силу и уверенность. И впервые они пришли не от слов молитвы, а откуда-то изнутри. И знакомая покалывающая, обжигающая энергия началась не от ладоней, соприкасающихся с гематитовыми бусинами, а из области сердца. Однако санктификатор по привычке продолжал шевелить пальцами. Заученный автоматический жест помогал сосредоточиться и верно направить силу. А кроме того отвлекал мысли от ненужных в данный момент, в разгаре битвы, вопросов. Не хотелось вообще никогда размышлять о природе магии и свойствах собственной души. Во всяком случае — когда-нибудь нескоро.

Сейчас главная задача состояла в том, чтобы обезвредить светловолосую ведьму или как минимум помешать ей творить заклинания, направленные на солдат. Лоренцо начал «Отче наш», но, не произнеся и первой строки, замолчал. Подавляющая чужое колдовство сила лилась из-под ладоней и без этого.

Бой разделился и шёл теперь словно в двух разных плоскостях. Первый слой — обычный, неприглядный, с брызгами крови, отрубленными (и отгрызенными) конечностями, криками, воем, визгом, рычанием и блеском отточенных клинков. Второй — незаметный глазу обычного человека, тонкий, интеллектуальный, но от этого не становящийся менее жестоким.

Лоренцо и Лионелла в отличие от прошлого столкновения, которое привело к пленению девушки, не стали втягивать в своё противостояние простых воинов. Не напускали ужасов, иллюзий, не коверкали пространство вокруг грубыми магическими потоками. Сегодня друг другу противостояла чистая мощь. Сталкивались два таланта, две воли, две

силы. Такие похожие, но при этом абсолютно несовместимые. Две фигуры замерли в неподвижности на противоположных краях поляны, за спинами своих армий, рвущих противникам плотки. Светлая — в белом платье, с сияющим ореолом волос. И серая — в рясе санкционатора, с прищуренными чёрными глазами.

От скрытой магии потрескивал воздух, стонала земля и возмущённо жаловались деревья. Но это слышали немногие.

Опять вступила боль в виски. Не столь непереносимая, как в прошлый раз, но перед глазами всё поплыло, как мираж над пустыней. Влад сжал голову руками и поспешил прочь, подальше от источника непонятной угрозы.

Лионелла слабела. Волк рядом с ней тихо всхрипывал, роняя пену изо рта. Колдунья безжалостно тянула энергию из зверя, чтобы самой устоять на ногах. Ненавистный санкционатор, казалось, за прошедшие дни стал ещё сильнее, хитрее и увереннее в себе. Его атаки в чём-то изменились, магичка никак не могла уловить, в чём, но противостоять ему было неизмеримо труднее, чем в предыдущий раз.

«Отступаем», — кинула она мысленный приказ стае. Мир перед глазами покачивался, а оборотень, служивший донором, в изнеможении опустился на землю, по морде ползла струйка крови.

Случилось невероятное. Впервые с начала похода нечисть сдавала поле боя. Не просто проигрывала, погибая, а отступала. Хищники начали пятиться, оставляя в покое недобитых людей. Несколько воинов, уже не рассчитывавших выбраться живыми из окружения оскаленных пастей, ошеломлённо опустили клинки. Один из них, выдавший виды гвардеец, вдруг запрокинул голову и громко рассмеялся, провёл ладонью по лицу, размазывая кровь (рука была здорово потрёпана волчьими когтями), и рухнул на траву. Смех превратился в судорожный кашель, а потом воин и вовсе затих, бессмысленно уставившись в одну точку.

— Эй, на, выпей, — его товарищ с более устойчивыми нервами протянул фляжку с чем-то крепким.

Солдаты, которые сражались не в первых рядах и понесли меньшие потери, решили развить успех и поредевшим, но всё же ровным строем двинулись вслед за стаей, методично уничтожая подранков посеребрённым оружием.

Доктор вздрогнул от тоненького противного писка, раздавшегося из динамика слева от монитора. Учёный очнулся от дрёмы и, протирая не желающие разлепляться веки, прищурился на поступающие данные.

— О, чёрт!

Он двинул колёсиком мышки, прокручивая всю ленту символов. Снял телефонную трубку, но, помедлив пару секунд, положил её обратно.

— Не будем торопиться, — пробормотал он, чеша в затылке. — Психоматрица — саморегулирующаяся система. Вполне возможно, что всё утрясётся само собой.

*Погляди — что за рыжие пятна в реке, —
Зло решило порядок в стране навести.
Рукояти мечей холодеют в руке,
И отчаянье бьётся, как птица, в виске,
И заходится сердце от ненависти!*

*Ненависть — юным уродует лица,
Ненависть — просится из берегов,
Ненависть — жаждет и хочет напиться
Чёрною кровью врагов!*

В.Высоцкий

Проследить за Владом оказалось проще простого. Тот брёл, слегка путляя, но не скрываясь. Сражение быстро осталось в стороне и позади. Оборотни под напором превосходящих сил отходили на северо-запад, а цель Чезаре двигалась к востоку. Мальчишка пока не торопил события и не выдавал своего присутствия, чтобы отойти подальше от стаи, которая могла прийти на помощь Владу.

Когда человек впереди остановился и начал озираться по сторонам, Чезаре замер около дерева, надеясь, что зелёная одежда скроет его от глаз противника. Реакция абсолютно автоматическая, потому что даже если бы враг заметил лучника, то ничего бы не смог противопоставить. Мальчишка поймал себя на том, что мысленно употребил слово «враг», но ненависти — обычного чувства к врагу — к Владу не испытывает. Скорее, сочувствие и понимание. Теперь они очутились в одной лодке: оба зачем-то нужны главе инквизиции, на обоих есть какие-то непонятные планы. Оба — пешки в тайной комбинации ферзя в сутане.

«Цель» присела отдохнуть, и Чезаре тоже опустился на землю, решив не спешить с действиями, а подумать.

«Влад сражается на стороне оборотней. Почему? Он человек и даже не колдун. Что его привлекло в армию нечисти? Ладно, это надо у него самого спросить. Интересно другое — зачем Влад понадобился отцу? Ведь не просто для наставления на путь истинный. Уж я-то кардинала знаю — не стал бы он рисковать своими воинами ради единственной заблудшей души». Мальчишка не привык разбираться в хитросплетениях чужих интриг, поэтому предположений относительно ответа на последний вопрос в голове не возникло. Чётко понял Чезаре лишь одно: они с Владом, похоже, и в самом деле стали братьями по несчастью.

Однако, как ни крути, а жить хочется, а для этого необходимо снять с себя обвинение в предательстве. А чтобы оправдаться, нужно Влада притащить пред светлые очи монсеньора Гаэтано. «Стоп. Как одно связано с другим? Если не возьму в плен человека, то значит я в сговоре с еретиками. Нелогично как-то. Будь я предателем на самом деле, то обязательно подстроил бы какую-нибудь гадость во время боя. Нельзя было мне в руки оружие давать, пока я под подозрением. Значит, — Чезаре озарило, — отец с самого начала и не верил, что я перешёл на сторону врага! Тогда зачем всё это?» Юноша понял, что окончательно запутался в собственных умозаключениях.

Он бросил взгляд туда, где устроился, не замечая слезки, Влад. Тот сидел, прислонившись спиной к дереву, и, казалось, дремал или потерял сознание. Чезаре вздохнул, поняв, что надо уже решаться, что делать. То ли стрелять, то ли пытаться заговорить, то ли вовсе потихоньку свалить, не тронув спящего человека.

«Эх, надо хотя бы попытаться объяснить ему. Понять, почему он выбрал неправильную армию. Может, действительно не всё потеряно. В конце концов он ко мне нормально относился».

Чезаре наложил стрелу на тетиву и прицелился в ствол рядом с Владом. Так, чтобы не задеть сидящего парня, а только разбудить и привлечь внимание.

Погода портилась: начинал моросить холодный дождик, а ветер стервозно трепал кроны дубов. Влад поёжился и поднял воротник камуфляжки. Плащ, точно так же как лук, фляга и

вещмешок, остался где-то там. В активе остались: кинжал — одна штука, кремень — одна штука, огниво — одна штука, сигареты — пять штук. Парень не помнил, откуда пришёл. Головная боль наконец отступила, и мозги вновь работали хорошо, но это обстоятельство помогло только тем, что Влад понял, что произошло.

«Опять эта гадкая магия! Всегда у меня от неё какое-то неадекватное состояние начинается. По крайней мере часто. Понесло опять куда-то... Своих потерял. Где Лионелла теперь? Всё ли с ней в порядке? Чем битва-то закончилась, интересно?» Последние воспоминания подсказывали, что исход сражения мог быть любым, стороны были примерно равны по силам. Всё должны были решить удача или колдовство.

Рука, перетянутая импровизированным жгутом, начинала неметь, а штаны, лишённые ремня, норовили сползти на бёдра (всё-таки на местных харчах не растолстеешь). Влад примостился на бревне и ослабил перевязку, из раны сейчас же заструилась кровь, а мышцы дёрнулись от неприятного покалывания иголочками. «Эх, что же в качестве бинта использовать? — почесал в затылке парень. — Одежду рвать уж больно неохота. В этой дыре средневековой ведь не найдёшь ничего такого удобного и прочного». Поразмыслив, он решил пока не трогать родной камуфляж, а просто дать руке отдохнуть и снова перетянуть жгутом, чтобы остановить кровотечение.

Ситуация неприятно напомнила ему самое начало злосчастного Эксперимента. Конечно, плюс в том, что сейчас день, но глубокое ножевое ранение гораздо хуже подвёрнутой ноги. «В жизни всё идёт по кругу. Значит, по законам мироздания с минуты на минуту должен объявиться аналог Конрада, который вытащит меня из неизвестности. Хммм... И откуда во мне такие философские идеи рождаются?» Влад ткнул в губы сигарету, уже чуть подмокшую, остальную пачку перепрятал во внутренний карман, чтобы сохранить от дождевой влаги. Пощёлкал кремнем, затянулся и присел поудобнее в ожидании «аналога Конрада». Кровь продолжала равномерно сочиться из плеча.

В дерево рядом со щекой, буквально в паре десятков сантиметров, вонзилась стрела с белым оперением. Парень, почти отключившийся к тому времени от усталости и кровопотери, дёрнулся в сторону, но понял — если б хотели убить, то он был бы уже мёртв, трудно представить себе мишень проще, чем неподвижно сидящий дремлющий человек. Значит, предупреждают. И лучше сидеть на месте. Влад повернул голову, получше рассматривая оперение. «Стоп. Это же моя стрела. То есть... О, чёрт!» Конечно, он в последнем бою выпускал во врага стрелы с такими же белоснежными пёрышками на конце. Трофейные стрелы. Отобранные у пленника, у Цезаре.

— Точно, всё идёт по кругу. Вот и мы с мальчишкой ролями поменялись, — пробормотал парень себе под нос.

Влад неторопливо окинул взглядом окружающую чащу. Спешить и суетиться ни к чему: быстрее стрелы он бегать не умеет. Резкая боль напомнила о ранении, и парень, выругавшись, опять затянул ремень на плече, останавливая кровь. Пока он деловито закреплял жгут, от одного из дубов отделилась тень, почти сливающаяся цветом с зеленью листвы. Хмуро зыркнув в ту сторону, парень продолжил заниматься своим делом, словно ничего не заметил.

Цезаре остановился на полпути, раздумывая. Лук был опущен, серебряный наконечник смотрел в землю, но Влад отлично помнил, с какой скоростью может двигаться молодой стрелок.

— Ну что, стреляй что ли... — он сплюнул на землю. — Я уже ждать устал.

— Я не собираюсь тебя убивать, — ответил мальчишка, не двигаясь с места.

Влад криво усмехнулся:

— Ну да, убить было бы слишком просто. Это не удовлетворит жажды мести.

— Дурак ты, — хмыкнул Чезаре, убирая стрелу в колчан и закидывая лук на плечо. — Я хочу поговорить.

— Поговорить? — удивлённо поднял бровь Влад. — Что-то новенькое. Обычно ведь инквизиторы сначала в подземелье, а потом только разговоры начинаются.

— Во-первых, я не инквизитор. А во-вторых, много ли ты знаешь о методах Святой Палаты, чтобы судить? У меня вообще создалось впечатление, что ты, извини, конечно, но ничего не понимаешь в идущей войне. Нельзя делать выводы, видя только одну сторону.

Из груди Влада вырвался тяжёлый вздох. «Теперь молокосос меня жизни учить будет. И ведь не денешься никуда, придётся слушать».

— Хорошо. Если уж мы собираемся вести дискуссии об истине, то давай устроимся поудобнее. Чего ты там стоишь, как незваный гость на пороге? Подходи, присаживайся. Чувствую, беседа у нас предстоит некороткая.

Чезаре замаялся, помедлил секунду, но потом всё же действительно подошёл и опустился на бревно. Правда, не рядом с Владом, а напротив, метрах в трёх, на другую буреломину. Взгляд удивительных для итальянца серо-зелёных глаз оставался настороженным. Влад с сожалением осмотрел практически опустевшую пачку сигарет, но достал очередную и закурил. «Хм, а мальчишка-то вполне здоровым выглядит. Как это его успели подлатать так быстро?»

— Почему ты воюешь на стороне оборотней? — спросил Чезаре.

Собеседник не спешил с ответом, блаженно вдыхая табачный дым. Мир вокруг выглядел очень ярким, красочным, сочным, прекрасным. Перед угрозой смерти всегда так остро воспринимаешь незатейливую красоту природы, всплыло откуда-то из недр памяти.

Пауза затягивалась, и Чезаре не справился с нетерпением.

— В прошлый раз ты мне не ответил. Сейчас не отвертисься.

Влад хитро прищурился:

— Круто быть допрашивающим, да?

И тут мальчишка вспыхнул:

— Если тебе так будет лучше, то могу тебя приволочь в лагерь, как мне было поручено. А там уже не я буду спрашивать и не так.

— О, я удостоился чести чем-то заинтересовать славных святых отцов? — сарказм из Влада так и лез. «И это тоже всегда в экстремальной ситуации у меня прёт», — сделал заметку в мозгу. — Что ж во мне такого ценного?

— Я первый спросил. Сначала ты ответишь, почему сражаешься за нелюдей, а потом я скажу, зачем тебя хотят в плен взять. Информация за информацию. По-моему честно.

Влад сделал последнюю затяжку, тщательно затушил окурок о бревно и кивнул:

— Откровенность за откровенность. Что ж, в принципе нет никакой тайны в том, почему я оказался по эту сторону фронта. Только рассказ придётся начинать издали. Наберись терпения. Я так понимаю, что ты тоже в курсе того, что существуют другие миры, кроме этого? — он выжидательно посмотрел на мальчишку.

Чезаре пожал плечами:

— Существуют разные легенды. Наверное, некоторые из них имеют под собой реальные

основания. Говорят, что существует мир, отличный от нашего, откуда в былые года приходили завоеватели. Я, если честно, этому мало верю. Сказка и есть сказка.

— Тогда ты, скорее всего, подумаешь, что я вру. Дело в том, — Влад помолчал, понимая, что после его признания сразу же начнётся перепалка, — что я прибыл из другого мира.

К удивлению парня собеседник не стал кричать, возмущаться и возражать. Спокойно продолжал смотреть в глаза Владу. Дескать, ври дальше.

— Я сам не знаю, каким образом попал сюда, как это возможно технически. Меня приговорили к смертной казни там, у себя дома. И тюремщикам удалось стереть мои воспоминания. — Парень понял, как давно мечтал хоть кому-то поведать свою запутанную историю, и продолжил, пока не перебили. — Короче говоря, очнулся я в этом лесу, ночью, без оружия, без снаряжения. Шёл наугад, подвернул ногу. И тут встретил Конрада. Маг помог мне, приютил, накормил... Наутро я познакомился с девушкой, Лионеллой. Она первая поведала мне об инквизиции, — Влад не стал уточнять, что во время первого разговора ничего не понял, — а я, чего уж скрывать, не питаю симпатий ни к каким карательным организациям. Так и получилось, что я стал солдатом армии волков.

Руки потянулся за сигаретой, но парень мысленно одёрнул себя: «И так куришь без конца. Побереги запас». Чезаре молчал, ковыряясь подобранной веточкой в трухлявой древесине бревна.

— Теперь твоя очередь, — напомнил Влад. — Зачем я понадобился главе инквизиторов?

Мальчишка вдруг улыбнулся:

— А я не знаю, зачем. Мне этого секрета не выдали. Сам уже всю голову сломал. Отец утверждает, что хочет вернуть запугавшегося грешника в лоно истинной католической Церкви. Но выглядит такая причина притянутой за уши.

— Ага, обменялись информацией, — фыркнул Влад. — Ты мне не веришь, а я ничего нового не узнал.

Чезаре не мог определиться, как отнестись к рассказу Влада. Конечно, он слышал с самого детства байки про другой мир. В основном это были страшилки, которые рассказываются непослушным детям, не желающим идти спать или выполнять порученную работу. Придёт, дескать, безбожник из леса и заберёт в свою безбожную страну. Также иномирные воины участвовали в паре героических песен о сражениях былых времён. Они всегда были отрицательными персонажами, и в конце (а то и ещё в середине) баллады погибали в битвах с благородными паладинами.

А теперь вот сидящий в нескольких метрах от него человек утверждает, что он и есть пришелец из сказочного мира. В голове не укладывается. Но с другой стороны, если б Влад хотел соврать, то неужели не придумал бы чего-нибудь более правдоподобного?

— Послушай, Влад, я не могу сказать, что я тебе верю. Слишком это невероятно. Хотя если вспомнить, что ты постоянно ведёшь себя, как будто впервые слышишь об элементарных вещах... Не знаю, — Чезаре покачал головой. — Но я хотел поговорить немного о другом. Знаешь, я тебе как-никак жизнью обязан, и не хочу, чтобы ты глупо погиб, защищая нелюдей.

Влад открыл рот, чтобы возразить, но мальчишка не дал ему вставить слово:

— Ты видел только одну сторону. И ты не знаешь, кому взялся помогать. А я хорошо

понимаю, кто такие оборотни. Слишком хорошо.

Сейчас юный лучник выглядел внезапно, до срока, повзрослевшим.

— *Чезаре, ты где? — донёлся строгий голос кормилицы. — Куда запропастился, негодник? Чезаре! Нам пора уезжать!*

Белобрысый мальчонка лет девяти-десяти примостился, болтая ногами, на толстом суку и еле сдерживал смех, наблюдая с верхотуры, как Анна озирается по сторонам в поисках воспитанника. Растерянность кормилицы казалась очень забавной. Никогда не догадается посмотреть вверх! Женщина упёрла полные руки в бока и нарочито громко произнесла:

— *Ну что ж, вижу, что тебе больше по душе остаться в деревне и осваивать работу пастуха или пахаря, чем учиться на воина. Договорились, едем без тебя.*

— *Подожди! — Чезаре кубарем скатился с дерева.*

Анна обернулась, пряча улыбку, и отвесила мальчику лёгкий подзатыльник:

— *Собирайся скорее. Обоз не будет ждать нерасторопных лентяев!*

Телеги размеренно поскрипывали, переваливаясь на ухабах, большие колёса разбрызгивали грязную воду из луж. Солнце подбиралось к зениту, жара нарастала, и обоз вот-вот должен был остановиться на дневной отдых. Чезаре сначала бегал вокруг и приставал к охранникам с просьбами дать поддержать меч или стрельнуть из лука, но сейчас, притомившись, задремал на одной из повозок, между мешками, набитыми мягкой шерстью. Во сне выражение его лица становилось прямо-таки ангельским — белокурые вьющиеся волосы, безмятежная улыбка... В жизни не подумаешь, что мальчишка растёт сорванцом каких поискать, что он вечно убегает, проказничает, спорит и огрызается со старшими. И хмурит брови, когда в его присутствии упоминают об отце или матери.

— *Эй, женщина, — окликнул Анну начальник охраны обоза. — Слушай, а правда, что этот пацанёнок — сын инквизитора?*

Кормилица смерила солдата неприязненным взглядом:

— *А тебе что за печаль? Может, и сын...*

— *Да я ничего... Интересно ведь. Хозяин ради вашей деревни вон какой крюк в дороге сделал. Всё для того, чтобы мальчика забрать. Вот и думаю я, что за важная птица? Спросил хозяина, он ответил, дескать, сынок инквизиторский. — Охранник почесал в затылке. — Вот только глаз у этого паренька дурной, зелёный. Словно у нечисти лесной... — Он сплюнул через левое плечо, отгоняя беса.*

— *Думай, что говоришь! — всплеснула руками Анна. — Нечисть! Побойся Бога. Меньше надо вино хлестать втихомолку, не будет нечисть мерещиться!*

Начальник охраны в смущении, не ожидавший такой резкой отповеди, отстал и выговорил одному из подчинённых за неряшливый внешний вид. Виновник спора потянулся во сне и устроился поудобнее на своём мягком ложе. Анна догнала других женщин, которые отправились в город продавать фрукты, прибившись к охраняемому обозу, и кумушки взялись перемывать кости оставшимся в деревне соседям. Круг тем был неизменен: у кого дети вошли в возраст, чтобы о свадьбе думать, кто с супругом разругался, кто на кого глаз положил, да кто у кого яблоки по ночам из сада ворует.

— *Ты-то, Анна, когда своего женить надумаешь? — поинтересовалась бодренькая старушка, твёрдо попиравшая дорожную пыль суковатой палкой. — Моя внучка давно по*

нему вздыхает.

— Ой, — отмахнулась крестьянка, — мал покуда. Ему бы всё гулять да развлекаться. Какой из него жених... — Однако глаза польщено сверкнули — упомянутая внучка считалась первой красавицей села, к тому же из хорошей семьи.

— Как же это? Вон как в охрану наниматься — так взрослый, а как жениться — так дитё?

Анна совсем зарделась, слушая похвалы сыну, которые посыпались от всех женщин, и кинула взгляд в сторону головы обоза, где вышагивал статный загорелый молодец. Захотелось догнать, погладить по взъерошенным волосам, приголубить, но она одёрнула себя — застесняется парень.

Вечерело. Вблизи дороги тянулась тёмная стена леса, дубы тревожно шумели ветвями, протягивая их в сторону вереницы людей. Купец, хозяин обоза, проехал вдоль повозок, подгоняя всех.

— Надо успеть до постоялого двора, пока совсем не стемнело.

Он время от времени тревожно оглядывался на дубраву.

— Анна, — дёрнул кормилицу за руку Чезаре, — а чего он боится?

— Не выдумывай, взрослые мужчины ничего не боятся.

Возницы беспрестанно подхлёстывали утомлённых лошадей, телеги погромыхивали. Идущие пешком люди почти перешли на бег, чтобы не отстать. Клонящееся к горизонту солнце слепило глаза. Анна посадила мальчика на повозку и сама взобралась следом, они уже не поспевали за скоростью каравана.

В первый миг никто не понял, откуда раздался треск. И только когда вороная лошадь с пронзительным ржанием присела на задние ноги, не в силах справиться с тяжестью гружёной телеги, люди засуетились вокруг, рассматривая сломанную пополам ось. Колесо повозки неудачно подпрыгнуло, попав в яму, и слабая сучковатая древесина с облегчением разделилась на две половинки.

Хозяин начал было витиевато ругаться и богохульствовать, но быстро опомнился и принялся организовывать срочный ремонт: послал кого-то в лес за брёвнышком, приказал отпрячь лошадь и осмотреть, не поранилась ли она, разгрузить телегу и перевернуть её, чтобы удобнее было менять ось.

— Господин, может, отправить остальной товар дальше? — предложил начальник охраны. — Оставим здесь часть охраны, а то пока возимся, ночь наступит.

Купец гневно сверкнул глазами:

— Предлагаешь людей на погибель бросить? Нет, если уж отбиваться, то всем вместе. Коли разделим охрану, так оставшимся точно при нападении — смерть. А полным составом отобьёмся.

— Анна, Анна, а с кем мы будем сражаться? — громким шёпотом спросил Чезаре, услышавший разговор взрослых. На мальчишеском лице светилась неподдельная радость: вот, настоящая война, даже не доезжая до города он увидит всамделишнюю битву!

Женщина изо всех сил пыталась сохранить спокойное выражение лица, но губы у неё слегка дрожали.

— Тихо, Чезаре. Ни с кем. Сейчас сделают новую ось, и поедem дальше.

— Но он сказал... — уже громче затаил мальчик.

— Замолчи! — Анна отвесила подопечному затрецину. Чезаре обиженно взвыл. —

Накликаешь беду.

Охранники деловито расположились вокруг обоза, осматривая окрестности на предмет угрозы. Но вечер был тихим, кроме самих торговцев, ни души вокруг, только птицы перекликались в кронах дубов. Люди потихоньку расслаблялись и начинали весело перешучиваться. Мужчины, ушедшие за заготовкой для оси, показались на опушке, и все облегчённо вздохнули. Лес сразу показался не таким уж глухим и мрачным, а поломка — незначительной и быстроустранимой.

Дело спорилось, брёвнышко обтесали, приладили на место, перевернули телегу колёсами вниз и начали кидать обратно тюки с товаром. Именно в это время вечерние сумерки прорезал тоскливый, вызывающий дрожь во всём теле звук. Заунывный волчий вой. Работники невольно замерли на месте, один даже уронил от неожиданности мешок, который собирался перебросить через борт повозки. Наёмники взяли наизготовку оружие, но не знали, откуда ждать опасности, звериная песнь неслась сразу с нескольких сторон, отдаваясь эхом, и определить точное направление не удавалось. Женщины заохали и начали креститься.

— Анна, это волки? — в глазах Чезаре не было страха, только удивление и любопытство.

— Детка, всё будет хорошо, — женщина провела рукой по светлым локонам мальчика.

— Быстрее шевелитесь! — закричал хозяин обоза, подгоняя застывших в страхе работников.

Люди бестолково засуетились, кое-как закидывая поклажу, уже не заботясь о том, чтобы удобнее расположить тюки, а просто спеша закончить погрузку. Остальные телеги потихоньку тронулись с места, лошади беспокойно прыдали ушами и ржали, но пока слушались поводыев. Вот и последний мешок лёг на место, злосчастная повозка присоединилась к каравану. Вой почему-то смолк, все вздохнули с облегчением, и тут звонкий детский голос возвестил:

— Смотрите!

Чезаре с восторженным ужасом указывал на край дубравы, откуда двигались четыре быстрые тени, почти чёрные в наступивших сумерках. Звериные силуэты почти терялись среди высокой травы, но мальчик всегда отличался превосходным зрением.

Теперь даже авторитет купца не смог удержат подчинённых от паники. Возницы хлестнули коней, бабы заголосили, и только охрана, руководимая своим опытным предводителем, приготовилась отражать нападение.

— Их всего четверо, справимся, — сплюнул сын Анны, самый молодой из всех наёмников.

— Твои бы слова да Богу в уши, — ответил другой. — Серебряного оружия-то у нас нету.

— Ты думаешь, что это... — юноша не договорил, боясь озвучить то, о чём успели подумать все.

Волки разделились, действуя на диво слаженно. Один — к голове обоза, второй — к хвосту, а оставшиеся стремительно приближались к воинам, рыская из стороны в сторону. Двое лучников из сопровождения каравана тщетно ловили прицел, несколько стрел отправились «в молоко». Лошади, почувявшие приближение хищников, взбесились, упряжь трещала, с морд животных клочьями падала пена.

Анна прижала к себе ребёнка, закрывая тому глаза ладонью, чтобы Чезаре не видел,

как звери бросаются на лошадей и людей. Вокруг кучки телег воцарился хаос. Четверо волков умудрялись перемещаться столь быстро, что создавалось впечатление — атакует целая стая. Почти все стражники были опытными воинами, видевшими не одну битву и с успехом защищавшие вверенных им мирных жителей. Но в этот раз противник достался неравный. Звери, конечно, зачастую не успевали уворачиваться от клинков, но страшные рубленые раны на глазах затягивались и зарастали шерстью.

— Цельте в сердце или отрубайте головы! — проорал начальник охраны, указывая на единственные способы убить оборотня стальным оружием. Конечно, это было непросто. Даже если попадёшь точно в сердце, то нечисть не умрёт сразу и вполне может отправить на тот свет своего убийцу, а с одного удара перерубить звериную шею не каждому силачу по плечу.

На помощь к наёмникам пришли почти все работники, возницы и сам хозяин каравана, короче говоря, все, кто умел хоть как-то обращаться с оружием. Женщины, мальчик и двое оказавшихся безоружными возниц столпились в центре и только и могли, что молиться, чтобы воины одолели нечисть.

Схватка была быстротечной. Сталь не приносила практически никакого ущерба оборотням, а вот зубы и когти играючи полосовали тела людей и лошадей.

— Сыночек мой! — заголосила Анна и кинулась вперёд, прямо в гуцу сражения. Её перехватили несколько рук, но женщина билась, вырывалась и продолжала причитать.

Молодой наёмник упал, сбитый с ног прыгнувшим зверем, клинок вошёл в грудь оборотню практически по рукоять, но волка, похоже, это только разозлило. Лапа наотмашь ударила, целясь человеку в лицо, но юноша дёрнулся в сторону, и когти ободрали левое плечо, не нанеся смертельной раны. Поворот лезвия заставил оборотня зарычать от боли, а воин второй рукой вытянул из кармана свёрток. Сверкнули монеты, полученные авансом за работу. Серебро. Отчаянным усилием юноша ещё раз дёрнул мечом, расширяя рану и пытаясь добраться сталью до сердца хищника, кусочек драгоценного металла нырнул в кровоточащую дыру, следом — ещё один. Волк взвыл, вокруг клинка запузырилась словно вскипевшая кровь. Тело оборотня начало неудержимо меняться, превращаясь в мужчину лет тридцати. Сын Анны оттолкнул в сторону труп, трясущимися руками вытянул меч и рубанул по шее противника, словно не веря, что тот мёртв. Расправил плечи, неволью ощущая захлёстывающее чувство победы и радость от осознания того, что смерть прошла мимо. И упал вновь, на этот раз навсегда. Из разорванной сонной артерии фонтанчиком плеснула кровь. Парень даже не успел понять, что случилось, и испустил дух с тем же счастливым победным выражением лица.

— Нет!!! — Анна кричала и кричала, не могла остановиться, пока не охрипла. Она всё-таки сумела оттолкнуть удерживающих её людей в тот момент, когда сын был убит, и побежала туда. Упала на колени рядом с телом юноши, не обращая внимания, что буквально в метре от неё скалит зубы серый зверь. Женщина уронила голову на грудь сына и разрыдалась.

Защитников обоза больше не было. Сбившиеся в кучку люди, замерев, ждали смерти. Только Анна продолжала голосить. Трое волков сошлись около своего мёртвого спутника, сблизили морды, будто совещаясь, а затем один за другим стали перекидываться, принимая человеческий облик. Двое мужчин и женщина. Молодые, сильные, красивые какой-то звериной красотой, даже когда выглядят как люди. Девушка осталась рядом с трупом, а остальные направились к выжившим.

Когда оборотни приблизились, то одна из женщин, заорав, бросилась бежать куда-то в поле по другую сторону дороги, двое возниц (братья, слабые умом) рухнули на колени и разразились молениями о пощаде, старуха злобно зыркнула колючими глазами и проскрежетала:

— Будьте вы прокляты, нелюди! — и шагнув вперёд, плюнула под ноги ближайшему оборотню. Тот проигнорировал её выступление.

Цепкие серые глаза с льдинкой на дне заглянули в лицо каждому человеку. И все отвели взгляд. Вернее, почти все. В конце, когда «зверь» уже собрался отвернуться и уйти, натолкнулся на зелёный огонёк в радужках мальчика, выступившего из-за спин взрослых.

— Чезаре, — дёрнула ребёнка за рукав одна из женщин, — не смотри, отойди.

Оборотень с интересом наблюдал, как мальчишка оттолкнул назойливую опекуницу и потянул с телеги что-то, спрятанное под тюками. «Что-то» оказалось коротким мечом, который для пацана пришёлся как двуручный.

— Стой! — завопила та же женщина, но Чезаре уже шагнул вперёд, неумело поднимая клинок, слишком тяжёлый и сбалансированный для другой руки. Неловкий выпад, оборотень с усмешкой отклонился, будто перетёк на другое место. Когти, проглянувшие на пальцах, слегка задели по детской руке, совсем чуть-чуть, только чтобы пустить кровь.

Резкая боль заставила Чезаре скрипнуть зубами, меч уже оказался в лапах противника, а осязательный толчок в плечо сбил мальчика на землю.

Более не обращая внимания на уцелевших, хищники переглянулись и удалились к телу своего собрата, а затем и дальше, к лесу, унося труп неудачливого оборотня. Люди некоторое время продолжали стоять в недоумённом молчании, постепенно осознавая, что их старуха с косой сегодня в гости не ждёт.

Совсем стемнело, на тёмно-синем небосводе проступали первые звёзды. Обоз, как осиротевший, стоял посреди дороги. Над полем висел запах крови. Из лошадей уцелели две, до смерти перепуганные и запутавшиеся в упряжи. Шестеро женщин, два слабоумных возницы и один мальчик. Растерзанные тела нескольких десятков торговцев и охранников.

Быстрее всех пришла в себя старуха, которая, видно, меньше всех боялась смерти, и принялась распоряжаться. По её приказу мужчины из досок, оторванных от одной из телег, соорудили костерок, подальше от побоища. Женщины, плача и подвывая, стаскивали трупы в одну кучу. Лошадей распрягли, и люди уселись вокруг огня.

— Они всего лишь развлекались, Влад. Разминали мускулы. Им не нужны были ни деньги, ни товар. Они никому не мстили и ничего не хотели добиться.

— Может, ты чего-то не знаешь. Вдруг среди этих купцов или воинов действительно были... не знаю... кровные враги какие-нибудь...

Чезаре хмыкнул:

— Точно, конечно, никто не узнает. Я рассказываю то, что видел. Обратни не тронули никого из тех, кто не мог оказать сопротивление. Это было... как спортивное состязание, чтобы самим себе нервы пощекотать, чтобы кровь не застаивалась. Одному из них развлечение стоило жизни. А люди... погибло двадцать шесть человек, а моя кормилица так и не смогла прийти в себя после убийства сына. Через две недели руки на себя наложила, у неё ведь больше никого не было.

Мышцы стонали от напряжения, отказывались работать и молили об отдыхе. Пальцы заоченели на пронзительном ветру и будто приросли к тетиве, выпустить её было невозможно, казалось, что кожа просто порвётся, если попробовать это сделать. Проклятая мишень, еле видимая на пределе зрения, смеялась над неудачами юного лучника, скалясь ёжиком стрел, воткнувшихся мимо «яблочка».

— Отдохни, Чезаре, — похлопал по плечу наставник.

Подросток не ответил, одеревеневшими пальцами достал очередную стрелу, прищурился от выжимающего слезу ветра, отвёл наконечник от цели, беря упреждение, и отпустил тетиву. Удар металла об цель не был слышен с такого расстояния, но оперение дрожало в самом центре. Лучник затаил дыхание, не веря в победу.

— Я попал!

— Ну что ж, пойдём посмотрим, — кивнул седовласый учитель.

При ближайшем рассмотрении попадание оказалось не совсем точным — наконечник лишь краем задел чёрное пятно в середине мишени.

— Девятка, — Чезаре с досады хватил кулаком по деревянному щиту.

Наставник спрятал довольную усмешку в бороде: «Так переживает, как будто действительно промазал. В четырнадцать лет так стрелять — настоящий талант. Глядишь, и меня переплюнет через пару лет».

Двое юношей сидели на берегу реки, наслаждаясь свободой, которую удалось урвать вопреки воле взрослых. Возле воды было холодно, утренняя зябкость заставляла плотнее кутаться в плащи.

— Джулио, а как тебе удалось так ловко с тем замком разобраться? — поинтересовался Чезаре, одновременно вытаскивая из кармана хлеб и кусок мяса, припрятанный со вчерашнего ужина.

— Отец научил, — второй мальчишка был моложе, лет двенадцати, и невообразимо тощий. Он с энтузиазмом встретил появление еды и тут же набил рот, так что расспросы на время приостановились, тем более, что Чезаре не отставал в скорости поглощения завтрака.

Утолив голод, мальчишки вернулись к обсуждаемому вопросу.

— А сложно?

— Что сложно? — Джулио сделал вид, что уже забыл о чём речь.

— Ну, замки вскрывать?

Видя, что друг замялся и отвёл глаза, лучник сказал:

— Ладно тебе, я прекрасно знаю, что твоя семья из гильдии воров. Трудно научиться?

— Нелегко, — важно ответил мальчик. — Там много всяких тонкостей.

— Покажи, Джул, — взмолился Чезаре.

— Нельзя, ты не из наших.

— А я тебя из лука стрелять научу, — хитро подмигнул малолетний стрелок, зная, чем подкупить товарища.

У Джулио загорелись глаза, он колебался ещё пару минут, скорее для виду, а потом согласился с таким видом, будто делает большое одолжение.

— Смотри, делаешь вот так, — в подопытном замке что-то натужно скрипнуло. — Попробуй сам, чувствуешь сопротивление? Теперь чуть в сторону отмычку и — вуаля — открыто!

Чезаре попытался сам и в очередной раз потерпел неудачу. Джулио втихую давился от хохота, удивляясь, что друг не может постичь простейшую уловку взломщика. Они копошились около запертого сарая-склада, располагавшегося на окраине Таранта, уже пару часов, открывая и закрывая его. Наконец старший из мальчишек радостно воскликнул и распахнул дверь.

— У меня получилось!

— Тише ты! — шикнул Джулио, озираясь по сторонам.

— Давай я ещё разок! — азартно предложил Чезаре, понизив голос.

Юный вор глянул на солнце, приближающееся к полудню, и спросил:

— А тебе разве на тренировку не пора? Смотри, влетит от наставника.

— Всё равно уже опоздал, — отмахнулся лучник. — Так и так нагоняй получать. Последний раз — и побегу.

Через десять минут он наконец удовлетворённо вернул Джулио отмычки, и мальчики разошлись каждый по своим делам. Чезаре бежал напрямки, срезая путь по чужим дворам и огородам, перемахивая заборы и перепрыгивая сточные канавы. Конечно, спешить, может, и не было смысла, но с другой стороны если совсем не показаться на стрельбище, то учитель голову снимет.

Впереди послышались крики, на которые подросток поначалу не обратил внимания. Мало ли причин в большом городе для шума? Но, вывернув из очередного переулка, Чезаре притормозил и разинул рот. На противоположной стороне широкой площади он увидел четырёх больших волков с серебристо-серой шерстью. Они лёгкой трусцой, не спеша, словно прогуливались по своим охотничьим угодьям, бежали в сторону двухэтажного здания больницы, находившейся под покровительством местного монастыря. Мальчишка вывернул как раз в таком месте, что оказывался на их пути.

Холодный пот прошиб Чезаре, воспоминания четырёхлетней давности всплыли в мозгу, будто резня на дороге произошла вчера. Но руки действовали сами по себе: первая стрела вылетела к цели ещё до того, как подросток понял, что не сможет отойти в сторону, позволяя оборотням безнаказанно убить людей в доме призрения. И плевать, что стальные наконечники не могут убить нечисть, и плевать, что глас рассудка утверждает:

«Это бессмысленно!» Удар стрелы заставил волка, бежавшего впереди, споткнуться и сбиться с шага. Однако через миг он как ни в чём не бывало продолжил движение к цели.

Ненависть затмила взгляд красноватой пеленой. В сознании наложились друг на друга две картинки, похожие только количеством оборотней — четыре. Чезаре словно опять видел, как к пыльному торговому тракту приближаются жаждущие острых ощущений верволки и как люди, не защищённые доспехами и благословённым оружием, умирают один за другим. В сегодняшнем дне трупов пока не было (хотя кто знает, что скрывается на той улице, откуда вывернули волки), но звери точно так же целеустремлённо двигались к своим жертвам.

Выстрелы следовали один за другим, с минимальным интервалом, как на стрельбище, когда Чезаре учился стрелять на скорость. Упражнение ему тогда никак не давалось — то стрела застревала в колчане, то падала из уставших пальцев, то тетиву натягивал слабовато, то прицел сбивался. Сейчас всё получалось, но это несколько не помогало. Сталь не причиняла зверям почти никакого вреда, волки лишь на мгновения задерживались, порываясь от боли, да пару раз им пришлось остановиться, чтобы смахнуть мешающие бежать древки вонзившихся стрел.

Время растянулось в бесконечность. Медленно и неотвратно приближалась смерть, скаля волчья зубы, роняя слюну из пасти. Чезаре не знал, сколько раз он уже выстрелил, не представлял, сколько осталось стрел, не успевал задуматься, что будет, когда они закончатся. Конечно, существовала безумная надежда, что подоспеет подмога, кто-то из городского гарнизона. «Надо просто продержаться. Ещё немного. У меня получится». И в этот момент парнишка, в очередной раз потянувшись за стрелой, ничего не нащупал. Обернулся через плечо, не веря, что это конец. Колчан действительно был пуст. А никакого подкрепления не предвиделось. Чезаре замер на месте, осознав, что бежать слишком поздно, а пользы он так и не принёс — защитников у больницы больше не было.

Он не перевёл взгляда на оборотней, которые, видя, что дождь стрел иссяк, прибавили ходу. Боялся, что подкрадывающаяся паника завладеет всем его существом. Удар вышиб воздух из лёгких, над лицом наклонилась обжигаящая горячим дыханием волчья морда. Глаза хищника были на редкость умными, с жёстким прищуром вокруг зеленоватых радужек. Когти не вонзились в тело человека, лишь самую малость скользнули по коже плеч.

Из-за спины волка донеслось грозное рычание, видимо, принадлежащее кому-то из остальных оборотней.

Зверь нехотя убрал лапы и отступил, позволяя подростку подняться. В нескольких метрах завершал трансформацию верволк. Через секунду там стоял пожилой седой мужчина, с интересом разглядывающий лучника, а ещё двое оборотней, оставшиеся в волчьей шкуре, замерли по бокам от него. Чезаре в бессильной ярости смотрел на предводителя отряда нечисти, страх куда-то исчез. Наверное, потому что бояться было уже без толку.

— Вперёд, я вас догоню, — единственный оборотень в человеческом облике повелительным жестом отослал волков в сторону изначальной цели, к монастырской больнице. И перевёл взгляд на Чезаре, в глазах мелькнула хитринка. Он словно ожидал, как среагирует незадачливый защитник.

Подросток поворачивал голову от одного зверя к другому, сжимая кулаки. Хищники один за другим потрусили прочь. Чезаре на миг зажмурился, а когда приподнял веки вновь,

то на лице отразились ненависть и отчаянная самоубийственная решимость. Ладонь легла на единственное оставшееся оружие — кинжал.

— А смысл? — с ухмылкой спросил главарь волков, не двигаясь с места. — Сталь для меня — всего лишь мелкая неприятность, а вот для тебя этот поступок будет последним.

Чезаре до боли в пальцах стиснул ребристую рукоять. Пожилой мужчина не двигался, оставаясь внешне бесстрастным, только глаза смеялись, являясь как бы отражением в кривом зеркале — радужки у него с юношей были почти одинакового цвета, только у хищника слегка светлее и зеленее, а вот выражение являло полную противоположность. Ярость и страх против насмешки и безразличия к судьбе врага. Стрелок и оборотень мерились взглядами долго.

— Почему ты оставляешь мне жизнь? — голос плохо слушался Чезаре. Он отлично знал и по рассказам, что верволки никогда не щадили воинов, оказывавших им сопротивление.

Противник усмехнулся:

— Я с детьми не воюю.

Кровь бросилась в лицо Чезаре, на щеках проступил румянец. Первым порывом было даже не метнуть кинжал, а броситься на веселящегося оборотня с голыми руками, чтобы ударить по самодовольной морде, добраться до горла или насмешливых глаз. Но мальчишка остался на месте.

— Как же я вас, сволочей, ненавижу, — отрывисто и тихо произнёс он. Глупо бить по врагу оскорблениями, если это твоё единственное оружие, но подросток не смог удержаться.

В глазах оборотня мелькнуло что-то, похожее на уважение и интерес, и он проговорил:

— Надеюсь, мы ещё встретимся. Когда ты немного подрастёшь... волчонок. — И, не оглядываясь, направился вслед за своими соратниками.

Чезаре очень хотел бросить нож в широкую незащищённую спину, но отдавал себе отчёт, что этим подпишет свой смертный приговор. Да и... подло в конце концов. «Ты думаешь о благородстве, когда они идут убивать больных и раненых людей?! Прекрати, против нечисти все средства хороши!» Но рука всё равно не поднялась. Мальчишка так и не решил, почему: из страха за свою шкуру или потому что не в его правилах было бить исподтишка.

— Они действительно убили пациентов? — Влад наверное впервые готов был встать на позицию Чезаре в вопросе отношения к оборотням.

— Нет, больных не тронули. Вырезали всех монахов, которые за ними ухаживали. Точно так же, как и всё население монастыря. В Таранте не осталось ни одного человека, облечённого священническим саном или принявшего постриг. Никого.

Мальчишка, уперевшись взглядом в землю, ломал в пальцах сухую веточку. Видно было, что рассказ всколыхнул давние воспоминания, которые лучше было вовсе никогда не ворошить.

— Почему именно монахов? — сразу уцепился Влад за подробность. — И не говори, что не знаешь.

— Знаю, — кивнул Чезаре. — Несколькими неделями ранее был осуждён и казнён колдун, который помогал оборотням. Стая пришла мстить. Они прошли в город в

человеческой ипостаси. Никто не заподозрил, они были крайне осторожны. Прибывали по одному, по двое, чтобы не привлекать внимание. Серебром на воротах не проверяли, а людей, способных на взгляд отличить оборотня, мало. Это всё потом выяснили, когда затеяли расследование.

— Вот видишь, — торжествующе воскликнул Влад. — Волки не первые начали. Опять инквизиторы сначала сжигают невинных, а потом жалуются на мерзких нелюдей!

Парень замолк, видя, что лицо Чезаре застыло.

— Не все священники — инквизиторы. Что сделали послушники, выносившие горшки за дизентерийными больными? А в чём вина стражников, которые, выполняя свой долг, встали на защиту мирных горожан? И почему те, кто остался жив, должны полжизни просыпаться среди ночи от кошмаров?

На поляне воцарилось молчание. Влад пытался осмыслить всё, что ему поведал Чезаре, и выработать какую-то свою точку зрения. «Ведь действительно, обе стороны хороши. И те, и другие в приступах жестокости изничтожают друг друга, а после переваливают вину на противника. Я оказался по эту сторону баррикад фактически волей случая. Хотя с другой стороны... Если бы после начала Эксперимента меня выбросило, скажем, на улицах Рима или ещё где-нибудь неподалёку от людных мест, то скорее всего все впечатления от нового мира ограничились бы стенами камеры и лицами инквизиторских палачей. Так что изначально другая позиция у меня возникнуть не могла. Да и не нравятся мне всякие карательные организации, чёрт возьми! Просто не нравятся!» Он покачал головой в задумчивости.

— Нет, Чезаре, ты меня не убедил. Точнее, ты, конечно, великолепно развенчал мою убеждённость в том, что волки — невинные жертвы преследований. То есть у меня и так были подозрения на этот счёт, да всё никак не было времени их проверить. Но не обессудь, идеология инквизиторов мне не близка. И я не соглашусь, что они правы.

Лучник взглянул исподлобья:

— Что ты намерен делать теперь? Ведь к оборотням ты не вернёшься после того, что я рассказал. — Последняя фраза звучала полувопросительно.

— Не знаю, — нахмурился Влад. — Правда, не знаю.

— Пойдём со мной. Поговоришь с отцом. Он лучше меня объяснит.

— Ага, конечно, — скептически усмехнулся парень. — На дыбе, наверное, все идеи воспринимаются быстрее и лучше.

Чезаре ответил:

— Кардиналу от тебя что-то нужно. Я так и не смог догадаться, что именно, но в пыточную тебя определённо сразу не потащат.

— Сразу, может, и нет. А потом? Чезаре, раскрой ты глаза! Я враг, сражающийся в рядах оборотней, убивший не одного и не двух ополченцев, пробравшийся в Ватикан, организовавший побег опасной ведьмы, да плюс к тому ещё и неверующий. Какого отношения я могу ожидать со стороны главы инквизиции, по-твоему?

Мальчишка внезапно улыбнулся:

— Помню, что в первую нашу встречу ты тоже пытался утверждать, что оборотни меня не тронут. Смешно... — И столь же быстро помрачнел. — Тебе, скорее всего, будет всё равно... меня обвинили в пособничестве еретикам и оставили единственный шанс оправдаться. Этот шанс — ты, Влад. Твоё сотрудничество.

— Ну, знаешь ли... — возмущённо начал собеседник (рука болела всё сильнее, а в

висках шумело в такт пульсу, поэтому хотелось поскорее завершить разговор, тем более, что он уже пошёл на второй круг), — во-первых, это уже пахнет шантажом, а во-вторых, с чего ты взял, что твоя судьба меня волнует настолько, чтобы совать голову в пасть льву, лишь бы тебя оправдали?

— Ты, если помнишь, мне несколько обязан, — тихо напомнил Чезаре, автоматическим бессмысленным жестом поглаживая тетиву. — Если б не я, то твоя ведьма до сих пор в подземелье сидела. Да и ты в соседней камере, вместе с магом.

— Ха, а кто тебя не прикончил, когда ты своими поступками это не один раз заслужил?

Внутренне Влад пожалел, что встрял в ненужный спор о том, кто для кого большую услугу оказал. «Как дети, честное слово!»

— Слушай, Чезаре, — устало проговорил он. — Ситуация у нас с тобой патовая. В том смысле, что никто другого не переубедит никакими способами. В целом получается, что решение за тобой. Ты вон с луком, весь такой грозный, а я раненый и вымотанный. Хочешь, так конвоируй меня к своему папеньке в лагерь. Не хочешь, значит, полюбовно разойдёмся в стороны.

И Влад выжидательно посмотрел в глаза парнишки.

Сейчас, когда надо было срочно решать, Чезаре вдруг осознал, что не в силах взять на себя ответственность за судьбу другого человека. Не помогала даже мысль, что сидящий напротив него — солдат вражеской армии и еретик. Вспомнилось жёсткое выражение лица кардинала, когда он отправлял сына в битву с напутствием во что бы то ни стало захватить ценного пленника и «перетащить» его на свою сторону.

«Зачем? — в очередной раз задал себе не дающий покоя вопрос мальчишка. — Отец не сказал мне правду, когда разливал елей по поводу спасения души заблудшего грешника. А значит, мог солгать и в чём угодно. Одному Богу известно, что на самом деле ждёт попавшего к нему пленного. Почему-то кажется, что ничего хорошего... Господи, как же всё сложно...»

Да, интриги и недомолвки были не были его стихией.

«Но какое мне дело? Даже если его и впрямь в тюрьму бросят. Сам виноват».

Чезаре искоса взглянул на Влада. Противник был бледен лицом, устал и нахмурен. Правая рука бессильно висела, даже из-под жгута потихоньку продолжала сочиться кровь.

«Только не говори, что тебе его жалко!» — воспротивился сварливый внутренний голосок. Мальчишка вздохнул. «Нет, не жалко, — ответил сам себе. — Вот только, если его действительно в пыточную отправят, то получится, что всё, только что мной рассказанное, — уловка и ложь. Окажется, что я красивыми словесами заманил человека на смерть. И пусть не невиновного, но тем не менее...»

— Если меня приговорили свои же за то, в чём я виноват лишь косвенно... — Чезаре сделал паузу, собираясь с мыслями, — то я всё сильнее склоняюсь к тому, что и ты вряд ли можешь рассчитывать на лояльное отношение.

— Уж надо думать! — голос Влада звучал крайне утомлённо. — В вашем мире Женевской конвенции ещё не было.

— Что?

— Не обращай внимания. Это я так, о своём.

Лучник рывком поднялся на ноги, словно спеша и боясь передумать. Окинул взглядом

лес, сощурился на повернувшее к закату солнце и сказал:

— Не могу я ручаться за то, что тебе не причинят вреда, поэтому не буду больше уговаривать. Жаль, что не удалось раскрыть тебе глаза на истинную сущность нечисти, но я хотя бы попытался. Последний совет, от которого ты, конечно, тоже вполне можешь отмахнуться. Присмотрись получше к Конраду. У него на шее должен быть амулет — волчья морда на фоне полной луны. Этот символ последователей древнего языческого культа, поклоняющихся то ли оборотням, то ли какому-то богу, создавшему оборотней. Подробностей сейчас никто уже не помнит, но точно известно, что они приносили человеческие жертвы. Считалось, что адептов этой веры истребили, но как видно не всех. Ты — единственный человек, который живёт рядом со стаей. Будь осторожен.

Влад, опешивший от таких откровений, на миг даже забыл о собственном неважном самочувствии:

— Не видел я у Конрада никакого амулета!

— Конечно, он им не размахивает перед каждым встречным, — согласился Чезаре. — Скорее всего, под одеждой прячет.

— А ты тогда откуда знаешь? — удивился парень.

Стрелок вздохнул, нахмурился, будто вспоминая о чём-то неприятном или болезненном, но всё же решил объяснить:

— Когда маг допрашивал меня... там, в подземелье... он же копался в моей памяти. Тогда Конрад спешил и не закрывался, поэтому я тоже поймал парочку его мыслей. Одним из образов был медальон со звериной мордой.

Чезаре вновь настороженно огляделся, прислушался к лесным шорохам и, так и не дождавшись ответа Влада, сказал:

— Я пойду. Надеюсь, что ты всё-таки передумаешь, когда ещё не будет слишком поздно.

Мальчишка скрылся за густым подлеском, ловко петляя среди кустарника и перескакивая через поваленные стволы. Влад, провожая его взглядом, недоумевал по двум причинам. Во-первых, как это все местные, с которыми ему доводилось встречаться, умудряются столь легко ходить через чащобу? Во-вторых, с чего бы ему настолько повезло не угодить в плен? «Невероятно! Я уверен был, что мальчишка захочет отомстить за всё, что ему самому пришлось пережить. Ну да ладно, лучше, что я ошибся. Теперь надо определиться, куда идти дальше». А вопрос был хороший. Влад смутно помнил, что пришёл приблизительно с востока, если ориентироваться по солнцу. Но петлял по пути изрядно, да и какой смысл возвращаться к месту сражения. «Значит, в который раз лазить наугад среди осточертевших дубов!» Но иного выхода не было, и парень усилием воли заставил себя подняться со ставшего уже родным брѣвнышка.

Шагая в спускающихся сумерках, Чезаре обречённо размышлял о том, как будет отбрёхиваться на этот раз. «Ведь он у меня в руках был, а я его отпустил. Поступок благородный, но неумный. Ладно, будем рассчитывать, что мои умозаключения верны и что отец так и так не собирался меня под трибунал отдавать, а просто пугал, чтоб я воевал с большим стимулом».

*Они посмотрят с вышки,
Они составят план.
И люди, словно фишки,
Уйдут в густой туман.*

«Ария»

По экрану бежали строки цифр, букв и непонятных символов, какие-то формулы, графики, цветные диаграммы стремительно сменяли друг друга. Уставившийся в монитор человек на удивление успевал всё это просматривать и даже время от времени делать пометки в толстом растрёпанном блокноте. Он сидел так в течение нескольких часов, не обращая внимания на затекшую спину. Доктор хотел успеть закончить анализ данных до того, как Генерал позовёт его для отчёта. А Генерал мог потребовать информацию в любую минуту.

Телефон внутренней связи разразился истеричным писком, и Доктор непроизвольно вздрогнул.

— Зараза, надо всё же изменить сигнал, а то зайкой стану. Слушаю! — крикнул он в трубку, одновременно тыкая в кнопку на клавиатуре, чтобы остановить поток символов на экране.

Когда в ответ раздался недовольно-нетерпеливый голос начальника, то Доктор ещё сильнее нахмурился. Взглядом он продолжал ощупывать замершую на мониторе кривую, похожую на кардиограмму.

— Дайте мне полчаса. Прямо сейчас? Но, Генерал, чтобы предоставить полную картину, мне необходимо провести углубленное сканирование. Я не вполне уверен в некоторых результатах. Хорошо, я иду.

Закончив разговор, Доктор увеличил график и уставился на одном ему видный зигзаг, как будто вся мудрость тысячелетий заключалась в этой кривой линии.

— Как интересно. Впервые такое вижу...

Опомнился он только через пять минут, когда телефон заверещал с новой силой.

— Ох, чёрт!

Доктор подхватил стопку распечаток и пулей вылетел из кабинета.

— Итак, — Доктор откашлялся, убрал за ухо каштановую прядь, лезущую в глаза, и хорошо поставленным голосом прирождённого лектора начал, — я проанализировал основные данные, и хочу отметить в первую очередь положительные моменты. Первый, и самый главный из них, — посланник до сих пор жив и находится в здравом рассудке.

Всё это молодой человек излагал, обращаясь к широкой спине в чёрной форме. Генерал, сцепив руки за спиной, смотрел на пейзаж за окном. С высоты третьего этажа были видны предгорья, заросшие невысокими чахлыми соснами. Вечерело, и древесные стволы казались неестественно алыми. А с востока напознала сизая туча.

Военный обернулся, потому что Доктор замолчал.

— Жив, здоров, это прекрасно, — голос Генерала был хриплым и раздражённым. — Он добрался до цели?

Учёный опустил взгляд в свои бумаги, покопался в мятых листках, отыскивая нужную диаграмму. Потом шагнул к столу, пристроил на нём всю стопку и указал на маловразумительные цветные чёрточки:

— Смотрите сами. Активность полей крайне низка, а это значит, что к Порталу он не приближался.

— Что вы тут мне подсовываете свои писульки? — громыхнул Генерал. — Я хочу знать,

почему после прошедшей недели посланник ещё не в Городе? Его же выбросили не так уж далеко от места назначения.

Доктор с обиженным видом убрал распечатки, кинув на начальника такой взгляд, словно тот оскорбил его единственного и любимого ребёнка, и сварливо заявил:

— А вы, конечно, хотели, чтобы человек с ретроградной амнезией, очутившийся среди незнакомого леса, сразу бодрым марш-броском добежал до цели, ни разу не сбившись с дороги? Генерал, это невозможно. Минимум день, это в наилучшем случае, уйдёт на адаптацию. Потом посланнику необходимо откуда-то получить информацию о Городе. Конечно, приблизительную схему мы ему в мозги запихнули, но это не гарантия. Самостоятельная активация должна была начаться только два дня назад. Я не упоминаю о том, что Владислав мог столкнуться с разного рода препятствиями, как то — сопротивлением местных жителей, травмами и болезнями, неблагоприятными погодными и природными условиями и сотней других непредвиденных обстоятельств. Всё-таки это чужой мир. И наконец, возможен, банальный сбой в психоматрице. — Молодой человек не рискнул уточнить, что сбой на самом деле уже был. После того случая показания приборов более менее вошли в норму, и учёный надеялся, что через некоторое время матрица заработает как планировалось изначально.

Генерал уселся в глубокое кресло с чёрной кожаной обивкой, кивнул Доктору на второе такое же и вкрадчиво произнёс:

— Вы же говорили, что технология идеальна. Что ошибок быть не должно.

Молодой человек помотал головой:

— Мы не имели возможности нормально провести испытания. Матрица — экспериментальное устройство. Человеческая психика вообще с трудом поддаётся прогнозируемому влиянию. Я могу просчитать лишь самый вероятный вариант развития событий, а уж как в действительности поступит конкретный человек — только Богу ведомо, если он существует. Тут играет роль и склад характера, и моральные ценности, и остатки памяти, и жизненный опыт. Да просто случайный каприз, в конце концов! Вот вы, Генерал, всегда ли поступаете логично и обдуманно?

Доктор оседлал любимого конька. Судя по вдохновенному огоньку в глазах, он мог рассуждать о плюсах, минусах и интересных особенностях своего изобретения в течение многих часов.

— Кроме того, мы задали изначально вводную, но лишены возможности непосредственно влиять на поступки посланника. А тут ещё помехи, связанные с пространственно-временным барьером. Чудо, что мы вообще можем получать хоть какое-то данные без непосредственного открытия портала.

Пальцы Генерала выстукивали по столешнице отрывистую дробь. В пепельнице дымила забытая сигара, наполняя кабинет запахом крепкого дорогого табака. Прищур Генерала не предвещал ничего доброго и радостного. Пока он терпеливо (по крайней мере внешне) выслушивал научную лекцию собеседника, но гроза готова была разразиться каждую минуту. Однако, к удивлению Доктора, начальник так и не перебил. Только когда учёный перешёл к изложению специфических технических подробностей работы психоматрицы, Генерал остановил его вежливым жестом руки.

— Я вас понял, Доктор. Но в данный момент меня интересуют не ваши научные выкладки, которые, конечно, весьма занимательны, а конкретные результаты. Вы можете сейчас определить местонахождение объекта и... ммм... направление его движения, так

сказать?

Молодой человек со вздохом признался:

— Нет, прямо сейчас не могу. Для этого требуется пробой мини-портала и подробное считывание матрицы. Но сразу предупреждаю, что это небезопасно.

— Почему?

— Во-первых, — принялся загибать пальцы Доктор, — возможна неадекватная психическая реакция со стороны посланника. Во-вторых, портал могут засечь, что поставит под угрозу всю операцию. В-третьих, если в матрице случился сбой, то глубокое считывание может усугубить ситуацию, после чего не факт, что Владислав вообще пойдёт к Городу хоть когда-нибудь.

— Как у вас всё... сложно, Доктор! — возмутился Генерал. — То нельзя, это нельзя! Что ж нам теперь сидеть, сложив лапки, и смиренно ожидать? А если программа действительно пошла наперекосяк, и мы зря теряем время?! Открывайте портал и считывайте!

— Но...

— Это приказ, — жёстко закончил начальник.

— Слушаюсь, — Доктор вскинул ладонь к голове, шутливо отдавая честь. — Но считаю своим долгом в последний раз предупредить о последствиях. Наш подопытный может просто напросто... эээ... выйти из строя. — Молодой человек усмехнулся.

— Сколько вам потребуется времени?

— Часа три-четыре.

— Хорошо, — кивнул Генерал, выхватывая из пепельницы почти дотлевший окурок и делая пару затяжек. — Жду доклада к полуночи.

Доктор вскочил из кресла и щёлкнул каблуками.

— Да хватит уже паясничать! — офицер стукнул кулаком по столу.

— Простите, Генерал, не сдержался, — глаза учёного смеялись.

Военный устало глянул в окно, на заходящее солнце.

— Вон с глаз моих.

Видя, что дальше изводить Генерала приколами будет опасно, Доктор подхватил свои бумажки и исчез из кабинета, как будто его здесь и не было.

Для столь небольшого помещения здесь находилось чересчур много аппаратуры. Пульты с кучей экранчиков, рычажков, кнопочек, рубильничков, десятками горящих или мигающих лампочек занимали всё свободное место на стенах и столах. В центре располагалась невысокая хромированная арка, чуть ниже среднего человеческого роста. Рядом светился умиротворяющим синеватым цветом большой монитор.

Доктор, нахмурившись, набирал на клавиатуре сложные буквенно-цифровые комбинации, время от времени заглядывая в блокнот. Когда самый большой экран полностью заполнили символы, молодой человек остановился. Под аркой появилось бледно-серебристое сияние, помаргивающее, как неисправная лампа дневного света. Доктор почесал в затылке, взъерошив и без того лохматые каштановые волосы, и вновь сверил записи со строчками на мониторе. Пришёл к выводу, что всё верно. Но так и не решился ввести завершающую команду, которая открывала ход в иной мир.

Он прошёлся из угла в угол, весь путь составил три шага, четвёртый привёл бы Доктора в сияние рядом с аркой.

— Опасно, чёрт побери, — пробормотал под нос учёный. — Почему бы не потерпеть хоть денёк ещё?

Ему очень не хотелось исполнять распоряжение начальника. «Если всё получится, то он будет героем. Вовремя приказ отдал. А если что не так — мне отдуваться. Не довёл, мол, до ума изобретение».

Он потоптался на месте, тяжело вздохнул и сел обратно перед экраном. Рука взялась за рубильник и медленно потянул его на себя. Рычажок слушался плохо, им пользовались впервые. Скрипнув, он занял положение «включено». Внутри арки проскочил высоковольтный разряд, на миг ослепив Доктора. Оглушительный треск, мигание, в комнате вдруг стало темно. Погас монитор, все индикаторы на пультах и даже лампы на потолке.

— Проклятье! — раздался в темноте учёного.

И тут справа от него открылось окно в летний день. Солнце играло в листве, и даже птичий щебет донёсся. Доктор не сразу осознал, что портал открыт успешно. Лично он при этом ни разу не присутствовал. Посланника отправляли в путешествие в одиночестве, а в предыдущих стадиях Эксперимента, который был официально закрыт больше семи лет назад, молодой человек не участвовал. Освещение восстановилось так же резко, как и пропало. И прорыв в другую реальность словно побледнел и отдалился, стал напоминать изображение телевизора.

Доктор наконец опомнился, заметил, что так и сидит с разинутым ртом, уставившись в портал, и лихорадочно защёлкал тумблерами. Пульт отозвался тихим писком и шуршанием помех. На мониторе возникли графики, отражающие физическое и психическое состояние «абонента».

— Та-а-ак... Пульс учащён. Лёгкая аритмия. Хммм... Давление пониженное. Ведь только час назад в норме был! Чёрт! — учёный стукнул по столешнице кулаком, чудом не угодив ни по какой-то кнопке. — Ладно, жить будет, и на том спасибо.

Руки молодого человека снова запорхали, колдуя над очередной программой.

— Старт считывания, — произнёс безразличный голос автоматики.

Откинувшись в кресле, Доктор приготовился ожидать. Он не знал точно, сколько времени потребуется для операции, неизвестной официальной науке. После первых минут из принтера непрерывно полезли бесконечные ленты бумаги. Молодой человек подхватывал и сортировал их по одному ему известным признакам. С каждым новым листком, появившимся из недр машины, Доктор всё больше мрачнел.

— Начну с физического состояния объекта. Оно... хм... оставляет желать лучшего. Непосредственной угрозы жизни нет, я думаю, даже учитывая тамошние варварские методы лечения. Скорее всего, ранен, а не болен.

— Про варварские методы вы погорячились, — усмехнулся Генерал, отхлёбывая обжигающий кофе. — Их лекари, использующие паранормальные способности, легко и без усилий переплюнут любого из светил нашей медицины.

Доктор поморщился, как от приступа зубной боли:

— Вот хоть режьте, но не верю я в это. Конечно, внушение, самовнушение, гипноз могут исцелить множество недугов, но если человеку, скажем, кишки выпустили или в упор в грудь выстрелили, то никакие так называемые сверхчеловеческие возможности не спасут. Но давайте не будем отвлекаться. Как бы посланника ни лечили, но помирать он вроде не собирается. К нашему счастью. Относительно близости к Городу — точно скажу, что он к

цели не приблизился. А скорее всего сейчас находится дальше, чем в момент выброски, хотя точные координаты выхода Владислава из портала нам неизвестны... В любом случае ему по-прежнему необходимо потратить четыре-пять дней на дорогу к Городу.

Молодой человек замолчал и тоже потянулся к кружке. «Оперативки» никогда не обходились без кофе. Во-первых, потому что обсуждения Эксперимента зачастую проходили после полуночи, а во-вторых, и начальник, и подчинённый были фанатами ароматного напитка.

— Может быть, ему помешали какие-то непредвиденные обстоятельства. То же ранение, к примеру.

Доктор покачал головой:

— Нет, ранили Владислава несколько часов назад. Во время предыдущего сеанса связи он был здоров. Неприятно признавать это, но матрица всё-таки дала сбой. Я старался разобраться в причинах и в том, как это исправить. Пока понял не до конца. Одно могу сказать точно: острого желания посетить Город посланник больше не испытывает, даже если оно было. А может, ошибка произошла при проходе через портал, и тогда объект вообще не собирался двигаться к цели.

— И что же вы предлагаете? — Генерал сощурился от сигарного дыма, попавшего в глаз.

Учёный почесал в затылке, как-то очень по-детски, будто ученик, вызванный к доске с несделанным домашним заданием.

— Генерал, дайте мне время. Хотя бы до утра. — Он глянул почти умоляюще.

— В девять часов решение должно быть у меня на столе.

Под глазами Доктора залегли тёмно-серые тени, а угол рта возмущённо подёргивался. Он был в крайней степени ярости, что со смешливым учёным случалось очень редко. Видно, за ночь молодому человеку не удалось даже подремать. Ворвавшись в кабинет Генерала секунда в секунду в назначенное время, Доктор швырнул на стол перед начальником толстую растрёпанную папку, раскрыл ближе к концу и ткнул пальцем.

— Почему я впервые слышу о том, что у подопытного была тяжёлая контузия?! И вы рассчитываете, что после такого психоматрица будет нормально работать?! На изначально травмированном мозге, да ещё и с заблокированной памятью! Вы вообще понимаете, чёрт возьми, что Владиславу сильно повезло, что он не скончался на операционном столе?!

Генерал спокойно выслушал гневную тираду и кивнул Доктору на кресло. Не торопясь, отщипнул кончик сигары и закурил.

— Мой мальчик, не стоит так нервничать. Если вы потрудитесь открыть последнюю страницу досье, то увидите, что сержант Владислав Комольцев погиб во время исполнения боевого задания четыре месяца назад. Так что говорить о его смерти на операционном столе — занятие по меньшей мере бессмысленное. Покойник не может умереть во второй раз.

— Но на самом деле он жив. Мы-то это знаем, — учёный немного снизил тон, но не собирался так просто успокаиваться. — Вы ставите под угрозу весь Эксперимент, не давая мне полной информации об участниках.

Сигара была оставлена на краешке пепельницы, а Генерал наклонился через стол, приблизив лицо к молодому человеку:

— Доктор, — голос звучал вкрадчиво, — вы не доверяете официальным документам? Собеседник устало опустил глаза.

— Ладно, если вам нравится играть в конспирацию, оставим вопрос о жизни и смерти. К делу, — вздохнул он и перешёл на сухой научный язык, разительно отличавшийся от эмоциональности предыдущих реплик. — Итак, вследствие лёгких психических расстройств, вызванных контузией, в работе психоматрицы произошли ошибки, усугубленные во время пребывания в иномирье ментальным воздействием со стороны местных жителей и стрессом. Кроме того, что изначальная программа перестала быть ведущей для посланника, возможны спонтанные прорывы блока памяти, вероятность чего резко возросла после полного считывания информации, произведённого мной вчера. В качестве резюме скажу, что я на свой страх и риск, без вашей санкции открыл мини-портал, чтобы поработать с матрицей и хоть немного исправить дело. Гарантии дать не могу, но сделал всё, что в моих силах. Самый разумный вариант, на мой взгляд, отправить... второго номера, дублёра... Забросить недалеко от местопребывания Владислава, и пусть они вместе идут к Городу.

Генерал задумался, ничего не ответив. Доктор, зная свойство начальника углубляться в размышления без каких-либо объяснений, молча развалился в кресле и, кажется, начал проваливаться в сон, о котором умолял утомлённый организм. Когда под закрытыми веками уже замельтешили цветные пятна, складывающиеся в маловразумительные, но чем-то приятные образы, дремоту прервал вопрос Генерала:

— И кто по вашему мнению лучше подойдёт для отправки?

Молодой человек встрепенулся, неохотно раскрыл сонные глаза, зевнул и сказал:

— Чтобы не повторить прежней ошибки, я бы посоветовал в первую очередь обращать внимание на физическое и психическое здоровье претендентов. Я бегло просмотрел досье на остальных, кто у нас есть. Конечно, идеальных не бывает, но наиболее подходит Арман Лерой.

Правая бровь Генерала удивлённо поползла вверх. Он усмехнулся и проговорил:

— А смешно получится, если, как вы предполагаете, у Комольцева память частично вернётся. Не выйдет ли так, что вместо того, чтобы идти к Городу, наши напарники устроят там партизанскую войну друг против друга?

— Не должны. Я же говорю, что внёс коррективы в психоматрицу Владислава. Блок восстановлен на девяносто процентов. Вероятность того, что он вспомнит именно обстоятельства... хм... своей смерти, стремится к нулю.

— Ох уж мне эти вероятности ... Чует моё сердце, что Арман попадёт в оставшиеся десять процентов. Подберите другого кандидата. Или выбросим его не рядом, пусть параллельно задание выполняют.

— Всё равно рано или поздно встретятся, так уж лучше, чтоб они изначально вместе работали. А другие... Генерал, я ознакомился с медицинскими картами и биографиями всех. Не подходят либо по здоровью, либо по подготовке. Поймите, обычный человек там не выживет. Если Комольцев уже не первую травму получает... Лерой в этом отношении — просто идеал мечтаний. Общее состояние, спортивная подготовка, навыки работы с различным оружием, он ведь даже фехтованием в юности увлекался...

— Кажется, вы говорили, что нужен человек здоровый не только физически, но и психически. Считаете нормальным того, кто в течение пяти с лишним лет успел побывать во всех горячих точках земного шара и повоевать за такое количество противоборствующих сторон, что, наверное, сам запутался?

Доктор поморщился и отпарировал:

— Теперь вы занимаетесь чистоплюйством, Генерал. Мы же его отправим не закон

Божий детям преподавать, а воевать. В одиночку против незнакомого мира. Поэтому не надо изрекать пафосных слов, которые более к лицу газетчикам, а не офицеру, занимающемуся запрещёнными экспериментами. Относительно его психики хочу сказать следующее: она устойчива, а это самое главное. Матрица ляжет идеально, а большее нам и не требуется.

Генерал побарабанил пальцами по столу и наконец сказал:

— Хорошо, Доктор, буду надеяться на вашу компетентность. Готовьте второго посланника. К вечеру открываем портал.

— Но... послеоперационный период... — попробовал возразить молодой человек.

— Нет времени.

— Невозможно! Желаете угробить объект?

Взгляд Генерала стал прямо-таки уничтожающим.

— До завтра сделаете?

Учёный взглянул на часы, потёр слипающиеся глаза и устало произнёс:

— Если не засну прямо над приборами.

Спросонья в голове шумело, а только Влад попробовал приподняться, ещё с закрытыми глазами, правую руку прострелила боль.

— Проклятье! — прошептал он сквозь зубы. Почему-то казалось правильным не издавать громких звуков, не привлекать к себе внимания. Чьего внимания?

Комольцев, так и не вставший с жёсткого ложа, приподнял веки. Вверху над ним колыхался полог из грязно-зелёной ткани — то ли палатка, то ли навес. В голове скрежетнули несмазанные шестерёнки, парень нахмурился, силясь вспомнить, где он и какие события предшествовали засыпанию.

Почему-то перед мысленным взором мелькали невразумительные обрывки: длинные серые коридоры, грязные улочки ночного города, треск автоматных очередей, трупы, распостёртые на асфальте, крики на незнакомом языке. Вспомнился бьющий через край адреналин, когда Влад, очертя голову, кинулся за угол, в неизвестность. Там могли встретить пули, или взрыв, или удар в морду. Но путь впереди оказался свободен. Короткими перебежками — к следующему зданию, полуразвалившемуся и заброшенному, как всё в этих проклятых трущобах. Почему-то рядом никого нет, напарник отстал или, может, уже мёртв. Это неправильно, что Влад не заметил, где потерял своего помощника. Но сейчас главным в жизни кажется добраться до этих руиноподобных стен, где по сведениям разведки засел противник.

«Неужели я всё-таки им попался? — чувствуя холодок в груди, подумал Влад. — Рука болит, значит, ранили. Но почему я не помню, как это произошло? Где я?» Он поднялся с тонкого матрасика, набитого то ли травой, то ли соломой, и осмотрелся. Это оказалась вовсе не палатка, по крайней мере не такая, к каким он привык. Шатёр, вроде уменьшенной копии цирка-шапито. Цвет ткани, сперва показавшийся стандартным хаки, был немного другого оттенка. Под ногами — утоптанная земля, кое-где покрытая чахлыми кустиками травы. Вдоль матерчатых стен ещё несколько таких же спальных мест, как то, на котором проснулся Влад. Сквозь узкую щель около входа падает серый утренний свет.

У Влада в черепной коробке жило ощущение пустоты и беспорядка, хотя непонятно, как можно навести беспорядок в пустоте. Картинки с боевыми действиями резко побледнели и отступили, оставляя только неприятный осадок ночного кошмара. Парень потряс головой, как будто это могло помочь разместить мысли правильно. Не подействовало. Правое плечо действительно было ранено, но вполне профессионально наложенная повязка остановила кровотечение. Никаких вещей в пределах шатра не наблюдалось, ни вещмешка, ни фляги, ни лука с колчаном, ни кинжала. «Стоп! Какой лук? Где мой автомат?!»

Мысленные образы сменились, и вместо городских окраин возник дремучий лиственный лес, сверкание лезвий и плюющиеся огнём шары. Звери и люди. Светловолосая девушка. И снова что-то иное — ярко освещённая комната с белыми стенами, холодная металлическая поверхность под спиной, датчики, прикреплённые к вискам, расплывающееся нечёткое лицо, молодое, со взлохмаченными каштановыми волосами. Маленький фонарик вспыхивает перед глазами. Губы на лице шевелятся:

— Эй, повторный наркоз! Он же ещё в сознании!

Боль, разрывающая мозг в кровавые клочки.

— Наркоз, я сказал!!!

Влад непроизвольно вскрикнул, настолько яркими были воспоминания. «Что же происходит?» В голове крутились три слова, непонятно, к чему относящиеся, неизвестно, откуда взявшиеся: Эксперимент и Город Призраков. Парень, чувствуя себя совершенно разбитым и потерянным, вновь опустился на своё неудобное ложе и сам не заметил, как провалился в сон.

Когда Чезаре вернулся в лагерь с пустыми руками, не приведя пленного, кардинал настолько разъярился, что мальчишке подумалось — прикажет повесить без суда и следствия. Но гнев Гаэтано был недолог, он всегда отличался конструктивным мышлением и решил, что расправа над непослушным отпрыском подождёт до тех пор, пока не придут остальные участники сражения. Возможно, нужный человек будет с ними.

Воины-ополченцы под предводительством Лоренцо подтянулись ближе к ночи, когда между стволами дубов уже собрались таинственные сине-чёрные тени, а на небе начали загораться звёзды. И новости тоже были неутешительными. Поле боя осталось, если можно так выразиться, ни за кем. Враги разошлись, поняв, что, сражаясь дальше, понесут слишком большие потери. Инквизиторы не сумели добиться своих основных целей: пробиться к дому главного мага и уничтожить либо обезвредить ведьму. А оборотни не рискнули преследовать отступающих ополченцев из боязни угодить в ловушку. Необходимого главе Святой Палаты пленника с вернувшимся отрядом не было.

Гаэтано, выслушав доклад Лоренцо, перевёл тяжёлый взгляд на сына и приказал взять его под стражу. Чезаре оттолкнул протянувшиеся к нему руки солдат и буркнул:

— Сам пойду.

У мальчишки забрали оружие и препроводили в палатку в центре лагеря, где он и сидел весь вечер, размышляя, а не сделал ли роковую для своей судьбы ошибку, оставив на свободе Влада. За полотняной стеной шатра стрекотали сверчки, и под этот уютный, убаюкивающий звук не верилось в плохое. Однако Чезаре отдавал себе отчёт в том, что его осудят и казнят свои же. «Это неправильно! Я же истинно верующий католик! Я всегда был только на стороне Церкви», — возмущался внутренний голос. Но его оппонент (может, совесть, а может, здравый рассудок) возражал: «Ты сам завёл себя в тупик. Никто не тянул тебя помогать еретикам спасти ведьму». Мальчишка сидел, обхватив колени руками и уставившись в одну точку, довольно долго. Как вдруг полог распахнулся и появившийся солдат позвал:

— Эй, его высокопреосвященство желает тебя видеть.

Гаэтано в упор глянул на сына и сказал:

— Благодарю Бога за милосердие.

Чезаре перекрестился, молча ожидая продолжения речи. Ясно было, что отец хочет сообщить что-то важное.

— Господь привёл в наши руки отступника. Будем надеяться, что так же он приведёт его в стан истинной веры.

Лучник поражённо вскинул брови:

— Влад пришёл сам?

— Нет, естественно. На него наткнулся патруль, совсем недалеко от лагеря. Видать, заблудился и обессилел от потери крови. Тебе крупно повезло, мой мальчик. Считаю, что я забыл о твоей оплошности во время битвы, когда ты его упустил. — Чезаре, конечно, не стал

вдаваться в подробности и не сказал кардиналу, как всё было на самом деле, а просто заявил, что не смог выследить сбежавшего противника. — Надеюсь, что теперь, когда еретик здесь, ты приложишь все силы, чтобы убедить его перейти на нашу сторону.

— Зачем это тебе, отец? — мальчишка не выдержал мук любопытства и озвучил давно терзавший его вопрос.

Гаэтано слегка улыбнулся, одними губами.

— Если я могу хоть что-то сделать, чтобы ещё одна душа обрела вечное блаженство, то я это делаю.

Чезаре беззвучно выругался. «Не собирается открывать мне карты! Ну и ладно. Он может что-то сделать для вечного блаженства! А уговаривать-то я должен, а не он!» Произнесённое вслух никак не отражало кипящего внутри негодования:

— Хорошо, я постараюсь.

Кардинал милостиво кивнул, улыбнулся шире, но глаза остались холодными.

— Рад, что ты хоть раз в жизни со мной не споришь. Когда пленник придёт в себя, я сначала сам с ним побеседую, но ты будь готов тоже привести аргументы. Меня он наверняка воспринимает предвзято, что вполне объяснимо, а вот к тебе прислушается. Думаю, очнётся Влад не раньше завтрашнего утра, так что отдыхай пока. — И властным жестом Гаэтано позволил сыну удалиться.

Тянущая неприятная боль в голове, сухость во рту, лёгкая тошнота, резь в глазных яблоках от яркого света... Влад ощущал все симптомы похмелья, хотя в последние несколько дней не брал в рот ни капли спиртного. В отличие от прошлого пробуждения парень отчётливо помнил случившееся: очередное сражение стаи и инквизиторской гвардии, «взрывная волна» (как он окрестил про себя сие явление) от магии Лионеллы, ранение, блуждание по чащобе, разговор с Чезаре, снова непролазный лес... и на этом всё. Никакого походного лагеря с матерчатыми шатрами в воспоминаниях не фигурировало.

Влад нахмурился, соображалось плоховато, учитывая поганое самочувствие. Однако кусочки мозаики сложились довольно быстро. Походный лагерь, отсутствие вещей и особенно оружия. «Вот ведь влип так влип! Я же у инквизиторов, судя по всему... Конечно, — он оценил мастерство, с которым забинтовали раненую руку, — сразу к стенке ставить, видимо, не собираются. Подлечили вон... Но это внушает скорее опасение, чем надежду. Памятуя о местных методах ведения допросов».

День был в самом разгаре. По крайней мере луч солнышка, проникавший в чуть приоткрывшийся от сквозняка вход, ещё во сне приятно согрел Влада. «Так, что делать? — за неимением сигареты или какого-нибудь мелкого предмета, чтобы повертеть в пальцах, парень начал ковырять краешек матраса. — Возможны два варианта. Либо сидеть-лежать, ожидая, пока за мной придут. Либо самому вылезти наружу. В принципе итог будет одинаковым. Наверняка палатка охраняется, и мне сразу укажут, что нехорошо еретикам разгуливать в сердце лагеря. Но этот путь быстрее. Увидят, что очнулся, и потащат пред чьи-нибудь светлые очи. Что там Чезаре говорил? Вроде папенька его желал со мной пообщаться». Честно говоря, Владу стало даже любопытно, зачем он понадобился главе инквизиции целым и невредимым. Он совсем было решил пойти напролом и как можно скорее нарваться на аудиенцию, как вошёл толстенький невысокий священник, утирающий пот со лба. На боку у него висела вместительная сумка, в которой позвякивало что-то стеклянное, а распятие на груди, в отличие от виденных Владом ранее, было простым

деревянным.

— О, пришёл в себя! Быстро! Я думал, до полудня минимум проваляешься, — фраза прозвучала едва ли не похвалой, будто раненый сам мог выбирать, когда ему очнуться.

Парень не ответил, обрадовавшись, что амулет-переводчик непонятно почему не привлёк внимания обыскивавших и остался на шее. Видать, мутновато-серый камешек не выглядел достаточно дорогим. Священник, абсолютно не опасаясь пленного, приблизился, присел рядом на соседний матрасик и, не обратив внимания на удивлённо-протестующий возглас Влада, принялся разматывать повязку. Рана выглядела не столь страшно, как должна была, если судить по болезненным ощущениям. Почти аккуратный порез от кинжала, конечно, глубокий, но уже не кровоточащий, да и края повреждённой плоти словно тянулись друг к другу, желая вновь стать единым целым. Лекарь извлёк из своей сумы пару пузырьков и чистую тряпицу, вылил на руку Владу добрую половину содержимого первой скляночки, от чего раненый громко выматерился. Жгло снадобье немилосердно.

— Это у вас новый способ пыток, что ли?! — возмутился он, смаргивая выступившие слёзы.

Священник укоризненно глянул на парня, когда услышал ругань, но после вопроса взор смягчился. Похоже, с чувством юмора у лекаря всё было нормально.

— Можно и так применять, — кивнул он, пряча улыбку. — Но вообще-то это ускорит заживление и регенерацию тканей.

«О, какие тут слова умные в ходу», — про себя изумился Влад.

Руки лекаря порхали над пострадавшей конечностью, промакивая выступившую кровь, от пальцев, казалось, исходило приятное тепло и чуть щекотавший кожу ветерок.

— Тут зашивать надо, — буркнул парень, следя за процессом обработки раны.

— Он меня ещё учить будет! — священник откровенно потешался. — Знаешь поговорку, «когда работает санатор, воин молчит»?

Влад нахмурился, задумавшись над значением диковинного слова, и не сразу вспомнил, что так называют инквизиторских лекарей, которые, если верить Конраду, умеют заговаривать даже очень тяжёлые ранения.

Добродушие и весёлость врача вызывали непрощенную симпатию. Комольцев пытался напомнить, что он в руках врагов и не следует расслабляться, но этот священник являл такой разительный контраст с тем образом инквизитора, который сложился в мозгу, что где-то в глубине души родилась мысль: «Может, и вправду стоит выслушать противоположную сторону?» Но тут в мозгу возник образ любимой магички, которую здесь не считали даже за человека, и все положительные чувства рассеялись. «Конечно, лечит. Я ведь тут живой нужен. А опять порезать — дело недолгое». Настроение резко упало.

Лекарь завершил свои полуколдовские действия, наложил новый бинт и, чуть поклонившись Владу, направился к выходу из шатра. Влад поспешно поинтересовался, делая невинные глаза:

— Э-э-э... послушайте, я хотел спросить. А где я?

Вот теперь священник не смог удержаться и действительно захихикал, но это почему-то не прозвучало обидно.

— А сам как думаешь? — он подмигнул. — Вижу, что верно думаешь. Так чего зря языком молоть? Ты спрашивай о том, чего не знаешь. И предугадывая твой вопрос, отвечаю: кардинал весь истомился уж от ожидания, когда самочувствие позволит тебе с ним побеседовать. Пребывать в неизвестности тебе осталось недолго.

И удалился, оставив Влада обалдело чесать в затылке.

«Вот тебе и ужасные застенки... Вроде вполне культурно общаются. Люди как люди». Парень осознал, как в течение всех этих дней скучал по простому человеческому общению. Без пафосных фраз о спасительной миссии и помощи, какую только он может оказать, без непонятных непосвящённому законов стаи и без бесплодных попыток понять психологию оборотней, то ли звериную, то ли всё-таки не совсем, без лекций по сущности магии, которые Конрад читал с таким выражением лица, что становилось ясно — и не надеется, что Влад поймёт хоть половину из сказанного. Вот, казалось бы, и перемолвился с лекарем всего-то парой фраз, а на душе полегчало.

— Монсеньор, может, мне лучше присутствовать? — спросил Лоренцо во время завтрака с кардиналом. Трапеза вышла поздней, потому что после вчерашних событий — битвы и пленения нужного человека — инквизиторы долго обсуждали и совещались, как лучше обрабатывать пришельца из другого мира. Время близилось к полудню, и двое предводителей Святой Палаты кушали под открытым небом, неподалёку от шатра кардинала.

Гаэтано, обсасывая перепелиную косточку, ответил:

— Не надо. Он наверняка узнает тебя. Не стоит сразу вызывать негативные воспоминания о римской тюрьме.

Санктификатор пожал плечами:

— По-моему, пленник и так чувствует себя достаточно неудобно. Моё лицо вряд ли сильно накренит чашу весов не в нашу пользу. Есть у меня предчувствие, что Влад не выразит желания сотрудничать в любом случае, кто бы с ним ни говорил и кто бы при этом не присутствовал. А я в силах оказать лёгкое, почти незаметное давление на его сознание, чтобы вызвать доверие к вашим словам.

— В прошлый раз у тебя не получилось пробиться, если помнишь...

— Тогда я был измотанный, во-первых, а во-вторых, не знал, кто он. У людей из Мира без Бога существует некая естественная... защита от ментального воздействия. Но обойти её элементарно, если заранее подготовиться, — глаза у Лоренцо азартно засверкали. Он сейчас говорил о том, что знал и умел в совершенстве.

Кардинал отодвинул опустевшую тарелку, и её тут же забрал слуга, зорко наблюдавший за завтраком господ с другой стороны поляны. Неторопливо промокнув губы салфеткой, Гаэтано проговорил:

— Лоренцо, ты ведь можешь использовать божественную силу, — почему-то последнее словосочетание прозвучало чуть-чуть иронично, — и не стоя лицом к лицу с объектом.

— Это вряд ли осуществимо, ваше высокопреосвященство. — Голос был сух и бесстрастен.

После битвы, после своего поединка с белокурой ведьмой Лоренцо старательно, но тщетно гнал из головы размышления о магии. То, что произошло с ним в ловушке, не поддавалось логическому объяснению. Если опираться на стандартные, канонические представления о способностях санктификаторов, то инквизитор должен был оставаться запёртым в «колодце», пока магичка не сняла заклинание или пока бы не умерла. Вероятность прямого вмешательства божественных сил тоже не исключалась, но освобождение Лоренцо не тянуло на явленное чудо. И единственной жизнеспособной версией становилось то, что была применена истинная магия, за использование которой

люди расплачивались длительным заключением, пытками и мучительной смертью в огне. Санктификатор упорно не желал смиряться с такими выводами, однако был слишком умён, чтобы отрицать их.

На воре, как говорится, шапка горит. От слов кардинала Лоренцо продрал морозный коготок по спине. «Неужели он знает? Или догадывается?» По чёрным глазам Гаэтано невозможно было понять: действительно ли он непостижимым образом раскрыл тайну подчинённого или понимающая усмешка только чудится.

— Я считаю, что у тебя получится, — настаивал на своём кардинал, пряча выражение лица за бокалом с вином.

— Монсеньор, — вздохнул Лоренцо, — санктификаторы могут с Божьей помощью воздействовать на людей только с близкого расстояния и находясь в прямой видимости. В этом отличие от накладываемых колдунами проклятий, которые можно сотворить над символическим изображением объекта. Например, используя восковую фигурку, чучело из соломы, рисунок на земле или, в случае с особо способными магами, мысленное представление о человеке.

— Спасибо за лекцию, — насмешливо склонил голову Гаэтано. — Что ж, значит, обойдёмся без твоей помощи.

— Ваше высокопреосвященство! — в проходе между тесно стоящими шатрами появился спешащий изо всех сил толстенький лекарь. Он на ходу промокал обильно потеющий лоб.

Кардинал обернулся, нетерпеливо вскинул бровь, ожидая, пока священник подбежит и отдышится.

— Пленник... очнулся... только что... — Санатор перевёл дух.

— Отлично, — Гаэтано тут же начал давать указания.

Лекарю:

— Спасибо. Пойди, помоги с нашими ранеными, санаторы не справляются.

Лоренцо:

— Ты всё-таки будь где-нибудь поблизости. Вдруг понадобится оказать... как ты говоришь?.. давление на сознание.

Солдату, дежурившему около кардинальского шатра:

— Привести пленника ко мне, сейчас же.

Влад уныло подсчитывал потери: фляга с водой (кстати, а пить-то хочется), ремень (помнил, что использовал его в качестве жгута, но где он сейчас...), кинжал, лук и колчан со стрелами, сигареты, а также кремень с огнивом. Короче, проще перечислить то, что осталось. Своё собственное тело, немного побитое жизнью, но ещё пригодное к использованию. Из одежды — футболка, штаны без ремня и сапоги. Всё. «Негусто, — подумал Влад. — Придётся, видимо, с боем добывать. Правда, с отсутствием сигарет остаётся только смириться».

Следующим посетителем был угрюмого вида солдат с оспинками на щеках, который явился минут через десять после ухода добродушного лекаря. Он буркнул:

— Пойдём!

И Влад, оценив количество оружия, которым был прямо-таки увешан стражник, счёл за лучшее повиноваться без возражений. Оказавшись на улице, парень по привычке внимательно фиксировал всё, что видел, мозг искал возможные пути бегства. Влада окружал обычный военный лагерь, в общем-то мало чем отличавшийся от тех, в каких ему доводилось бывать в своём мире («Ух ты, а я, кажется, начинаю что-то вспоминать про прошлую жизнь!» — обрадовался Комольцев). Десятки полотняных «палаток» вроде той, где он очнулся, костры, над которыми бурлили котелки с чем-то вкусно пахнущим, воины, занимающиеся кто чем. Вели Влада, судя по всему к центру лагеря, потому что шатры становились выше и опрятней, а рядовые солдаты уже не празднично шатались, ели и дремали, а стояли на дежурстве около каждого.

Вот и конечный пункт. Влад приостановился, разглядывая шатёр, на «фасаде» которого золотилась искусная вышивка: на одной стороне полого картинка с необычным сюжетом — чем-то напоминает Георгия Победоносца, только вместо дракона скалится огромный волк, а героический воин пеший, на другой половине — два поднявшихся на дыбы навстречу друг другу единорога. Комольцев не сразу припомнил, где видел подобное, уже когда конвоир подтолкнул парня в плечо, перед глазами всплыло оформление замочной скважины на двери подземного хода. «Может, это герб кардинальский?» Сделав шаг, Влад попал внутрь походной резиденции главнокомандующего.

Шатёр разделялся на минимум две «комнаты» матерчатой перегородкой. Первая половина представляла из себя что-то вроде приёмной. Невысокий столик, накрытый для лёгкой трапезы — бутылка вина, яблоки, хлеб и сыр, деревянный стул с высокой прямой спинкой — для посетителей — и кресло самого главы инквизиции, в котором он и восседал.

Кардинал оказался ещё не старым мужчиной, лет сорока пяти, но уже с изрядно посеребрёнными сединой волосами, с проникающим в душу взглядом тёмных глаз. И в отличие от того же Конрада, лезущего в мысли непосредственно с помощью магии, священник добивался такого эффекта, видимо, просто-напросто большим жизненным опытом. Сразу становилось ясно, такого человека на мякине не проведёшь, так как он столько всего видел и чувствовал, что без труда распознает фальшь.

— Присаживайся, сын мой, — голос инквизитора прозвучал почти приветливо, но при этом фраза воспринималась скорее как приказ, чем как вежливое предложение. Кардинал привык повелевать.

Влад опустился на свободный стул, который вопреки внешнему впечатлению оказался

вполне удобным, и выжидательно посмотрел на священника. «Знаю ведь, что я тебе очень нужен. Вот и начинай разговор первым». От вида еды непроизвольно выделилась слюна и слегка заурчало в животе. Глава инквизиции кивнул в сторону столика и сказал:

— Ты, наверное, голоден. Угощайся. И вина налей, с моих виноградников, отличный сорт.

«Угу, а оно отравлено, — подумал Влад, в то же время понимая, что убить его можно тысячей более простых способов, чем портить высококлассный алкоголь ядом. — Ну, значит, какое-нибудь зелье, развязывающее язык, добавлено». Инквизитор мгновенно подметил заминку в поведении пленника и улыбнулся, капельку насмешливо:

— Подозрительный, да?

— Скорее, осторожный.

Это были первые слова, которые Влад произнёс вслух. Кардинал очень внимательно вслушался, точно силясь уловить малейший нюанс произношения. Затем протянул руку и плеснул из бутылки в два бокала, поднял один из них и пригубил напиток, неторопливо закусил кусочком сыра.

Влад последовал примеру инквизитора, потому что ощутил, как желудок свёртывается в трубочку и протестует против голодовки. Вино было в меру терпкое, а сыр таял во рту, как пища небожителей. Хотя, возможно, что парню сейчас и заплесневелая корочка показалась бы райским яством. Однако спокойно насладиться едой ему не дали, кардинал, больше вертевший бокал в руках, чем действительно пивший из него, спросил:

— Как тебя зовут, сын мой?

«А то ты не знаешь?! Чезаре всё должен был сообщить».

— Владислав Комольцев. Можно просто Влад. — Парень подхватил кусочек хлеба и соорудил бутерброд с сыром.

— Позволь представиться, кардинал Гаэтано. Я являюсь главой Святой Палаты, в просторечии именуемой инквизицией. Можешь обращаться ко мне «ваше высокопреосвященство» или «святой отец».

Влад кивнул, принимая информацию к сведению, хотя должность собеседника не являлась для него секретом. Парня подмывало прямо спросить: «Зачем я вам нужен?», но он сдерживался. «Сижу удобно, ем вкусно, разговаривают вежливо. Вот бы и дальше так. Зачем раньше времени любопытство проявлять, сам всё скажет».

Видя, что пленник не спешит откровенничать, Гаэтано улыбнулся про себя. Сидящий перед ним мужчина держался уверенно, без страха, и этим всё больше нравился инквизитору. Кардинал привык к тому, что все попадающие в его руки еретики либо с первого слова начинают оскорблять Церковь, Бога и лично священника, либо трясутся от ужаса, не в силах связать два слова. Влад, судя по всему, был вполне готов к конструктивному разговору.

— Веруешь ли ты в Бога, сын мой? — очередной вопрос священника явно содержал подвох.

— Крещёный, — пожал плечами Влад.

— Это не ответ.

Парень оторвался от бутерброда, взглянул на кардинала и усмехнулся:

— А чем вас не устраивает, святой отец?

— Мне хочется знать, есть ли вера в твоей душе, а не прошёл ли ты давным-давно

официальный обряд. Я встречал на своём веку огромное количество еретиков и отступников, которые носили распятие на груди.

Влад мысленно чертыхнулся. Надо было что-то отвечать, но парень никак не мог решить, что будет лучше: сразу признаться в своих сомнениях относительно существования Бога или соврать. Пока он взвешивал «за» и «против», Гаэтано вновь милостиво улыбнулся и махнул рукой:

— Ладно, оставим. По твоему молчанию и так всё понятно. Откуда ты родом, из какой страны, из какого города?

В разговоре опять повисла пауза, и инквизитор ехидно добавил:

— Или правильной спросить, из какого мира?

Влад поперхнулся вином и долго откашливался, дольше, чем это было необходимо, просто для того чтобы потянуть время и обдумать неожиданный вопрос. «Что ж это такое? Выходит, он в курсе, что такое возможно? Хотя, собственно, почему нет? Конрад тоже сразу догадался». Однако к такому повороту беседы парень был не готов и не знал, как реагировать. На этот раз инквизитор не собирался позволить пленнику отмолчаться и терпеливо ждал, пока тот вернёт себе способность говорить. Влад наконец отдышался и слегка сиплым голосом произнёс:

— Я не знаю, как называется ваш мир и мой мир. Поэтому не могу ответить. Догадываюсь только, что я уже давно не дома.

— Надо же, — удивлённо произнёс Гаэтано, — не ожидал, что ты сразу признаешься. Разве те, кто тебя послал, не отдали приказ хранить в секрете твоё происхождение и задание? Кстати, в чём оно состоит?

«Определённо сегодня день сюрпризов, — почесал в затылке Влад. — Меня, похоже, принимают за секретного агента».

— Смешно, — парень действительно не смог сдержать горькой усмешки. — Я сейчас объясню, и вы тоже посмеётесь, святой отец. Я не шпион, я преступник. Меня приговорили к изгнанию в эту реальность. Очутился я здесь неделю назад, посреди вот этого самого леса. И никакого задания у меня нет.

Ещё не закончив своих откровений, Влад увидел, что инквизитор не верит ни одному слову. «Конечно, я б на его месте тоже не поверил, наверное. Выходит, у них и до меня появлялись люди из моего мира и скорее всего не с целью установления культурных связей. Проклятье, попал я! Мало того, что в ереси меня обвинить — раз плюнуть, так ещё и шпионаж навесят! Странно одно, почему это контрразведывательной деятельностью занимается инквизиция? Они вроде больше по религиозным преступлениям».

— Тогда почему ты взялся помогать нелюдям? — Гаэтано наклонился вперёд, внимательно всматриваясь в лицо Влада. От пронзительных чёрных глаз делалось неуютно. Приветливая улыбка с губ инквизитора давно пропала.

«Ох, опять те же вопросы!.. Как уже Чезаре в своё время с ними надоел! И самое противное, что я и себе-то не вполне могу объяснить, почему я так поступил».

— Потому что они спасли мне жизнь.

Это была не совсем правда, но парню абсолютно не хотелось раскрывать все тайны своей души и рассказывать про светловолосую красавицу-ведьму. Да и о своей патологической нелюбви к инквизиции и подобным ей учреждениям лучше было умолчать.

— Спасли, чтобы тут же отправить тебя в бой, где ты легко мог погибнуть. Думаешь,

для них имеет ценность твоя жизнь и судьба? До той поры, пока ты нужен в качестве разведчика, пока выполняешь ту работу, которая для зверей слишком опасна, без сомнения, ты — выгодный союзник. А сейчас? — Кардинал хитро прищурился. — Так ли уж необходим стае лучник-любитель? Слабый человек, не умеющий быстро бегать и рвать когтями добычу? Никому не известный пришелец, не владеющий магией?

Владу подобные мысли уже приходили в голову. Действительно, не так он необходим волкам, если оценить прагматически. «Но не всё в жизни держится лишь на расчёте. Лионелла любит меня. А с Конрадом мы столько вместе прошли, вспомнить только Ватикан». Но противный внутренний голосок шептал, что признаний в любви от магички он ни разу не слышал, секс и пара ласковых слов — не доказательство искренности чувств, а Конрад всегда держался несколько отстранённо и дружеского участия в его поведении не наблюдалось. В висках у парня зародилась лёгкая, почти незаметная боль.

Лоренцо не видел кардинала и пленника, но полотняная стена, перегораживающая шатёр главы инквизиции наполовину, не являлась препятствием для звуков, и разговор доносился отчётливо. Санктификатор удобно расположился в любимом кардинальском кресле, обтянутом красным бархатом, и наслаждался покоем. Драгоценные минуты отдыха, которых столь немного выдаётся во время бесконечных боевых действий. Конечно, ему позволили вольготно развалиться на месте начальника вовсе не из доброты, глава инквизиции не поверил окончательно в то, что Лоренцо не может повлиять на допрашиваемого без визуального контакта.

Священник поглаживал гематитовые бусины, раздумывая, стоит ли пытаться осуществить распоряжение кардинала. Не то чтобы Лоренцо вправду считал, что у него не получится. Скорее, опасался обратного. А точнее, реакции монсеньора Гаэтано на успех, после того, как ему объяснили, что подобное могут совершать только колдуны.

Беседа, пока мало чем напоминающая допрос, текла своим чередом, а Лоренцо продолжал думать о своём. Но когда голос кардинала стал более жёстким и начал развенчивать убеждённость пленника в доброте и бескорыстии оборотней, санктификатор прислушался внимательнее. Перед глазами возник образ Влада, хорошо запомнившийся ещё со времени первой встречи в Риме. Лоренцо потёр скулу, вспоминая, какого глубокого фиолетового цвета синяк он тогда заполучил на своё холёное лицо. Между пальцами родилась тёплая искорка, а бусины чётко, наоборот, стали ледяными. Продолжая перебирать камешки, священник, увлечённый своими мыслями, не сразу обратил внимание на то, что происходит.

— Дьявол! — ругнулся он шёпотом. Сжал чётки в ладони, прекратив движение. Но магия (а сомневаться в том, что это именно она, было глупо) не исчезла. Лёгкое приятное покалывание в ладонях не проходило.

«Надо с этим что-то делать! — встревоженно подумал Лоренцо. — Рано или поздно, но кардинал заметит, если уже не обратил внимание. Эх, как бы выяснить, это только моя проблема или все молящиеся на самом деле — обычные маги?..»

— Согласен, оборотни мне не за красивые глаза помогли, а потому что им требовалась ответная услуга. Но и после того, как я её оказал, меня не потащили на жертвенник и не решили состряпать из меня ужин. Волки относятся ко мне как к надёжному боевому товарищу, несмотря на то, что я, конечно, не силён в мастерстве владения местным

оружием. — Как только заболела голова, мысли о том, что маги банально использовали его в своих целях, тут же исчезли. — А вот вы, святой отец, как относитесь к своим солдатам? Приговорить собственного сына к смерти за то, что он не смог справиться с превосходящими силами противника, за то, что не умер в плену, а посмел выжить и вернуться!

Гаэтано недоумённо поднял бровь. Такой отповеди он не ожидал. «А этот безбожник не перестаёт меня удивлять. Откуда ему известны такие подробности?»

— Поясни, с чего ты взял, что я осудил своего сына?

— Так он мне сам рассказал! — Комольцев запнулся, поняв, что сболтнул лишнее.

— Угу, сам сказал, — ободряюще покивал кардинал. — Замечательно.

«Язык мой — враг мой! — подумал Влад. — Меньше десяти минут беседуем, а я уже говорю то, о чём лучше смолчать. Подставил мальчишку, дурак. Думать надо сначала, а потом говорить! Ох, что ж голова так трещит?!»

Гаэтано тем временем продолжил:

— В твоём мире солдат не отдают под трибунал за предательство и дезертирство? Если так, то вы глупцы. И если тебя волнует судьба Чезаре, то скажу, что официально никакие обвинения ему не предъявлены. Пока.

«Думаешь, что для его спасения я соглашусь сотрудничать? Ошибаешься. Жалко, конечно, парня, но он мне в общем-то никто. А Лионелла и Конрад уже почти родными стали».

— Какая выгода оборотням от меня, вполне понятно. А вот зачем я нужен *вам*? — Влад сделал ударение на последнем слове. Не смог удержаться, чувствуя, что кардинал может до вечера обрабатывать допрашиваемого, перескакивая с темы на тему.

Кардинал подлил вина в оба бокала, не торопясь отвечать:

— Ты, наверное, думаешь, что меня интересуют военные тайны нечисти? — он отрицательно помотал головой. — Вовсе нет. Я их все знаю. Эта война закончится поражением оборотней, дело лишь во времени. Нелюдям негде брать подкрепления, а ко мне подходят всё новые и новые отряды. Изначально против моих солдат была местность, незнакомая и враждебная. Но идут дни, и лес обживаетеся. Появляются тропы — человеческие, а не звериные. У меня в гвардии достаточно следопытов, чтобы изучить дубраву и более не попадаться в глупые ловушки. Магов-союзников стаи всего лишь двое, да и то действовать они могут только по одиночке. Не спорю, девушка сильна, но сможет ли она изо дня в день колдовать столько? Или в одно прекрасное утро почувствует, что не в силах подняться с кровати, не то что сотворить заклинание? В войсках инквизиции много сильных санктификаторов и деустов. Один раз ведьма уже проиграла.

В голосе Гаэтано слышалось торжество, смешанное с насмешкой. Он помнил, что магичка является слабым местом человека из другого мира. И специально сделал акцент на её незавидной участи.

«Слушаю кардинала и сам начинаю верить, что до нашей победы остались считанные дни, — восхищённо подумал Лоренцо. — Это я-то, знающий сколько мы потеряли и сколько лежат с тяжёлыми ранениями. И как трудно подавить магию, которая опирается на силу стаи. Пока жив хотя бы один оборотень, стоящий рядом с ведьмой, побороть её непросто. А иногда складывается впечатление, что и лес словно помогает ей. Если б я не был в курсе всех трудностей, то, пожалуй, поверил бы монсеньору безоговорочно».

«Лионелла, девочка моя, что же с тобой будет? Не может быть, чтоб не было выхода. Если инквизиторы победят, то тебя всё равно осудят и сожгут. — Влад вздрогнул от одного представления об ужасной казни. — Что же делать?»

Гаэтано с удовлетворением наблюдал за смятением чувств на лице пленника и не спешил продолжать.

— Так что же вам нужно? — повторился Влад.

— Ты хочешь, чтобы война закончилась, человек из другого мира?

Похоже кардиналу доставляло удовольствие постоянно отвечать вопросом на вопрос. Парень кивнул, чувствуя пятой точкой, что где-то здесь таится подвох.

— Вот видишь, значит, цели-то у нас с тобой одинаковые, — инквизитор опёрся подбородком на сложенные ладони.

— Не думаю. Ваша победа означает смерть тех, кто мне дорог.

— Не перебивай меня! — в голосе Гаэтано прорезались резкие властные интонации. — Война не выгодна ни для кого. Гибнет много людей... и нелюдей.

Влад не смог удержаться и опять прервал собеседника возмущённым восклицанием:

— Вы сами её начали! Кто организовал поход? Разве не инквизиция? И после этого вы будете утверждать, святой отец, что вы против войны?!

На этот раз в улыбке кардинала явственно читалась снисходительность, как к малому ребёнку или слабоумному.

— Послушай, Владислав, ты ведь военный человек. Тебе должно быть известно понятие «превентивный удар». Маг, стоящий во главе стаи, Конрад, давно задумал нападение на людские поселения. Но чтобы осуществить замысел, ему необходима одна вещь... Пока он её не заполучил в свои руки, ему не хватит силы на такую войну. Поэтому мы, узнав о намерениях нелюдей, предпочли не медлить и ударить до того, как маг добьётся своего. Вижу, ты удивлён, мой мальчик, — теперь интонации были уже ласковыми. — Наверняка твои союзники не раскрывали карты перед новичком. Я скажу тебе больше, *ты* должен был стать тем человеком, который достанет артефакт для Конрада, но, к сожалению для оборотней, для тебя нашлось более спешное... применение — разведка в Риме.

— Откуда мне знать, что вы не врёте? — во рту у парня пересохло. Не то чтобы он поверил словам инквизитора, но неприятный червячок сомнения в душе завозился. Влад давно предполагал, что Конрад далеко не всё ему рассказывает, да и манера мага говорить в приказном тоне изрядно раздражала. Однако и сидящий напротив священник — не ангел, сразу видно, что свою выгоду не упустит.

— Ложь — грех, сын мой, — Гаэтано сотворил крестное знамение. — Загляни в своё сердце и поймёшь, что я прав. Не надоело ли быть игрушкой в лапах нелюдей?

— Что за артефакт?

Когда Влад задал этот вопрос, кардинал откинулся на спинку кресла с очень довольным видом. Пленник заинтересовался информацией, заглотив наживку. Остальное — дело техники.

— Артефакт... — Гаэтано отхлебнул вина, покатал ножку бокала в пальцах, посмотрел сквозь напиток на солнце, падающее из небольшого окошка. — Ах да, конечно, артефакт! — воскликнул он, когда увидел, что собеседник чуть не подпрыгивает на стуле от нетерпения. — Это очень древняя вещица, созданная несколько сот лет назад, никто точно не помнит, когда именно. Сейчас она известна под романтическим названием Волчий

Рубин. Если сей драгоценный камень окажется во власти Конрада, то мир охватит хаос. Дело в том, что Рубин увеличивает магические способности. И одна из самых страшных его особенностей — если артефакт использует сильный колдун, то он способен обращать людей в обратную сторону одним своим желанием. Количество нечисти в последние годы и так растёт неумеренными темпами, а представь, что будет, когда безумный маг будет усилием воли облакать обычных мужчин и женщин в волчью шерсть...

Картинка Владу действительно представилась нерадостная. «Конечно, оборотни — не такие уж плохие создания, но... Тут уже пахнет настоящим геноцидом по отношению к человечеству. Если всё сказанное инквизитором — правда, конечно...»

Санктификатор в очередной раз подивился, насколько ловко Гаэтано переплетал истину с ложью. Точнее, даже не с ложью... Там преувеличить, здесь сделать ударение, на вон то обратить излишнее внимание, и в итоге неправды в полном смысле слова практически не остаётся, а впечатление у слушающего складывается такое, которое необходимо кардиналу.

«Тут и без моей помощи можно обойтись, — усмехнулся Лоренцо. — Зачем рисковать и пытаться что-то внушить насильно, если монсеньор и так превосходно справляется?»

Но священник всё же продолжал ощущать покалывание в пальцах, держащих чётки. И магия продолжала рождаться помимо воли санктификатора. «Надо начинать уроки у еретиков брать, а то так недолго и совсем контроль над своими способностями потерять».

— И почему же этот супер-артефакт до сих пор не у Конрада? — нашёл к чему придраться Влад.

— Я тоже долго не мог понять, что ему мешает. Информация поступила ко мне не так давно. Дело в том, что Волчий Рубин находится в... эээ... малодоступном месте, так сказать. Сам маг туда попасть не может, обязательно необходим посредник. Например, ты, Владислав.

— Ага, вот и понятно стало, зачем вы с таким пылом за мной гонялись! Чтобы некому было этот Рубин волкам принести, — парень закинул ногу на ногу, поудобнее устраиваясь на стуле. Наконец план главного инквизитора начал прорисовываться.

— Как же ты наивен, — кардинал в данный момент всем видом напоминал сытого кота, играющего с беззащитной мышкой. — Думаешь, ты незаменим? Нет, естественно. И если б мне просто нужно было убрать тебя с дороги, то незачем было бы прикладывать столько усилий, пытаюсь непременно захватить тебя живым. Одна меткая стрела — и нет проблемы.

Влад в очередной раз понял, что в такие вот перепалки явно не его сильная сторона. А вот монсеньор Гаэтано в них чувствует себя как рыба в воде. В третий раз парень решил не задавать вопрос о том, какие виды у инквизиции на его персону.

— Так вот. Цель у нас с тобой одна — прекратить бессмысленное кровопролитие. Я не идиот и понимаю, что полностью истребить нелюдей не удастся никогда. Церкви нужно, чтобы оборотни сидели в своих лесах и не угрожали мирным жителям окрестных поселений, не нападали и не смущали умы простонародья мифами о свободе и радости, какую якобы даёт обращение в волков. Война, которая идёт сейчас — всего лишь способ приструнить вконец распоясавшуюся стаю. Надо признать, не оптимальный способ. За победу люди платят слишком высокую цену своей кровью.

Лоренцо испытал чувства, схожие с теми, которые возникали, когда он присутствовал на представлениях бродячего театра. Наибольшее веселье в таких случаях вызывает, как правило, абсурдность происходящего на подмостках. Вот и слушая кардинала, санктификатор еле сдерживал смех.

«Слишком высокая цена... Бессмысленное кровопролитие... Когда это вас, монсеньор, волновали чужие жизни, если они приносились в жертву во имя высокой цели? И особенно красиво — про то, что нужно приструнить стаю! Да вы же хотите выжечь их гнездо на

корню, чтобы духа звериного не осталось на многие километры от Рима, готовы залить кровью, человеческой и волчьей, всю дубраву. А что? На удобренной трупами земле трава растёт зеленее и сочнее».

Со стороны, наверное, кажется, что глава инквизиции говорит истинную правду. Только слезу осталось пустить для пушного эффекта. Хотя нет, это приём дешёвых комедиантов, он совсем не к лицу высшим иерархам церкви.

«А пленник-то повёлся, — подумал Лоренцо. — Верит кардиналу. Ещё немножко — и сам предложит свою помощь». Санктификатор уже без удивления воспринимал тот факт, что чувствует душевное состояние допрашиваемого через стену. И человек из другого мира действительно пребывал в замешательстве, склоняясь к доверию.

— Есть другой путь. Если Волчий Рубин будет у инквизиции, то маг не приобретёт страшную мощь и не рискнёт идти в наступление. Это раз. А во-вторых, я смогу выставить мирные условия, которые будут выгодны людям. Чтобы крестьяне и торговцы, путешествующие трактом вдоль леса, могли не бояться внезапного нападения. Чтобы дети в ближайших деревнях не боялись ходить по ягоды и по грибы. Чтобы молодые парни и девки не уходили в чашу в поисках звериной романтики. Разве моя цель — не благая? — поднял бровь Гаэтано.

Владу вдруг вспомнилось когда-то где-то (наверное, в прошлой жизни) слышанное правило ведения спора — задавайте такие вопросы, на которые собеседник будет вынужден отвечать «да», и быстрее добьётесь согласия в главном. Эта ассоциация мигом охладила его мозги, уже потихоньку закипавшие от усиленного желания найти дырки в логике инквизитора.

— Цель превосходная. И она, естественно, оправдывает любые средства. Я правильно цитирую девиз вашей организации? — ехидно поинтересовался парень.

Гаэтано недовольно сдвинул брови. А Влад продолжал:

— Не верится, что инквизиция оставит в покое магов и волков. Не сомневаюсь, что все, кто попадёт под вашу власть, будут казнены, А обсуждение условий мирного договора — вполне удобный предлог для того, чтоб выманить врагов на переговоры и перебить. Я понимаю, что вы клоните к тому, чтобы я помог вам добыть артефакт. Не выйдет, святой отец. Я свою сторону в этой войне выбрал!

Лоренцо тихо зааплодировал. «Браво, безбожник! Будь я на твоём месте, то наверное поверил в доброту и благонамеренность кардинала. А ты справился, уважаю». Внутри санктификатора боролись два взаимоисключающих желания: первое, чтобы задумка Гаэтано удалась и пленник согласился отправиться в нелёгкое путешествие за Волчьим Рубином, а второе, рождённое непонятной симпатией к человеку из другого мира, чтобы он отстоял свои убеждения. Возможно, Лоренцо просто до такой степени не любил ренегатов, легко меняющих свои симпатии, антипатии и воюющие стороны, что всегда внутренне восхищался людьми, идущими до конца в своей вере, преданности, любви... да в любых искренних чувствах.

«Хотя... еретик мог бы быть и похитрее. Согласиться для виду, а потом, освободившись, вести свою политику. Но для этого он слишком честен и прямолинеен, я полагаю... Ну что ж, ему же хуже будет».

Влад мысленно приготовился к тому, что после его заявления последует новый виток разговора, в котором инквизитор прибегнет к более простым аргументам, например, к угрозам жизни и благополучию пленника и его близких. Но парень ошибся. Гаэтано лишь снова кивнул, как будто даже удовлетворённо, словно допрашиваемый оправдал его надежды, и молвил:

— Хорошо, я понял твою позицию, безбожник. Каждый имеет право на своё мнение. На этом позволь откланяться, а тебя проводят обратно в лазарет. Лечись и... подумай всё-таки над моими словами.

Инквизитор потянулся к окошку и окликнул охранника, который тут же появился на пороге.

«Сигарет нету. Путём не наелся (разве это еда — пара бутербродов с сыром?). Мозги промывли почти успешно. Надо же, я ведь был на грани того, чтоб согласиться! Никогда не предположил бы, что такое в принципе возможно. Короче, плохо всё». Влад разместился на своём матрасике, не сразу найдя такое положение, чтобы бугорки и впадинки почвы, очень хорошо ощутимые сквозь соломенную набивку, разместились оптимальным образом, совпадая с очертаниями тела. Устроившись более менее удобно, парень подумал: «Нет, так не пойдёт. Нужно мыслить позитивно. Какие у меня плюсы?» В мыслительном процессе возникла нехорошая пауза. «Нуу... Вино вкусное было. Отрадно то, что поговорили с этим главным святошей спокойно, без угроз. В пыточные пока вроде не тащат... Напрягает слово „пока“... Но не сложилось впечатления, что кардинал сильно расстроен моим отказом работать на него. Как будто этого ожидал. А раз ожидал, значит, туз в рукаве у него припрятан, а может, и не один. Опять плохо».

Придя к выводу, что позитивные стороны в существующем положении практически отсутствуют, Влад стал обдумывать пути изменения ситуации. «Бежать нужно, и чем скорее, тем лучше. Вот только выглядит это малоосуществимым. Я сейчас в глубине военного лагеря, где на каждом шагу — вражеские солдаты. Около выхода — два охранника. Допустим, при очень удачном раскладе, сделав ставку на неожиданность и мою подготовку самбиста, я успею вырубить обоих до того, как они меня скрутят. И что? Вокруг-то куча народу. Мечом я не владею, хотя с таким количеством противников и мастер фехтования не справится. Мне бы гранат хоть штучки три... — замечтался Влад. — Можно дождаться, пока опять придёт лекарь, взять его в заложники, он-то безоружный. И попытаться выбраться. Нет, не нравится мне такой вариант. Во-первых, врач ни в чём не виноват, чтобы им от стрел закрываться. Во-вторых, зная здешние нравы, не факт, что жизнь одного своего будет настолько важна, чтобы из-за неё упускать ценного пленника. В-третьих, даже если я успешно выйду за пределы лагеря, то потом меня столь же легко и без усилий догонят и водворят на место. В результате только себе хуже сделаю».

Парень в задумчивости ковырял землю подобранной где-то палочкой и медленно, но верно погружался в уныние.

«А если согласиться на предложение Гаэтано, пойти в то самое „малодоступное место“, про которое он говорил, типа за Волчьим Рубином, а на самом деле рвануть обратно к Конраду... Нереально, — ответил Влад сам себе. — Так тебя и отпустят одного, под честное слово! Скорее всего сопровождение дадут такое, что не справиться с ним. Кстати, а почему за артефактом не могут сбегать обычные люди, находящиеся под началом инквизиции? Обязательно пришельца из иномирья ждать надо? А если б я тут не очутился? Странно,

весьма странно. Все недоговаривают, все чего-то скрывают... Если вдуматься, то Конрад тоже со мной никакой информацией не делился. Всё больше в приказном порядке — пойдёшь туда, узнаешь это, повоюешь на вон том рубеже. И про Рубин ничего даже не упоминал. Может, и нету никакого артефакта, а инквизитор просто дезу впаривает? Но с какой целью? Чёрт побори этих интриганов!»

Определённо радовал только один факт — после лечения санатора рука почти не болела, правда слушалась плоховато, но это можно было стерпеть.

От невесёлых дум Комольцева отвлёк приход очередного посетителя. «Ой, что-то я популярен становлюсь...» — подумал парень, увидев на пороге шатра Чезаре собственной персоной. Мальчишка пару секунд помялся на одном месте, но потом шагнул внутрь и присел на соседний лежак. Казалось, он не знает, с чего начать разговор, и в конце концов, вместо слов отцепил с ремня вместительную флягу, вытащил пробку, отхлебнул, поморщившись, и протянул Владу. Тот принял ёмкость, опасливо принюхался к содержимому и, уловив знакомый запах самогона, сделал большой глоток. Закашлялся, не рассчитав, напиток оказался как минимум пятидесятиградусным.

— Тоже пришёл меня сманивать на сторону инквизиции? — поинтересовался Влад, когда восстановил нормальное дыхание.

— Я сам уже не знаю! — с досадой махнул рукой Чезаре, вновь прикикая к фляжке. — Отец заявил, что твоё согласие выполнить его задание — единственная возможность для меня доказать свою невиновность. Не понимаю. Надоело до чёртиков быть разменной монетой в чужих играх! Понимаю, что ты не пойдёшь на сотрудничество. Уверен, что ты неправ, но знаю, что уговаривать тебя бесполезно.

Влад похрустел суставами пальцев и спросил:

— И что же делать?

Мальчишка, успевший ещё пару раз отхлебнуть крепкого пойла, взглянул на собеседника слегка окосевшими глазами и помотал головой:

— Не знаю. Не представляю. Запутался я окончательно.

Вежливо, но настойчиво отобрав у него фляжку, Влад надолго задержал её у себя по двум причинам. Чтобы Чезаре не надрался в совсем уж короткое время и чтобы самому выпить наконец нормального алкоголя, а не вина, больше напоминавшего по крепости компот.

Светловолосый лучник с любопытством поинтересовался:

— А что отец от тебя хотел?

— Можно подумать, ты не в курсе!

— Будешь смеяться, но нет. Кардинал не посчитал, видимо, меня достойным, чтобы доверить сию тайну.

— И как же ты собрался меня уговаривать, если не знаешь, что именно от меня требуют? — с иронией осведомился Влад. — Слушай, а пожрать у тебя ничего нет?

— Я не собрался, меня собрали! — сварливо отозвался Чезаре. — Повлиять так, чтоб ты исполнил всё, что скажет отец. А насчёт пожрать... С собой нету, но я могу что-нибудь притащить.

— Принеси, а? А то на голодный желудок совсем не думается.

Мальчишка удалился добывать еду, а Влад покрутил в руках фляжку и присвистнул:

— Ничего себе тут бормотуху изготавливают. Не знал бы, что я в Италии, решил бы, что где-нибудь на родине у себя, в отдалённой деревне выпиваю.

Чезаре вернулся довольно быстро, приволок полкотелка каши, щедро сдобренной кусками мяса, и пару больших ломтей хлеба.

— Ложка вот только одна, — словно извиняясь, улыбнулся он. — Держи. Я в общем-то не голодный.

Под отличную закуску самогон пошёл и вовсе весело. В глазах Чезаре очень быстро появился пьяный туман. Настолько быстро, что Влад даже удивился: «Сильно же на него алкоголь действует. Или просто-напросто перенервничал, что в его положении неудивительно. Ага, — тут же добавил про себя. — А ты-то в каком положении? Даже в худшем, парнишка по крайней мере среди своих, может, и не тронут они его, отбредется как-нибудь. А мне прямая дорога — на эшафот или как тут у них принято казнить...»

— Так что, будешь приводить аргументы в пользу инквизиции? — всё-таки счёл нужным полюбопытствовать Влад, почувствовав, что язык начинает немного заплетаться.

— Не хочу! — гневно буркнул мальчишка. — Они меня предали! Надо же выдумать, что я — я! — еретик-отступник. Я — истинный католик! Не чета многим этим ополченцам, — последнее слово он произнёс с нескрываемым презрением, — которые в добровольцы пошли, чтобы им простились разбой на большой дороге и убийства в городских подворотнях! Ненавижу! Отец, как обычно, из себя невесть кого изображает. Захочу, под суд отдам, захочу, помилую... Как будто от его воли зависит, виновен я или нет. Никому здесь правда не нужна. Только вертят людьми в своих целях непонятных, как хотят. — Он запрокинул голову, отпивая из фляги.

— Да-а-а... Твоя тирада мало способствует созданию положительного впечатления о Святой Палате. — Влад, как всегда в нетрезвом состоянии, принялся изъясняться длинными витиеватыми предложениями. — Значит, и тебя допекли. Что уж про меня, несчастного, говорить. С минуты на минуту жду, когда дыбу приготовят. — Парень хохотнул, словно сказал что-то очень остроумное. — Слушай, Чезар, а пойдём к оборотням! Они ребята компанейские. Всё им объясним, какие козлы эти священники. Волки, они ж не злопамятные. Подумаешь там, пристрелил ты десяток-другой шерстистых. Так и они тож не ангелы божьи.

— Хм, Влад, с виду ты вроде умный, а как говорить начинаешь, так дурак дураком. — В тоне мелькнули покровительственно-высокомерные нотки. — Сколько раз тебе повторять, что с нелюдьми я союзничать никогда не буду? Понимаешь, ни-ког-да. Не к чему в сотый раз обсуждать одно и то же.

Помолчали. У обоих на лицах выделась титаническая работа мысли, выражающаяся в свирепом двигании бровями, выпячивании челюсти и сверкании глазами.

Владу в мысли, расторможенные влиянием алкоголя, вновь пришли сомнения в дружелюбности Конрада. Поняв, что про себя не думается, он решил поделиться своими соображениями с собутыльником и приступил, активно жестикулируя, к проникновенной речи:

— Ты вот говоришь, что устал быть фишкой... эээ... то есть пешкой. Что все кардиналы, епископы и кто тут у вас ещё есть... только своих целей добиваются, не беря в расчёт желания подчинённых им людей. Я вспомнил вдруг, что у меня точь-в-точь похожие чувства возникали при общении с Конрадом. Всё себе на уме, никакие планы не озвучиваются вслух, боже упаси, не говорю уже о том, чтоб обсуждать или советоваться. Элементарной информации жалко! Только я пытался что-то поподробней расспросить, высказать собственную точку зрения, и естественно, в тот момент это оказывалось не ко времени,

нужно было срочно решать другие проблемы, а то вообще отмахивался, будто я такой мелочью интересуюсь, на которую и внимание обращать не стоит. С Лионеллой у них какие-то переглядки постоянные. Они-то понимают, о чём речь, а я как дурачок марионеточный. Куда сказали, туда и побежал. Нужно в Рим на разведку? Пошёл, не зная ни местности, ни обычаев, ни языка, чуть не сгинул там... — Парня передёрнуло от почти позабытого ужаса встречи с призраком тюремных подземелий. — Нужно лучником в засаде посидеть? Согласился, невзирая на то, что оружие подобное пару часов назад впервые в руки взял. Если б не Альберто, бедняга, удобрять бы мне лесную почву рядом с той тропой. В Ватикан идти? Пожалуйста, хоть два раза! И плевать, что идея безумна!

Влад, сам не замечая, разошёлся и понёс чушь, какую в обычном состоянии вряд ли даже подумал, не то что произнёс. Как-то подзабылось, что в бой он постоянно рвался добровольно, а история освобождения Лионеллы — вообще отдельная повесть, он бы не смог тогда по-другому поступить. Однако, не зря говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Может, аргументы парень приводил не всегда верные и корректные, но чувство досады и обиды на скрытных магов было самое что ни на есть подлинное.

Когда парень выдохся и навалился на остатки каши в котелке, Чезаре задумчиво, почти философски произнёс:

— Да уж, попали мы с тобой. Каждый по-своему, но по сути одно и то же. И куда податься — неизвестно. Если говорить начистоту, то сидеть здесь, в лагере и ждать, куда изволит качнуться папенькино настроение, не тянет.

Доскребая последние крошки еды, Влад выдал фразу, гениальность которой дошла до собеседников не сразу:

— Если и там плохо, и сям худо, то надо искать третью сторону. — Парень наставительно поднял вверх ложку, потом облизал её и сунул в опустевший котелок. — Я не знаю географию местности. Что тут вообще поблизости есть? Города какие? Ну, кроме Рима, понятное дело. Может быть, где-нибудь инквизиция не имеет такого огромного влияния.

Чезаре не на шутку задумался над вопросом:

— В Италии Святая Палата везде не слаба. Хотя... я в Риме недавно обосновался, а обучение, воинскую подготовку проходил в Таранте. Это довольно крупный город, располагается по другую сторону дубравы. Так вот, там основное влияние — у начальника гарнизона. Места беспокойные, разбойники пошаливают, а нечисти там немного, поэтому военная сила выше Церкви оказывается. Конечно, и в Таранте охоту на ведьм периодически устраивают, но не в таких масштабах. Жители больше верят в силу доброго клинка, чем в «Отче наш».

— Во! — остановил его Влад. — А если туда? У тебя небось и связи полезные остались в этом городе со времён ученичества.

— Есть пара-тройка людей, кому я доверился бы, не глядя. И много просто знакомых-приятелей. Отдай фляжку!

Мальчишка поболтал сосуд, прислушиваясь. Судя по бульканью, бормотухи осталось не так уж много. Хорошо они посидели, надо сказать... Чезаре с третьей попытки загнал пробку в горлышко и вернул флягу на законное место на поясе.

— Ну пошли? — он поднялся на ноги довольно резво и слегка пошатнулся, силясь найти правильный угол наклона туловища, не грозящий потерей равновесия.

— Куда?

— В Тарант!

— Что, прямо сейчас? — поразился Влад, не ожидавший от парнишки такой резвости. Он-то думал, что придётся долго уговаривать.

— А чего ждать-то? Пока папа надумает тебя пред светлые очи призвать? Или меня? Солнце на заход повернуло. Сейчас караулы будут меняться. Под шумок улизнём — только они нас и видели! — Чезаре весело засмеялся.

«Так, пацану больше не наливать, — усмехнулся Влад, который ощущал лишь небольшой шум в голове да лёгкость в мыслях, но сильно пьяным себя бы не назвал. — Хочется верить, что он действительно сможет вывести меня из лагеря так, чтобы никто не заподозрил. В конце концов, иду с сынишкой кардинала. Хоть он и в опале, но перемещается свободно».

Собутыльники вышли из лазарета, Чезаре не спеша подобрал свой лук, оставленный на пороге, и важно объявил вопросительно взглянувшем стражникам:

— Его высокопреосвященство приказал вести еретика к нему, как только я добьюсь согласия работать на нас. Так вот, я уже достиг успеха!

Влад опасался, что солдаты будут возражать, особенно заметив нетрезвое состояние молодого лучника, но всё на удивление обошлось. Старший караула беспечно махнул рукой:

— Давай, давай, снайпер, иди получать медаль на грудь.

Чезаре с Владом направились, старательно изображая из себя пленника и конвоира, поначалу в сторону центра лагеря, чтобы охранники ничего не заподозрили. Но, свернув пару раз между палатками, мальчишка хитро подмигнул и указал на узкий проход между двумя шатрами. Матерчатые стенки смыкались почти что вплотную, но оставалось немного места, чтобы пролез не слишком толстый человек.

— Быстрее, пока никто не обратил внимания, — шикнул Чезаре, подталкивая спутника в нужном направлении.

Действительно, по прихоти фортуны рядом не было никаких любопытствующих. Только несколько ополченцев сидели вокруг костра в ожидании, когда сварится похлёбка, но они разместились на другом конце «площади» и столь увлечённо вглядывались в котелок с варевом, что их смог бы отвлечь разве что внезапно начавшееся светопреставление. Беглецы нырнули в проход, но к разочарованию Влада очутились не в лесной чаще, а всего лишь на очередной прогалине, окружённой шатрами.

— Я думал, мы выбрались уже, — тихо, но возмущённо проговорил он.

— Выбрались! — передразнил Чезаре. — Скорый какой! Если б всё было так просто! — И уверенно двинулся дальше.

Владу ничего не оставалось, кроме как следовать за своим полупьяным проводником и надеяться, что тот знает, что делает. Довольно быстро Комольцев запутался, не улавливая логики в их перемещениях, и даже мелькнуло подозрение, что её вовсе нет и мальчишка заблудился. Похожие один на другой шатры, дымящие костры, оружейные стойки, на которые Влад завистливо косился. В маршруте всё-таки оказался заложен скрытый смысл, они явно шли по тем местам лагеря, где было меньше народа.

— Стой! — приказал Чезаре громким шёпотом и придержал спутника за плечо, они притаились около очередной стенки из грязно-серой ткани. Влад услышал, что в двух шагах от них прошли, переговариваясь, трое или четверо мужчин. Как только их голоса отдалились и затихли, лучник потащил бывшего пленника вперёд. — Да шевели ты ногами! Тут с минуты на минуту новая смена появится!

Они шустро, но по возможности стараясь не шуметь, пересекли расчищенную от деревьев границу лагеря и скрылись среди подлеска. Лишь минут через десять быстрой ходьбы беглецы приостановились отдышаться и передохнуть. Влад, опустившись на поваленное бревно, удивлённо спросил:

— Это у вас часовые всегда настолько безалаберны? Уходят с поста раньше, чем смена появилась. По сторонам не смотрят и не прислушиваются. Мы же как кони там носились, мне казалось, и глухой услышал бы.

Чезаре усмехнулся:

— Места надо знать, где выбираться. Там дежурили наши замечательные добровольцы. Причём, не из бывших преступников, те наоборот очень сметливые и глазастые, а из городского ополчения. Пекари, сапожники, ткачи и так далее. — На лице мальчишки явственно читалось высокомерное презрение, испытываемое профессиональным военным к подобного рода «солдатам». — Им лишь бы поскорее спрятаться в полную безопасность. Надеются на то, что оборотни не рискнут приближаться вплотную к лагерю. Ох, и влетит же им сегодня! — он злорадно потёр руки.

— Повесят их, бедолаг, из-за нас, — посожалел Влад.

— Туда и дорога, — Чезаре было не так-то легко пронять. — Нужно было думать не только о том, что все грехи и долги простятся, и о том, что жалованье высокое, но воевать быть готовым. А то все хотят чужими руками жар загрести. Потом будут бахвалиться, что, дескать, в походе карательном участвовали, с нечистью бились. А на деле только кашу лопали и в караулах стояли. А какие из них охранники, мы видели. Повесят, другим nepовaдно будет!

«Мальчишка в принципе верно говорит. И имеет на это моральное право. Сам-то никогда от сражений не бегал, даже наоборот. Но всё равно слишком циничные слова для такого молодого...»

— Давай выпьем, что ли, за упокой их душ, — предложил Влад, скрывая за равнодушной ухмылкой истинные мысли.

— Согласен. — Чезаре вновь раскупорил заветную флягу.

— В Тарант твой — это куда идти-то? В какую сторону?

— Вообще-то на северо-восток, но если напрямую, то там владения стаи. Нужно обходить, пойдём сначала на восток, потом полукругом на отдалении от их границ. Дольше, зато больше шансы живыми остаться.

— Как скажешь, — кивнул Влад. Помянув незадачливых караульных, собутыльники двинулись в дальнейший путь. Опасение, что их отсутствие заметят очень быстро и тут же пойдут по следам, не позволяло расслаживаться на месте.

К большому удивлению Влада, оказалось, что в нетрезвом состоянии по лесу ходить намного проще. Как-то и кусты ветками не цеплялись, и трава ноги не опутывала, и ямки попадались не слишком часто. Или, может быть, парень не замечал таких незначительных неудобств. Припустили они с Чезаре чуть ли не бегом, но при этом умудрялись продолжать опустошать флягу.

В дубраве уже сгущались сумерки. Широкие листья становились непреодолимой преградой на дороге солнечного света. Косые лучи, словно утомившись за день раздвигать своим сиянием зелень, теперь только поглаживали кроны, не стремясь проникнуть внутрь. Было душно, как перед грозой. Пот жгучими ручейками стекал по лбу. Очень хотелось погрузиться в ледяную воду или на худой конец ополоснуть лицо. Уже через полчаса

темнота окутала лес бархатным пологом.

— Эй, Чезаре, а ты при таком «освещении» не собьёшься с дороги?

— Что я, новичок что ли? — обиделся мальчишка. — У меня врождённое чувство направления и большой опыт. Мы с Джулио знаешь сколько раз по чащам лазили в поисках старых святилищ! Думали сокровища найти.

— И как? Нашли? — съехидничал Влад.

— Заброшенный алтарь языческий отыскали, только клада там не было. По крайней мере нам он в руки не дался, если и существовал. Мы туда несколько раз возвращались, я в книгах нашёл сведения о том, как правильно старые сокровища из земли выманывать, но ничего не получилось. Кроме нагоняя за прогулянные тренировки.

— Ну вы даёте, кладоискатели... Под гнев богов не попали случайно, пока рылись на священной земле?

Лица Чезаре в темноте видно не было, но голос помрачнел:

— Не хочу про это рассказывать. Особенно ночью.

Влад думал, что мальчишка возмутится, что языческое капище назвали священной землёй, но ожидаемой реакции не последовало. «Видать, и правда их там здорово припекло. Надо будет не забыть и расспросить в другой раз».

— Слушай, — предложил Комольцев. — Давай на ночёвку становиться. Я что-то соображаю уже плоховато. Вряд ли погоня за нами сейчас пойдёт, они же обратной боятся, а ночь — самое время для нечисти.

Чезаре охотно согласился, и беглецы, выбрав более менее удобную полянку, разместились на отдых. Юный лучник взялся разводить костёр, бормоча под нос ругательства, потому что из рук то и дело выпадал то кремень, то огниво, а высекаемые искры упорно не желали поджигать растопку. Влад поёжился от подступающей вечерней прохлады, в одной футболке становилось не слишком уютно. «Надо было плащик какой-нибудь от инквизиторов прихватить. Не подумал, дурак». Самое противное, что духота никуда не делась, но похолодало. Парень с нетерпением следил за действиями Чезаре, которому наконец-то удалось запалить маленький огонёк. Через пару минут костёр запылал, и сразу стало теплее, уютней, веселее.

— Огонь в ночи далеко виден. Как бы гости не пожаловали, — сказал Влад, сохранивший кое-какие остатки здравомыслия.

Но мальчишка беспечно махнул рукой:

— Наши раньше рассвета за пределы лагеря не выйдут. А твои... их граница должна быть севернее. Думаю, оборотни тоже не полезут на рожон. Давай лучше допьём!

Фляжка вскоре опустела, костёр грел бока беглецам. Усталость и нервозность прошедших дней, крепкий самогон и тепло, сговорившись между собой, легко побороли людей. Влад и Чезаре заснули прямо на голой сырой земле.

Доктор, придерживаясь рукой за стену, направлялся на доклад к начальнику. После вторых бессонных суток и сложнейшей работы, требовавшей идеальной ясности в мозгах, он еле передвигал ноги. В голове бродила одна-единственная заблудившаяся мысль — где-то тремя этажами ниже есть комната с кроватью, и этот предмет мебели иногда используется по прямому назначению. Но верилось с трудом, и Доктор гнал навязчивую идею прочь, относя её к области ненаучной фантастики, которую никогда не понимал и не любил.

В кресло для посетителей учёный почти рухнул.

— Кофе? — заботливо предложил Генерал, у которого тоже под нижними веками темнели круги.

— Нет, — отказался молодой человек. — Тошнит уже от него. Воды холодной, если можно.

Генерал плеснул в стакан воды из графина и подвинул Доктору. Тот, вместо того, чтоб отхлебнуть, вылил всё содержимое себе на голову и за шиворот, изрядно забрызгав обивку кресла. Генерал взглянул неодобрительно, но никак не прокомментировал действие.

— Операция прошла успешно. К утру пациент очнётся, и можно будет отправлять.

— Отлично. А как насчёт Комольцева? Вы проверяли, не дала ли трещину блокировка памяти?

— Я посмотрел только что, вроде всё нормально.

Генерал удовлетворённо кивнул:

— Хорошо. Премия вам обеспечена. Свободны. Можете отдыхать.

Это был странный сон. С одной стороны, Влад понимал, что спит. А с другой, тем не менее воспринимал всё происходящее как реальность. Почему явно противоположные ощущения могли существовать одновременно, было абсолютно непонятно. Но во сне такими вопросами не задаются. Действие то и дело прерывалось, создавая ощущение слайд-фильма.

...Прямо впереди — двухэтажное здание, окружённое сквером. Вообще-то слово «сквер» мало подходит. Больше напоминает ботанический сад: разнообразные деревья, некоторые весьма экзотического вида, с резными листьями и разноцветной корой, цветущие кустарники, распространяющие душистые сладкие ароматы, аккуратные, мощёные булыжником, извилистые дорожки, маленькие фонтанчики, украшенные лепниной. Точнее, так парковая зона должна была выглядеть раньше, в более счастливые и мирные времена. Сейчас цветочные запахи заглушаются дымом, многие древесные гиганты (наверняка ценные и редкие экземпляры) повалены, струи фонтанов с трудом плещутся в засыпанных листьями и каменной крошкой чашах. Тут и там видны воронки от взрывов, вывернутые корни, очаги зарождающегося пожара, который уничтожит хрупкую красоту сада. Дом тоже изрядно пострадал, статуи и орнаменты на фасаде непонятно кого и что изображают, потому что от скульптур отколоты изрядные куски, неопрятными кучками лежащие у подножия стен. Стёкла выбиты. Лишь в двух окнах на верхнем этаже они каким-то чудом уцелели. Из нескольких оконных проёмов вырываются языки огня. На белоснежных когда-то стенах чернеют следы копоты.

Влад не помнил точно, почему он здесь, но точно знал, что внутри изуродованного дворца засел враг. Враг, сопротивлявшийся столь отчаянно, что, казалось, проще сровнять с

землёй весь особняк, чем ворваться внутрь. Несмотря на постоянные обстрелы, несколько штурмов и бессчётное количество попыток скрытного проникновения, осаждённые продолжали раз за разом отбрасывать противника. Хотя в полуразрушенном здании, исковерканном взрывами, не должно было остаться ничего живого. Пару раз, вспомнилось Владу, отряд, запертый во дворце, шёл на прорыв, но тиски правительственных сил сомкнулись слишком плотно. Поэтому тем немногим, кто выжил, оставалось только сдаваться или умирать. Выхода с территории парка не было. Но они не собирались капитулировать.

«Давно надо было бомбами накрыть этот проклятый особняк, и все дела. Сколько можно людей терять? — в душе Влада клубилась злость на генералитет, не берущий в расчёт жизни рядовых. — Нет, понадобились им какие-то документы, хранящиеся там. Да этих бумаг наверняка уже давно не существует! Я бы на месте осаждённых просто из вредности сжёг бы всё ценное, что ещё осталось».

Сегодня утром удалось снять пулемётчика, не дававшего подойти ближе к стенам, и начальство решилось организовать очередную попытку закончить многодневную кровавую эпопею.

...Смена кадра. «А, ну да, это же сон!»

...Они всё-таки смогли ворваться внутрь. Вот только теперь сами не радовались совершённому. Враги лучше разбирались в хитросплетениях коридоров, залов и комнат. Ещё бы, они здесь вторую неделю сидят, каждый сантиметр изучили! Сейчас, похоже, уже штурмовики превратились в дичь, обложенную со всех сторон невидимым противником. «И у этих чёртовых наёмников огромное преимущество — им-то терять больше нечего».

Их осталось пятеро. Влад оказался старшим по званию. В данный момент солдаты засели в небольшой комнатухе на третьем этаже, решая, что делать дальше.

— Сколько же их ещё? — со злостью в голосе проговорил один из молодых рядовых. — Бьём их, бьём, а они словно плодятся! Или мёртвых своих воскрешают!

— Справимся, — буркнул Влад, не ощущая, впрочем, такой уж сильной уверенности в этом. — Мало их уже. Давайте, ребята, последний рывок остался. Главарь их наверху засел, его подстрелим, все сдадутся. Без Лероя этот отряд — всего-навсего кучка продажного сброда!

Сержант не верил в то, что говорил, но это было не важно. Главное сейчас — вселить в уставших, израненных, нервных солдат хоть немного надежды на благоприятный исход.

...Коридор. Сколько же в его жизни было таких коридоров, наполненных смертью... Шикарный ковёр с длинным ворсом тлеет, распространяя удушливую вонь. Опрокинутая деревянная кадка, земля высыпалась, фикус распластался листьями по полу. Посреди валяется картина в треснувшей раме, посреди холста с солнечным пейзажем — отпечаток ребристой подошвы армейского ботинка. И двери. Много дверей.

...-Его нигде нет, командир!

— А документы эти проклятые?

Солдаты пожимают плечами. Их осталось двое. Вместе с Владом — трое. Комольцев утирает кровь, бегущую из рассечённой брови, и громко смачно ругается. Отряд, точнее то, что от него осталось, обыскал оба крыла здания, но ни командира наёмников, ни требующихся бумаг как не бывало. Влад присел в чудом уцелевшее кресло с кожаной обивкой, достал сигаретку и попытался подумать: «Не мог он выйти из окружения. Значит, где-то тут. Но мы вроде всё прочесали...»

— Подвал, — изрек он наконец.

— В доме нет подвала, — категорично заявил один из рядовых.

— Ты уверен? — хитро прищурился сержант.

— На плане не было, — теперь и в голосе солдата прозвучало сомнение.

— Вперёд, парни. Разведаем, что там ниже первого этажа.

...Влад сидел на полу рядом с поворотом коридора. Последний из его спутников тихо стонал, прижав руку к животу, по камуфляжу расплзлось кровавое пятно. Сержант выругался и сказал:

— Я тебя вытащу, потерпи немного. Только ублюдка этого завалю.

Выглянул из-за угла, но тут же дёрнулся обратно. Пули вонзились в стенную панель, разбрасывая клочки пластика. Влад сорвал чеку на гранате и кинул вслепую, туда, где засел противник. «Жалко, последняя», — успел подумать он, зажимая уши. За углом грохнуло, за клубился удушливый дым, а Комольцев уже перекатился, одновременно отправив короткую очередь в сторону предполагаемого врага. Ответных выстрелов не последовало, но сквозь дымную пелену сложно было что-либо разобрать.

...Взлохмаченные каштановые волосы, косо спадающая на лоб прядь. Узкое лицо с изящными, но жёсткими чертами. Впалые щёки. Тонкие, словно постоянно усмехающиеся губы. Карие глаза, от холодного взгляда которых становится не по себе. Арман Лерой, почти легендарный командир отряда наёмников, считавшегося раньше непобедимым. Идеально похож на фотографию в собственном досье. Молод, слишком молод, чтобы быть таким известным. Влад не мог навскидку назвать год рождения врага, но точно помнил, что тот младше его минимум на пару лет. И несмотря на две недели, проведённые в осаждённом особняке, без надежды выбраться отсюда живым и свободным, самоуверен, изящен и ухожен. Даже растрёпанные волосы, круги под глазами, царапина на виске и забинтованная левая рука кажутся частью тщательно продуманного имиджа.

Арман криво улыбнулся, когда сержант Комольцев влетел в большое подвальное помещение, заставленное полками с картонными папками. Сержант не сразу обратил внимание, что ранение у Лероя не единственное. Судя по всему, несколько осколков вошли в правую ногу выше колена, светлая обивка кресла, в котором сидел Арман, приобрела словно новый современный дизайн, покрывшись кое-где красновато-бордовыми кляксами.

— Hands up! Surrender!¹ — проорал Влад, судорожно вспоминая подготовку по английскому языку. В мозгах осталось всего несколько фраз, но для общения с врагом на поле боя их обычно вполне хватало. Что-то в выражении глаз Лероя очень не понравилось сержанту. Не так должен смотреть человек, припёртый к стенке, к тому же не привыкший проигрывать.

— Пошёл ты! — русский Армана оставлял желать лучшего, всё-таки он никогда не воевал в славянских странах, но ругательство прозвучало достаточно понятно. В руке наёмник что-то держал, с такого расстояния не разобрать, всё же архив — или что это за помещение? — был просторным, а Лерой находился около противоположной стены. Еле различимое движение пальца — и мир раскололся на множество ярких, слепящих осколков...

От тычка в плечо Влад подскочил, вскрикнув.

— Ещё раз заорёшь — глотку перережу, — прошипел Чезаре. В глазах мальчишки разливалось такое страдание, что было непонятно, как он умудрялся оставаться в здравом

рассудке. Белки покрывала сеточка лопнувших сосудов. Кожа, и всегда-то не слишком смуглая, приобрела мертвенно-сероватый оттенок. Короче говоря, спросонья легко можно было принять за нежить.

Влад принял сидячее положение и осознал, что он-то себя чувствует нормально, а учитывая вчерашнее злоупотребление крепкими спиртными напитками без закуски, то даже нереально хорошо. Разве что в висках слишком сильно отдавался пульс, стуча маленькими молоточками. Но это было неудивительно, к такого рода ощущениям в голове Влад уже успел привыкнуть.

— А я что, громко кричал? — виновато спросил он.

— Громко, — буркнул Чезаре. — И часто. Воевал во сне, что ли?

Влад нахмурился, припоминая подробности сновидения.

— Да. Похоже на то.

Обычно он, проснувшись, не мог рассказать, что с ним происходило во сне. Однако на этот раз мельчайшие детали стояли перед глазами, как будто всё это случилось в реальности, причём совсем недавно. И особенно чётко врезались в память черты лица Армана Лероя и грохот взрыва.

— У тебя попить ничего нет? — поинтересовался Чезаре.

— Откуда? — развёл руками Влад. — Мои шмотки остались в лагере. У меня же всё отобрали, когда в плен взяли. А твоя фляжка куда делась?

— Не знаю. — Невразумительное пожатие плеч. — Где-то потерял, наверное... Что мы вообще здесь делаем?! — Мальчишка воззрился на Влада с таким выражением лица, что не осталось сомнений — он действительно не помнит, как они решили вместе уходить в Тарант в поисках убежища от гонений инквизиции и мести оборотней.

Владу и самому при свете утра такая идея показалась, мягко говоря, странной. «Надо же было до такого додуматься! — Он озадаченно почесал в затылке. — Бросить всё и податься в неизвестные края счастья искать. В компании с неуравновешенным юным фанатиком. Меня, наверное, свои уже потеряли, Лионелла волнуется... Хотя, может быть, и нет...» Настроение сразу же упало, когда вспомнились мысли о том, что маги его использовали в своих целях. «Надо вернуться, чтобы разобраться с этим. Что толку гадать?»

Вопрошающий взгляд Чезаре стал совсем нетерпеливым, и Влад решил разъяснить ситуацию. По мере рассказа о вчерашней попойке и побеге лицо мальчишки вытягивалось, становясь ещё более страдальческим.

— О, Боже... — простонал он, когда эпопея закончилась. — Какой дурак...

Влад усмехнулся:

— Может, и не самый умный поступок, но мне он оказался на руку. Свобода — это прекрасно!.. — Парень опёрся спиной о лежащее рядом бревно и мечтательно уставился в небо. «Нужно находить в жизни позитивные стороны. Так ли было бы важно, искренне ко мне относится магичка, если б я до сих пор под стражей сидел? А теперь — всё зависит только от меня. Куда захочу — пойду. Весь мир передо мной! Тьфу ты, какие мысли пафосные в голову лезут с похмелья!»

Чезаре, конечно же, не оценил радости момента и сделал единственное, что могло придать ему уверенность в незыблемости существования. Потянулся за луком. Влад, краем глаза заметивший движение, недолго думая, применил любимый приёмчик и завернул мальчишке руки за спину, не позволив добраться до оружия.

— Ты что это задумал? — спросил он. — Вчера другом прикидывался, а поутру опять за

своё? Нехорошо.

Чезаре попытался освободиться, но только бессильно скрипнул зубами и выругался. Влада, которому амулет перевёл тираду дословно, даже зависть взяла — так витиевато и незатасканно выразился лучник.

— Слушай, — начал Комольцев проникновенную речь. — Чего ты добиваешься, я никак не пойму? То, видите ли, ему под крылышком инквизиции не нравится. Только оттуда смахался — опять не так! Определись уж как-нибудь. Мне не внушает оптимизма мысль о таком непредсказуемом спутнике в дальней дороге.

— В какой дороге? — возмутился Чезаре. — Думаешь, я тебя буду провожать до самого Таранта?

— Вообще-то вечером ты сам предложил этот вариант. И сам вывел меня за пределы лагеря, очень беспокоясь, как бы погоня сразу не двинулась за нами.

— Господь всемогущий, что я наделал! Точно алкоголь — выдумка Дьявола. Не помню ничего, что делал, что говорил... — мальчишка буквально взвыл от осознания собственного просчёта.

— Я сейчас тебя отпущу, — сказал Влад, ногой отодвигая лежащий на земле лук в сторону. — Надеюсь, ты не будешь хвататься за оружие, мы нормально спокойно поговорим и решим, что делать дальше. Согласен?

Чезаре коротко кивнул.

Мир, возникший вокруг, был кристально чистый и ясный, под стать мозгам, тоже чистым и ясным, незамутнённым воспоминаниями о жизни, предшествовавшей приговору. Арман не смог точно зафиксировать момент прихода в сознание. Вроде бы только что, миг назад, его настигла темнота под металлической аркой в огромном зале, и вот уже — совсем иная обстановка. Одинокая мысль была удручающе-нерадостной: в незнакомом лесу без снаряжения долго не протянешь. «Да уж, заменили смертную казнь, сволочи! На более длительную и интересную». Перед моментом ноль ему вручили только фляжку с водой и пачку сигарет. Последнее было изощрённым издевательством, учитывая отсутствие зажигалки или спичек. А умение добывать огонь трением среди многочисленных талантов Армана, к сожалению, не числилось. «И с одеждой не угадал...» — француз скептически оглядел свой городской серый камуфляж.

Сквозь радостный птичий гомон внезапно донеслись звуки чьих-то голосов. Лерой навострил уши: мужчины, двое как минимум. «Люди — это информация. Информация — это жизнь. Идём добывать информацию». Способность к исключительно быстрому принятию решений являлась одним из главных достоинств характера француза. Хотя в случае, когда решения принимались неверные, это же качество можно было счесть недостатком.

Стараясь не шуметь, Арман двинулся в сторону интересующих его звуков. Самому показалось, что треск поднялся, как от стада бизонов, лезущих через кучу хвороста, но, как ни странно, внимания говоривших это не привлекло. Когда Лерой рассмотрел их сквозь ветви, то понял почему: этих двоих, похоже, собственные разборки интересовали гораздо больше, чем подозрительные хрусты.

Белокурый юноша и русоволосый крепыш лет тридцати. Единоборство практически мгновенно завершилось в пользу последнего. Разговор у них произошёл какой-то малопонятный. Арман так и не усёк, враги они или друзья и что делают посреди леса. Зато

обратил внимание на несколько необычных подробностей.

Первое. Мужчины являли яркий контраст по внешнему виду. И дело было не в возрасте и чертах лица. Русоволосый одет привычно — камуфляж, защитного цвета футболка. А вот юнец словно вышел из исторического фильма — странного покроя рубаха, высокие сапоги из коричневой кожи, плащ, на широком поясе внушительных размеров кинжал в ножнах (именно кинжал, а не штык-нож, к примеру).

Второе. Мальчишка говорит по-итальянски, но как-то архаично. Арман понимал его, но формы некоторых слов и построение предложений звучали непривычно. А со вторым — вообще что-то недоступное рациональному объяснению. Лерой вроде бы слышал какой-то славянский язык, ни одним из которых не владел, но смысл фраз как будто сам складывался в мозгу.

Третье. На траве лежал лук и колчан со стрелами. Не спортивный, пластиковый, а самый настоящий, какому самое место в экспозиции музея.

Пока Арман протирал глаза, прикидывая, видит ли он на самом деле то, что видит, или это ему мерещится в коматозном состоянии, крепьш отпустил юношу и они уселись на траву, намереваясь, кажется, тихо-мирно продолжить общение без рукоприкладства.

— Представь, возвращаешься ты сейчас к инквизиторам. Охранники, которые меня стерегли, скажут, что это ты увёл пленного на допрос к кардиналу. А потом — какое совпадение! — еретик исчез, а вместе с ним и сын начальника Святой Палаты. На следующий день — ну надо же! — являешься целым и невредимым, с невинными глазами заявляешь, что ни сном ни духом про побег не знаешь. Смешно же!

Чезаре прикрыл глаза и словно бы задремал.

— Эй, ты меня слушаешь вообще? — возмутился Влад.

— Не ори, — между бровями мальчишки пролегла усталая морщинка. — По-моему, я что-то слышал. Там, — он указал пальцем за спину собеседнику, на плотную стену кустов, — кто-то есть.

Влад резко обернулся, но сквозь листву ничего невозможно было разглядеть.

— Уверен?

— Мне ещё раньше слышались шаги, но думал, показалось. Но там точно человек... По крайней мере на зверя по звуку не похож. — Чезаре стрельнул глазами в сторону лука.

«Да, недолго они ушами хлопали. Правда, удивительно, что заметил моё присутствие мальчишка. Крепыш-славянин производит впечатление более опытного вояки». Перед Арманом встал вопрос — продолжать делать вид, что его здесь нету, надеясь, что не пойдут проверять, или легализоваться и попробовать договориться миром. Оба варианта имели большие минусы. Скрываться смысла не имело, потому что юноша абсолютно точно указал направление на него, и любое движение в сторону теперь-то наверняка заметят. А если выйти самому, то существует немалый риск нарваться на стрелу, нож или в лучшем случае удар в морду. Был и третий вариант действий — сидеть на месте и ждать, пока разыщут, но это Лерою совсем не нравилось.

Вздохнув, он решил: «Всё равно нужно выяснять, где я, и прочее». Нарочито громко произнёс по-итальянски:

— Я не собираюсь нападать! — и, разведя ветки руками, шагнул на поляну.

В мышцах словно свернулись скрытые пружины, готовые резко бросить тело в сторону, убирая с линии выстрела или удара. Но атаки не последовало. Оба мужчины едва ли не с раскрытыми ртами уставились на пришельца.

«Сон в руку», — первая мысль, которая проскользнула в голове Влада. Из-за кустов вышел Арман Лерой собственной персоной, главный отрицательный герой привидевшейся ночью истории. Явление вызвало шквал эмоций, в котором преобладали удивление и ненависть к врагу, но, как ни странно, где-то в глубине души угнездилась радость от встречи с человеком из своего мира. Комольцев молча взирал на вылезшего из кустов наёмника, пытаясь удержать себя от желания сразу же наброситься и пару раз врезать по лицу высокомерному наёмнику. «Даже сейчас, даже здесь, продираясь сквозь колючие заросли, умудряется выглядеть хозяином положения!» Неизвестно почему, но именно данный факт раздражал Влада больше всего.

— Что ты здесь делаешь?! — парень очень пожалел, что его оружие осталось у инквизиторов.

— Я тут заплутал немного, — голос Армана звучал дружелюбно и даже немного заискивающе, но безобидное впечатление портил расчетливый взгляд карих глаз, словно заранее обнаруживающий слабые места у тех, кто стоял перед ним.

Чезаре, воспользовавшись моментом замешательства, подхватил лук, закинул колчан на плечо и, не успели остальные двое мужчин и глазом моргнуть, как мальчишка уже целился в них. Правда, держать «на мушке» сразу обоих было затруднительно, и лучник переводил острие стрелы с одного на другого, медленно пятясь на более выгодную позицию.

Влад мученически закатил глаза и пробормотал:

— Опять двадцать пять! Ненавижу фанатиков!

Арман примирительно поднял руки открытыми ладонями вперёд и обаятельно улыбнулся. «Хм, а я-то думал, что второй опасней, а он даже не вооружён. Мальчишка гораздо шустрее. Чёрт! И не обойдёшь его никак. Что ж тут у них происходит? С двоими я сто процентов не справлюсь, а вот поодиночке можно было бы попробовать... Как непонятно всё...»

На поляне разыгралась патовая ситуация. Трое участников стояли в вершинах

воображаемого равнобедренного треугольника, достаточно далеко друг от друга, так что достать до соседа никто не мог. Выигрышная позиция — только у Чезаре, да и то не факт, что он успеет выпустить две стрелы по разным направлениям с такой скоростью, чтобы справиться с обоими противниками.

— И долго мы так будем столбами стоять? — наконец не выдержал Арман. Он присмотрелся повнимательнее к новым знакомым и заметил, что руки у белокурого юноши изрядно подрагивают. — Мальчик, ты уж стрелял бы, что ли. Ты из нас единственный в активной позиции. — Он усмехнулся, увидев блеснувшую в серо-зелёных глазах ярость. «Злитесь, это хорошо. Значит, ошибётся». Блестящий наконечник, слишком яркий, чтобы быть стальным, уставился в грудь французу.

— Ты бы лучше не нарывался, Лерой. Он ведь выстрелит, — заметил Влад.

Вот к этому Арман готов не был.

— Откуда ты знаешь моё имя? — левая бровь скакнула вверх.

— Так вы знакомы? — это уже Чезаре. — Ещё один еретик из другого мира?

— Опустит лук, мать твою! Не нервируй меня! — что-то, а рывкаться Влад умел. Уверенности, что приказной тон подействует сейчас, не было, но попробовать стоило.

— Не ори на меня! — повышение голоса вышло мальчишке боком, головная боль резанула с новой силой. Оружие он действительно опустил, правда, не совсем, чтобы быть готовым в случае опасности быстро выстрелить, но и то прогресс. — Короче, не в состоянии я разбираться, что тут происходит и кто он. — Лёгкий кивок в сторону Армана. — Убивать тебя, Влад, я не хочу. Ухожу к своим. Считай, что тебе повезло. Всё.

Чезаре, держа лук наготове, отошёл спиной вперёд к краю поляны, потом наконец отвернулся и исчез в подлеске. Оставшиеся один на один, Влад и Арман переглянулись удивлённо. Француз пожал плечами: дескать, моё дело — сторона, я человек неосведомлённый.

— Так откуда тебе известно, как меня зовут? — повторился он, ощупывая глазами соперника и окружающую поляну — вдруг где-нибудь всё-таки скрывается что-то убийственное.

Влад мысленно материл себя за несдержанность языка. И одновременно пытался придумать, как быть дальше. С одной стороны, наёмник был врагом, и ненависть к нему подступала к самому горлу, хотелось броситься и бить, уничтожить раз и навсегда командира, чей отряд отправил на тот свет столько хороших парней. Но с другой, француз сейчас ничего не помнил, это можно было использовать и обзавестись таким образом сильным союзником (что ни говори, а Арман был профессионалом в своём деле). Да и в конце концов Лерой в данной ситуации оказывался едва ли не самым близким человеком во всём враждебном ином мире.

— Давай присядем, а то действительно, как два столба, — Влад постарался вложить в интонацию как можно больше дружелюбия, но получилось, судя по лицу Армана, не очень хорошо.

Француз прищурился, сплюнул в траву и опустился на бревно. Влад присел на другой поваленный ствол, так, чтоб быть не слишком близко к собеседнику. Замшелые дубы лежали крест-накрест, перечёркивая свободное пространство прогалины.

— Прежде чем ответить на твой вопрос, позволь задать встречный, — Влад решил сначала разъяснить для себя некоторые подробности. — Как ты очутился в этом лесу?

— Отвечать вопросом на вопрос — не очень-то вежливо, — протянул Лерой. — Хоть

бы представился ради приличия. А то ты знаешь моё имя, а я твоё нет. Общаться неудобно. Кстати, у тебя огоньку не будет? — он достал из кармана пачку сигарет.

«Вот оно, счастье! — первая мысль, родившаяся у Влада. Но тут же пришло осознание, что „огоньку“ у него нету. — Дьявол, огниво моё там же, где и все остальные шмотки!» Парень всё же абсолютно автоматически похлопал по карманам, но они, к сожалению, были пусты. Уже открыл рот, чтобы посетовать на отсутствие источника огня, но наткнулся взглядом на кремень и кресало, валяющиеся рядом с остывшим кострищем. Видимо, Чезаре не убрал ночью, а на утро оказалось не до тщательных сборов в дорогу.

— Будет, — парень потянулся за радостной находкой, а затем представился. — Сержант Владислав Комольцев.

Он намеренно произнёс имя и звание полностью, чтобы увидеть реакцию наёмника, но на холёном лице не отразилось никакого интереса, не говоря об узнавании.

Арман вертел в пальцах сигаретную пачку, почти жонглировал ею. Картонная коробочка порхала из руки в руку, как живая, не задерживаясь на одном месте дольше, чем на секунду. Поворачивалась то одной гранью, то другой, мелькала ярким логотипом. «Сержант... Тоже военный...» — он подумал «тоже», хотя своего звания не помнил и не знал было ли оно вообще. Однако собственная принадлежность к военному сословию не вызывала сомнений, хотя бы принимая в расчёт свои таланты в стрельбе и рукопашной, а также знания основ подрывного дела и первой медицинской помощи. Такие навыки на гражданке освоить сложновато.

Удивление изогнуло дугой бровь Лероя, когда Комольцев с торжествующим видом поднял с земли два предмета, назначение которых представлялось полнейшей загадкой. Тем не менее Арман достал сигарету, а пачку перекинул Владиславу. Тот пару раз ударил найденными предметами друг об друга, и яркая искра подпалила табак. Лишь тогда француз понял, что вместо зажигалки русский использует огниво, как в сказке Андерсена. «Одежда старинная, луки со стрелами, теперь ещё это... Что же здесь происходит?!»

Комольцев бросил пачку обратно и сказал:

— Ну этим ты пользоваться вряд ли умеешь, — продемонстрировал «средневековую зажигалку». — Я в своё время намучился, пока освоился. Так что придётся тебе подойти.

Арман подозрительно прищурился. «Меня, конечно, не скрутишь, как какого-то пацана, но проверять, кто из нас сильнее в рукопашном бою, не хочется. По крайней мере не сразу. И не из-за такой глупости, как неподкуренная сигарета». Мышцы, ещё не пришедшие в себя после начала Эксперимента (что бы это ни значило), были немного вялыми, как будто сонными, и вполне могли подвести. Поэтому француз отрицательно покачал головой и ответил:

— Обожду, не умру.

— Ладно, не хочешь рассказывать о том, как сюда попал, я сам попробую угадать. — Владислав закинул ногу на ногу, опёрся спиной о так кстати оказавшееся сзади дерево, расположившись почти как в кресле. — Маленькая комната, серый коридор, человек в чёрной форме оглашает смертный приговор, который потом заменяется на участие в некоем Эксперименте. Потом старичок выдаёт вещмешок со смешным набором снаряжения, ни оружия, ни фонарика, ни спичек... Большой зал с аркой посередине, сильный электрический разряд — и очухиваешься уже здесь. Я ничего не пропустил?

С каждым словом Арман хмурился всё сильнее. Ситуация полного отсутствия

информации была непривычна. Особенно злило то, что сидящий напротив человек знал больше, но не спешил делиться известными ему сведениями. Ответы на вопросы хотелось вытрясти сейчас же, но Лерой совладал с собой и поддержал разговор:

— Не пропустил. Я бы сказал, что даже лишнего добавил, потому что никакого старичка и тем более вещмешка не было. — Про себя подумал: «Наверное, суть Эксперимента в том, чтобы не сорваться и не набить морду вот таким встречающим. Кто справится — получает главный приз. Ещё пара минут — и я, похоже, сойду с дистанции».

Влад давно заметил ярость, смешанную с непониманием, светящуюся в холодных глазах наёмника, и, поразмыслив, решил, что не стоит испытывать судьбу. Тем более воспоминание о собственном бессилии вернуть память было ещё свежо, и положение противника даже вызывало сочувствие. Да и врагами они, как ни крути, были в прошлой жизни. А здесь... Парень закончил мысленную фразу уже вслух:

— Похоже, мы с тобой друзья по несчастью. Со мной поступили так же, только чуть раньше. Я уже больше недели здесь обретаюсь.

— Только, кажется, амнезией не страдаешь... — попробовал подловить Арман.

— Ага, я ей наслаждаюсь!

Бородатая шутка как-то вдруг разрядила обстановку, оба расхохотались, и хищные взгляды чуточку смягчились. Отсмеявшись, Влад продолжил:

— Когда только очнулся, та же ерунда была, что у тебя сейчас. Воспоминания о прошлом как ластиком стёрли. Правда, меня выбросили ещё и ненастной ночью. Холодно, сыро, ветки царапаются, не видно ничего, в башке пусто! В общем, весь набор острых ощущений. Так что, Лерой, считай, что тебе повезло. Память частично начала возвращаться только недавно, да и то больше в виде смутных образов каких-то... Вот и тебя припомнил прошлой ночью. Лицо и имя, больше ничего. Так что если ты надеялся, что я изложу всю твою биографию, то ничем не могу помочь. — Парень подумал, что вряд ли нужно раскрывать все свои карты, и не слишком умно будет сообщить наёмнику о том, что они воевали на противоположных сторонах. — У тебя во фляжке, надеюсь, вода? — спросил он. Похмелье, до этого практически незаметное, всё-таки проявилось, и пить захотелось просто невыносимо.

— Я тоже надеюсь, — усмехнулся Арман. — Не было времени попробовать. Держи. — Фляжка отправилась в полёт, как перед этим сигареты.

Влад легко поймал её, открутил крышечку, опасно принюхался к содержимому, отхлебнул и осознал, что жизнь прекрасна. Вода, льющаяся в горло, на вкус показалась лучше элитных вин с виноградников кардинала. Парень аж причмокнул от удовольствия и вернул фляжку владельцу с большой неохотой. «Ещё один аргумент, чтобы не ссориться и продолжать путь вместе. Даже два аргумента: вода и курево».

«Что ж, на первый взгляд вроде бы кажется, что не врёт. Наверняка многое умалчивает, но с этим ничего не сделаешь. Выглядит логично. Естественно, что не специально для одного меня пресловутый этот Эксперимент затеяли. И я не единственный преступник в мире, осуждённый на смертную казнь. Значит, вполне вероятно, что двое подопытных, — он усмехнулся, произнеся мысленно это слово, — пересеклись». На языке Армана уже вертелись с десятков новых вопросов. Почему понимается русский язык, который он отродясь не учил? Кто был тот белокурый юноша с архаичным оружием? Как удалось Владиславу

выжить в течение недели? Не встречал ли он других участников Эксперимента? И много других. Но ни один из них француз не успел озвучить.

Из зарослей, окружавших поляну, донёлся шорох. Армана бритвой резануло чувство опасности, внезапное, сильное, вызвавшее ломоту в зубах. Комольцев встрепенулся, стрельнул глазами из стороны в сторону, высматривая движение, и не терпящим возражений тоном («Наверное, таким голосом он отдавал приказания своим рядовым!») выдал, негромко, но уверенно:

— Это инквизиторы. Смыться уже не успеем, спрятаться тоже. Поэтому принимаем бой.

Лерой, ещё не дослушав тираду до конца, залёг в траве, рядом с поваленным стволом, на котором только что сидел, и попытался сквозь мешанину травы и вывороченных корней рассмотреть неприятеля. Взгляд беспорядочно метался туда-сюда. Сердце стучало где-то под кадыком, неприятно толкалось в грудную клетку.

— Кто? — тем не менее уточнил он. — Какие, дьявол побери, инквизиторы?

Комольцев проигнорировал вопрос. Да у Армана и не было времени, чтобы выслушать объяснения, даже если б они последовали. Рядом с ухом раздался глухой стук, и краем глаза он увидел трепещущее от удара светло-серое перо. Стрела прошла мимо на какой-то десяток сантиметров. Несмотря на то, что оружие было столь необычно, сомнений в его действенности не возникло. Арман инстинктивно вжал голову в плечи, уткнулся лицом в дёрн и прокричал, обращаясь к Владиславу:

— Что ты вкладываешь в понятие «принимать бой»? Залечь и молиться, чтоб не убили?!

Под черепной коробкой дёрнула уже ставшая знакомой боль: Влад заметил, что подобные неприятные ощущения всегда возникают как ответ на магическое воздействие. Правда, для парня оставалось загадкой, почему иногда заклинания просто оставляют болезненный осадок, а иногда — успешно подчиняют его сознание. Не время сейчас было размышлять о причинах такой избирательности, тем более, что в этот раз любителям поковыряться в чужих мозгах не повезло — неизвестно, чего хотели добиться санкционаторы, но смогли лишь пробудить жестокий приступ мигрени.

Действовать они с наёмником начали одновременно и одинаково. Не прошло и нескольких секунд после нападения, а оба лежали в траве, не подставляясь стрелкам. Мысль Влада работала в одном направлении: что можно использовать в качестве оружия? Конечно, убить врага можно тысячей разнообразных способов, но для этого обычно нужно приблизиться на расстояние удара. Сдаваться без боя вовсе не хотелось, стоило вспомнить интригана-кардинала, и мысли о добровольной сдаче мгновенно испарялись. А время играло против них и на руку инквизиторам.

Арман, напрягая зрение, сумел различить человеческие фигуры, движущиеся между дубами. Нападающие заученно брали их в кольцо. Ещё пара минут — и сопротивление будет бесполезно. Адреналин в крови вскипел, достигая предельной концентрации. Подобное состояние показалось обычным и... приятным. Течение времени будто бы замедлилось, позволяя Лерою соображать гораздо быстрее, чем обычно, и действовать стремительно. Он прикинул, кто из противников ближе и перекатился в ту сторону, даже не подумав, что так и стрелу поймать недолго. Несколько снарядов действительно метнулись к нему, но цели достигла лишь одна — не вонзилась, а только болезненно ударила в рёбра. Это не остановило бросок Армана, а только придало злости. Француз подсечкой сшиб вражеского солдата на землю, двинул ему кулаком куда-то в лицо и дёрнул из ножен на поясе клинок. Кинжал был непривычным оружием, но сбалансирован идеально, а рукоятка — удобная, с ладными выемками для пальцев — ложилась в ладонь как влитая. Всё это Лерой отметил краем сознания, сказала любовь к холодному оружию.

Однако применить трофей Арман не успел, от сильного удара в висок перед глазами потемнело, заросли кругнулись в диком хороводе, и француз отключился.

Пока Влад размышлял, наёмник уже, очертя голову, ринулся в бой. «Сумасшедший! — только и успел подумать парень, наблюдая самоубийственную атаку Лероя. — Пристрелят ведь! Хотя... если и убьют, то туда ему и дорога» Воспользовавшись тем, что внимание ополченцев отвлеклось, Влад насколько возможно быстро начал отползать в сторонку, где он ещё вчера вечером обнаружил, чуть не свалившись в него, кругосклонный овражек, который мог послужить замечательным укрытием от лучников.

Стрелы посыпались ещё чаще, но на удивление не втыкались в деревья, а отскакивали, словно были без наконечников. Парень сначала опешил, но рассмотрев упавшую рядом стрелу, увидел, что вместо острых наконечников на них насажены мешочки с чем-то тяжёлым внутри. «Оглушающие, — понял он. — Ну конечно, зачем я им мёртвый?» Открытие с одной стороны, утешило, а с другой — наоборот опечалило. Уж больно не хотелось снова оказываться пленником. Привести план в исполнение Влад не успел — овражек мелькнул цветущими склонами впереди, но до него оставалось ещё порядочное расстояние. Под дых с силой ударило, Влад вынужден был остановить движение, чтобы набрать кислорода в грудь и прийти в себя. И стал удобной мишенью — большой и неподвижной. Парень в ту же минуту понял, что наконечники, хоть и не вонзаются в плоть, но и гуманными их назвать язык не повернётся. Стрелы градинами посыпались с разных сторон (нападающие успели рассредоточиться), ощущение было такое, словно били ногами. Восстановить дыхание сразу не удалось, и Влад почти обрадовался, когда очередной снаряд пришёлся в затылок.

Лоренцо равнодушно наблюдал за тем, как петли из грубой бечевы затянулись на шеях шестерых ополченцев. Тех, кто посмел уйти с поста, не дождавшись смены. Выиграв три свободных от караула минуты, они проиграли всю свою жизнь. По отношению к этим горевоякам даже злости не было. Только усталость. Санктификатору крайне надоело исполнять в лагере роль коменданта гарнизона, судьи, надсмотрщика. Короче говоря, заниматься тем, что слишком важно, чтобы оставить на откуп командирам отрядов, но чересчур низменно и

некрасиво, чтобы удостоиться личного внимания кардинала. Отрицательные стороны положения правой руки главы инквизиции проявлялись во всей красе.

Надоела и война, которую сложно назвать войной в полном смысле слова. Стычки с оборотнями теряли смысл. Ополчение не продвигалось вглубь леса, вычищая его от нечисти, как предполагалось изначально, а топталось на месте, качалось, точно прибойные волны, от походного городка вглубь дубравы днём и обратно вечером. Прилив-отлив. Стая перешла к обороне, волки не тревожили часовых ночными нападениями и диверсиями, они всего лишь не пускали людей дальше определённой черты. Каждый день, подсчитывая потери перед докладом монсеньору, Лоренцо задавался вопросом: сколько ещё верволок скрывает проклятая чаща? Больше их, чем человеческих солдат, или нет? Порой казалось, что звери успевают плодиться, возмещая своих убитых, что сама дубрава порождает в своих зарослях всё новых и новых серых хищников. Потому что оборотней не становилось меньше. Каждый день в очередной битве участвовало не меньшее их число, чем накануне.

В войсках нарастало недовольство, боязнь и недоверие к начальству. Конечно, до бунта далеко, но Лоренцо замечал неприязненные взгляды, сопровождающие его. Вот и сейчас. Косо стреляют чёрные глаза вчерашних крестьян, ремесленников и преступников. И неизвестно, кто опасней и от кого в первую очередь ожидать ножа под ребро. Инквизитор поймал себя на мысли, что и сам поддался общему настроению подозрительности, воцарившемуся в лагере.

Сегодня ранним утром, едва солнце разогнало темноту под деревьями, по следам беглецов отправился отряд, сопровождаемый одним не очень сильным санктификатором. Гаэтано хотел отправить на захват Лоренцо, но тот не выдержал и возмутился, что не в состоянии выполнять тысячу поручений одновременно — и предателей вешать, и за беглыми еретиками гоняться, и воодушевляющие проповеди солдатам читать, и совещания командиров проводить... Священник с досадой потерял распятие, висящее на груди, пытаясь усмирить раздражение.

Шестеро казнённых уже прекратили дёргаться в петлях. Лоренцо хмурым взглядом обвёл гарнизон, построенный вокруг поляны, и буркнул куда-то в сторону командиров отрядов, не соизволив повернуть головы:

— Разойтись. Готовьтесь, через час выступаем.

По шеренге прошелестел шепоток, но возражений не последовало.

Переполох начался у северного поста, считавшегося одним из самых нелюбимых среди ополчения по причине близости к владениям волков. Два форпоста, которые притаились ещё глубже в лесу, не просигнализировали об опасности, а на границе стоянки инквизиторов объявился оборотень-одиночка, уверенной походкой вышедший на прогалину, не обращая ни малейшего внимания на нацелившиеся в него серебряные стрелы. Молодой, поджарый, смуглый, и в человеческом теле сохраняющий хищную гибкость, перекатывающий мускулы под кожей обнажённого торса.

К счастью для верволка на посту дежурила гвардейская смена, а то не миновать бы ему участи превратиться в утыканного стрелами ёжика. Караул опешил, но не совершил необдуманных действий. Слишком уж необычно смотрелся мирно выступающий босыми ногами по траве враг. Слишком не походило такое явление на нападение. Хотя за отвлекающий манёвр вполне сошло бы. Оборотень остановился посреди поляны, не приблизившись на расстояние броска. Оглядел ошарашенные физиономии часовых и

произнёс:

— Мне нужно поговорить с кардиналом Гаэтано.

Немного пришедший в себя сержант послал гонца к начальству с вестью о странном парламентаре, а сам, облокотившись на частокол, ехидно спросил:

— А чего не с самим папой Римским?

Верволк не удостоил человека ответом, молча проводил глазами убежавшего вглубь лагеря солдата и, видимо, приготовился ждать. Агрессии в его позе не было ни капли, и караул немного расслабился, хотя луки не опустились. Одного только сержанта, отчаянно не любившего нечисть, будто распирало от желания спровоцировать стычку:

— Не будет кардинал с тобой разговаривать! Он со зверями не общается! Потому как звери человеческий язык с трудом понимают. Вот и ты молчишь. Видно, только и выучил, что «нужно поговорить с кардиналом»! Верно, ребята?

Гвардейцы не поддержали зубоскальства командира, только пара человек сдержанно улыбнулась. Зря нарываться на бой никому не хотелось, потому что не верили люди, что оборотень пришёл один.

— Хочет с кардиналом говорить? — спросил Лоренцо дружелюбным голосом, поворачиваясь к запыхавшемуся караульному. — Вот и докладывай кардиналу об этом! — интонации стали рычащими. Санктификатор только успел присесть перекусить перед привычным ежедневным выходом на битву против стаи и бежать разбираться с новыми непонятками не входило в его планы.

— Н-н-но... — залепетал солдат, совсем юный, потому и оказавшийся на побегушках, — его высокопреосвященство заняты... И я подумал, монсеньор...

Лоренцо с сожалением посмотрел на кусок мяса, истекающий соком, к которому не успел притронуться.

— Хорошо, я сам посмотрю, что там за оборотень.

Тон не сулил волку абсолютно ничего хорошего.

Парламентёр стоял неподвижно, даже, кажется, с ноги на ногу не переминался. Высокий, жилистый, одетый только в холщовые штаны, подпоясанные верёвкой, какие носят беднейшие крестьяне. Оружия и вообще каких-либо вещей у него с собой не было. Выражение лица — откровенно скучающее. Двадцать минут бездействия для деятельных верволков — целая вечность.

Лоренцо на шаг вышел из-за частокола и, решив немного схитрить, заявил:

— Ты хотел говорить со мной. Я пришёл.

«Можно подумать, каждый нелюдь знает Гаэтано в лицо! Авось, поверит».

Но оборотень не дал себя провести. Цепкий взгляд ощупал фигуру священника, и парламентёр лениво, чуть растягивая слова, произнёс:

— У меня — послание для главы Святой Палаты. Предназначенное только для его ушей. Не пытайся обмануть меня, человек. Уж я в состоянии отличить кардинальскую мантию от облачения санктификатора.

Лоренцо снисходительно улыбнулся:

— У его высокопреосвященства нет времени, чтобы беседовать лично со всеми. Я его заместитель и вполне могу говорить от имени кардинала. Может, твоё сообщение не столь уж важно...

Оборотень промолчал и не сдвинулся с места. Караульные потихоньку начинали нервничать. Разыгрывающееся представление всё больше напоминало какую-то хитрую уловку нечисти.

— Нарываешься, нелюдь. Я ведь могу отдать приказ расстрелять тебя, — санкционатору было очень интересно, зачем пришёл парламентёр, но терпение кончалось.

Во взгляде верволка не было страха, только всё возрастающие скука и равнодушие. На человеческом лице блестели глаза зверя, которому всё равно — убить или пройти мимо, которого не волнует чужая смерть и не пугает своя.

— Обозначь хотя бы общую тему своего послания. Ты же не думаешь, что тебя вот так запросто пустят на территорию лагеря, где ты перекинешься и начнёшь убивать? — Лоренцо из последних сил старался сохранить дипломатичность. «Почему я всё ещё веду с ним беседу? Давно пора стрелами настигнуть. Но он знал, что идёт на смерть. Один, в самое сердце наших позиций. Значит, причина должна быть действительно важной. Не верится, что стая решила пожертвовать хоть одним своим просто так. Что же ему нужно?» Уступать и вести парламентёра к Гаэтано не хотелось. В конце концов ради того, чтобы убрать из мира живых главу инквизиции, отчаянно ненавидимого всей нечистью, мог появиться и смертник-убийца.

На этот раз усмехнулся оборотень. И оборонил кратко:

— О семье кардинала.

В первую секунду Лоренцо не понял, а потом в сердце захолоуло. «Чезаре! Опять этот сопляк во что-то вляпался! Чёрт, может, прикончить оборотня здесь, а Гаэтано ничего не докладывает? Кардинал всё сделает, чтобы сын жил, выполнит любые условия, несмотря на то, что на словах утверждает обратное. А если не узнает, то пропал мальчишка без вести — и всё. Погорюет и успокоится». Санкционатор действительно поднял было руку, чтобы дать сигнал лучникам, но в последний момент всё-таки остановился. Свидетелей было слишком много, и до кардинала так или иначе информация дойдёт.

— Отлично, — произнёс Лоренцо. — Думаю, это действительно стоит услышать самому его высокопреосвященству. Но... ты же понимаешь, оборотень, что в твою искренность и безопасность никто не поверит. Тебя проведут к кардиналу только в посеребренных цепях, чтобы ты не смог перевоплотиться и нанести кому-то вред.

Инквизитор ожидал всего, чего угодно, но не того, что парламентёр просто согласно кивнёт.

— Монсеньор, у меня две новости. Как всегда, хорошая и плохая. Первая, Влада захватили успешно, целым и невредимым. А вместе с ним — ещё одного пришельца из другого мира. Другая новость, — Лоренцо тяжело вздохнул и проклял свою вечную участь траурного вестника, — пришёл оборотень, у которого какие-то сведения о вашем сыне.

Гаэтано потёр брови и хмуро сказал, отреагировав только на вторую часть сообщения:

— Веди этого посланника.

— Ваши условия?

— Свёртывание военных действий. Полное. Люди должны покинуть пределы нашего леса. Прекращение преследований наших предводителей — магов Конрада и Лионеллы.

— Это всё?

— Да, человек. Как видишь, мы требуем не так уж много.

Гаэтано побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Переговоры между заклятыми врагами — всегда нелёгкое дело, а сейчас кардиналу приходилось совсем туго. Все козыри были на стороне противника. Оборотень, несмотря на то, что стоял со скованными за спиной руками и кривил лицо от боли в обожжённых серебром запястьях, был хозяином положения.

— Как я могу проверить, что Чезаре жив?

— Никак, — словно сплюнул верволк. Он вообще предпочитал говорить короткими отрывочными фразами, как будто жалел сил на произнесение лишнего слова.

— Ты смеёшься, нечисть? — вскипел кардинал.

Парламентёр промолчал.

— То есть я должен поверить в честное слово оборотня? Увести войска, а потом получить голову моего давно убитого сына?

— В данный момент он жив. Если ты выполнишь наши условия, то мы его не убьём. Мне нечем подтвердить это. Ты, человек, можешь или поверить, или не поверить. Выбирай сам. — Похоже, верволк произнёс самую длинную речь за сегодняшнее утро.

Принять решение главе инквизиции было трудно, и он решил задать уточняющий вопрос:

— Сколько у меня времени на раздумье и осуществление требований, если я соглашусь? Войска не выведешь за пять минут.

В глазах оборотня мелькнуло торжество. Как известно, если враг допускает возможность уступок, значит, он на них уже пошёл.

— Конрад ждёт ответа в течение трёх дней. Считая сегодняшний. Если в течение этого промежутка будут какие-то агрессивные действия с вашей стороны, то пленник умрёт. Если по истечении срока ответа не будет или он будет отрицательным, то пленник умрёт. И наконец, если меня убьют или подвергнут пыткам, то пленник умрёт.

— Откуда же в стае узнают о твоей смерти? — ехидно прошипел Гаэтано, у которого уже появилась мысль отыграть на посланнике за свою беспомощность.

— Лионелла и Конрад почувствуют, если что-то пойдёт не так.

Влад приходил в себя долго, путаясь в обрывках каких-то видений, снов или галлюцинаций. Опять мелькали эпизоды прошлой жизни, но очень коротко, без сюжета, и чудились чьи-то слова, то ли слышанные когда-то, то ли рождённые сознанием в бреду. Очнулся он с чётким осознанием, что срочно нужно идти к цели. Правда, к какой — потерялось в тумане обморока. Как всегда после беспокойных сновидений казалось: вот сейчас вспомнится, всплывёт в мозгу, но от напряжения только стучало в висках.

Знакомый уже шатёр-лазарет. Хотя вполне возможно, что и другой — вряд ли интерьеры особо различаются. На соседнем лежаке расположился Арман Лерой, уже пришедший в себя и явно задумавшийся о смысле жизни, если судить по глубокомысленному выражению лица.

— Доброе утро, — буркнул Влад, хоть точно знал, что не доброе, и не вполне был уверен, что утро.

Француз вяло кивнул и ошарашил собеседника вопросом:

— Тебе название Город Призраков о чём-то говорит?

Влад хлопнул себя по лбу. «Точно! Вот оно! Именно туда и надо идти! Вспомнил! Эээ... а почему надо?» Взъерошил волосы на затылке и поинтересовался:

— А ты-то откуда о нём знаешь?

— Приснилось. Как будто иду через лес с кем-то... с проводником каким-то... и он мне говорит: «Мы уже близко к Городу Призраков». Больше не помню ничего, только фраза в память врезалась. Так тебе знакомо такое место? Оно на самом деле есть?

— Чёрт его знает, может и есть. — У Влада проснулось непонятно откуда возникшее желание выяснить про таинственное «месторождение артефактов» побольше. Конрад в том единственном разговоре очень скупно рассказал о древнем поселении. «Ага, вот у меня других проблем сейчас нету, как только о старинных легендах размышлять!» — Слышал это название пару раз от местных.

— Кстати, — перебил Арман. — Где мы? Какие местные? Что вокруг происходит вообще?

— Постой, постой! — поднял ладонь Влад. — Не всё сразу. Я объясню, мне не жалко, но спорим, ты подумаешь, что я свихнулся?

— Я уже и в собственном душевном здоровье не уверен. Так что говори как есть, не томи.

Лерой с досадой отметил, что и те немногие дарованные экспериментаторами вещи — фляжка и сигареты — исчезли. На виске, под волосами, вздулась здоровенная шишка, пульсирующая болью. И почему-то заныла левая рука, вся, от плеча до запястья. Засучив рукав, Арман увидел зажившие, но не очень старые шрамы, похожие на следы ожогов.

Слушая историю Влада, француз старался не слишком высоко задирать брови и по возможности не вставлять скептических замечаний. Рассказ походил на выдумку писателя-фантаста или действительно на бред сумасшедшего.

«Вроде всё логично. Но слышал где-то, что у шизофреников, например, с логикой всё нормально, просто предпосылка для рассуждений берётся неправильная. Ладно, любая информация ценна. Хотя бы как сведения о человеке, который сидит напротив».

Одновременно Арман принялся просчитывать способы своего поведения в мире, описанном Владом. Мозг занялся задачей скорее по привычке, потому что в существование оборотней, магии и прочих атрибутов сказки он не поверил. Ни один из описанных товарищем по несчастью воинствующих лагерей Лерой не приглянулся. По причине атеистических убеждений союз с инквизицией был исключён, тем более, что свободолюбивая натура французского возмущалась против организаций с такой жёсткой иерархией. По последней причине не понравилась ему и стая волков-перевёртышей. По словам Влада там единолично заправлял маг с авторитарным складом характера, да и полужвериное существование в чаще леса, на лоне природы, не казалось райским. Арман сразу подметил некую узость кругозора собеседника. «Упёрся в одно. Обратни и инквизиция. Всё, нету больше ничего. А мир-то огромен и многогранен. Наверняка и стран много, и городов, и народов. Эх, сведений мало. И война эта странная. Нестыковка на нестыковке. Сотню лет сидели на месте, потом решили посражаться. Из-за чего? Почему именно сейчас? Проклятье, размышляю так, как будто это всё правда!»

Влада понесло. Изначально он не собирался так откровенничать с бывшим противником, но впечатлений накопилось чересчур много, а поделиться до этого было не с кем. Наёмник оказался благодарным слушателем, не перебивал и даже время от времени кивал, принимая к сведению очередной факт, иногда, ближе к концу повествования, задавал

вопросы. Правда, ни на один парень не смог внятно ответить. Лерой с ходу схватывал военно-политическую ситуацию и интересовался тем, что Владу и самому хотелось бы выяснить.

«Да, союзник из наёмника выйдет отличный, — подумал парень. — Хотя всё равно, как вспомню лица погибших ребят... Эх, в другой ситуации бы с тобой встретиться...»

Лоренцо давно заметил, что если день не задался с утра, то так просто в норму жизнь не придёт. Солнце далеко не успело доползти до зенита, а кардинал вновь призвал советника на важный разговор. Санктификатор предположил, что обсуждаться будет послание оборотней и не ошибся. Вот только не ожидал, что глава инквизиции будет столь категоричен.

— Готовь войска к отступлению, — не допускающим возражений тоном сказал Гаэтано.

— Из-за одного глупого мальчишки похоронить всю затею?! Мы же потом не сможем такое огромное ополчение собрать! Люди просто в следующий раз не поверят в великую цель. Столько сил, столько жертв, столько жизней — и впустую?! — Лоренцо изменила обычная суховатая сдержанность, и он почти орал.

— Не забывайся! — оборвал его кардинал. — Ты говоришь о моём сыне.

— Ваше высокопреосвященство, — инквизитор сосчитал до двадцати прежде чем говорить, и дыхание немного успокоилось, — вы даже не признали официально Чезаре своим ребёнком. Его мать казнена по приговору в применении колдовства. Сам юнец подозревается в сговоре с оборотнями. Видать, дурная ведьмина кровь сказывается. И ради него вы прекратите преследование нечисти? Бросите дело своей жизни?

Гаэтано отвернулся к окошку, прорезанному в полотняной стенке для того, чтобы в шатре было не так душно. Упавший на лицо луч солнца резко обозначил сеточку морщин и запавшие глаза. Кардинал сейчас выглядел безмерно уставшим стариком, а не здоровым, сильным, уверенным в себе мужчиной, живущим только пятый десяток лет.

— Мы сейчас говорим не о Бьянке. То, что я не объявил во всеуслышание о нашем родстве, не меняет реальности. Чезаре — мой единственный родной человек.

*Мучась и бесясь,
Составляет Бог
Карточный пасьянс
Из людских дорог.*

*Смотрит он, чудак,
В миллионы схем —
Что, когда и как,
Где, кому и с кем.*

Л. Филатов

— Во имя Господа. Аминь. — Голос звучал громко и отчётливо. — В Святой Трибунал Инквизиции от доброй католички, чьё имя мы не будем называть в целях её безопасности, поступили сведения, что некая Бьянка из Рима глумится над Богом и Церковью, знает с Дьяволом, занимается ведовством и наводит порчу на жителей города.

Девушка, сидевшая на скамье подсудимых, казалось, не слышит слов обвинения. Её яркие глаза, блестящие зеленью лесных трав, пытливо оглядывали всех находящихся в зале: пожилой судья, зачитывающий протокол допроса доносчика, несколько священников-инквизиторов в тёмных одеяниях, секретарь с мелькающим в руках гусиным пером, свидетели — уважаемые граждане Рима. Почему-то Бьянке казалось, что если она заметит как можно больше подробностей, то тем самым отодвинет момент начала допроса, сделает происходящее неопасным. У чернильницы на столе секретаря отколол край, ряса одного из монахов не чёрная, а коричневая, у белошвейки Кьяры, непонятным образом затесавшейся среди уважаемых граждан, на носу вскочил прыщик... А на стене около окна, в луче света, сидит бабочка с пёстрыми крылышками. Взгляд Бьянки остановился на ярком пятнышке, найдя наконец спасение от страха, — красота не может существовать так близко к смерти и боли. Значит, всё будет хорошо.

— Всё будет хорошо, — беззвучно прошептала она. И эта простая фраза, поддерживаемая лишь детской верой в добро и справедливость, успокоила бешено бьющееся сердце.

Гаэтано с любопытством рассматривал подсудимую. За период своего служения в Святой Инквизиции он повидал немало ведьм и еретичек, обычно они с первого взгляда пленяли своей порочностью, возбуждая все греховные желания плоти, или же, напротив, казались воплощением чистой невинности, непонятно как попавшей в эти мрачные стены. Но колдунья Бьянка не походила ни на первых, ни на вторых. В тёмно-зелёных глазах не было намёка на грязь шабашей, не светилась печать Дьявола на белокожем, будто фарфоровом лице. Однако от внимания инквизитора не ускользнуло, что девушка не перекрестилась, войдя в зал суда, да и распятия у неё на шее не было (глубокий вырез не

оставлял места предположениям).

Это был первый процесс, который отцу Гаэтано поручили вести самостоятельно, в качестве главного обвинителя. Дело было на первый взгляд простым: потомственная ведьма, свидетелей много, всего-то и нужно, что признание подсудимой. Почему же тогда в душе молодого инквизитора словно штормовой ветер гуляет? Почему не хочется верить доносу, записанному, кстати, со слов вон той дурнушки белошвейки, заявившей, что ведьма Бьянка свела в могилу её жениха?

— Святой отец, вам слово, — судья тронул Гаэтано за плечо, протягивая ему лист с доносом.

— Бьянка, правда ли то, что ты навела порчу на своего соседа, сапожника Бруно?

— Нет. Я пыталась его лечить. Он был болен.

— Чем он был болен?

— Не знаю. Я не смогла ему помочь...

— Он сам обратился к тебе за помощью?

— Нет. Но я видела, что ему плохо, болезнь сжигала его изнутри!

— Хмм... А его родственники утверждают, что он был здоров, как бык, до той поры, как ты стала поить его какими-то колдовскими отварами.

— Это были лекарственные снадобья! Меня мать научила отличать полезные растения.

— Твоя мать была колдуньей?

— Она...

Молчание.

Вкрадчивый, почти ласковый голос инквизитора:

— Да или нет, Бьянка? Она умела ворожить?

Инквизитор, ведущий допрос, был слишком молод для своей должности: едва ли больше двадцати пяти-двадцати шести. Аскетичное, но не измождённое лицо, сурово сжатые губы. Упрямая морщинка между бровями. И глаза темнее неба в Вальпургиеву ночь, полыхающие отблесками костров аутодафе. Резкий, но удивительно мелодичный голос бросал короткие, точные вопросы, сбивая Бьянку с толку. Девушка то медлила с ответом, то говорила невпопад, пока не начала твердить одно и то же слово: нет... нет... нет... **НЕТ!!!**

— Посещала ли ты шабаши и другие сборища ведьм?

— Нет.

— Воровала ли ты младенцев у матерей с целью убийства?

— Нет.

— Ты обращалась с молитвами к Сатане, чтобы достичь богатства, усиления колдовской силы или с иными целями?

— Нет.

— Ты порочила Бога и Святую Церковь словами, делами или в помыслах?

— Нет, — чуть дрогнул голос.

— Ты присягала на Библии. Отвечай правду! Прославляла ли Дьявола речами и плевал ли на распятие?!

— Нет!

Бабочка около подоконника... Вот на что она смотрит так пристально! И какой надеждой светятся её глаза! Не иначе сам Нечистый обратился в насекомое, чтобы поддержать свою прислужницу.

— Бьянка из Рима, принимая во внимание результаты процесса, ведомого против тебя, суд пришёл к заключению, после тщательного изучения всех пунктов, что ты сбивчива в своих показаниях. Твои ответы слишком явно противоречат словам свидетелей и не согласуются с предъявленными доказательствами твоей вины. Этого достаточно, чтобы подвергнуть тебя допросу под пытками. Поэтому мы объявляем и постановляем, что ты должна быть пытаема завтра, начиная с полудня.

Когда Гаэтано оторвался от листа приговора, то вздрогнул, встретившись взглядом с колдуньей. Луч клонящегося к закату солнца сквозь витраж погладил светлые волосы Бьянки, сверкнувшие едва заметным рыжеватым отблеском. В глазах ведьмы заплясали янтарные искорки. И там больше не было страха. Что-то иное... непонятное... мягкое, как шёлковые одежды, которых она никогда не носила...

Отец Гаэтано прохаживался из угла в угол своего кабинета. Точнее, не лично своего, конечно, а предоставленного ему на время ведения следствия. Каждый раз, оказываясь около стола, он начинал снова и снова переключать и просматривать бумаги, вчитываться в строки доносов и показаний, словно пытаясь найти что-то новое, ранее ускользнувшее от его внимания. Что-то, позволяющее отменить завтрашний допрос.

Но в глубине сердца знал, что не найдёт ничего смягчающего вину Бьянки из Рима. Вспоминая выражение её лица, глаз, осанку, тембр голоса, Гаэтано ни на миг не мог предположить, что она **не ведьма**. Отсутствие страха перед судом и пытками, точнее, силы, чтобы преодолеть этот ужас, могут быть только у прислужницы Врага рода человеческого. Невинно обвинённая уже давно бы рыдала, валялась в ногах у инквизиторов и умоляла отпустить её. А единственная слабость, которую позволила себе рыжеволосая, — лёгкая дрожь в голосе при ответе на особо каверзные вопросы.

В конце концов Гаэтано обессиленно преклонил колени перед распятием. Шёпот молитвы в ночи звучал обречённо:

— Amen.

Маленькое окошко под самым потолком камеры еле-еле светилось. Сегодня полнолуние. Луна, как огромная монета, меняет цвет от латунно-жёлтого на восходе до ослепительно-белого, как начищенное серебро, в зените. Вселяет беспокойство в души, одним принося ночные кошмары, вторых бросая в объятия обжигающей страсти, третьих заставляя петь длинные печальные песни, четвёртым подсказывая дорогу к лёгкой добыче...

Фигурка девушки гипсовой статуэткой застыла на каменном полу. Лунный свет ещё сильнее выделил природную бледность кожи, бросив непроглядно-чёрные тени на одну сторону её лица. Бьянка хотела привычным жестом потереть на шее амулет — оправленный в серебро огромный волчий клык — но рука погладила пустоту. Его отобрали сразу, при аресте, хотя в этой безделушке не было ни капли магической силы, просто красивый кулон, память о матери. Ведьма слегка улыбнулась: как глупо со стороны

инквизиции думать, что для колдовства ей нужны какие-то вещи, словно костыли калеке.

Она даже не заметила, когда сознание начало уноситься вслед за светом луны, когда она перестала видеть мрачный камень стен и корявые прутья чугунной решётки. В какой-то миг в серебристом сиянии проявился силуэт — мужчина в тёмных одеждах, ниспадающих до пола. Бьянка не удивилась и не испугалась, но не сразу поняла, почему он показался ей таким знакомым. Непроглядно-чёрные глаза на молодом красивом лице заслонили от взора ведьмы полумрак застенка, с губ прищельца сорвался шёпот:

— *Credo in Deum, Patrem omnipotentem, Creatorem caeli et terrae. Et in Iesum Christum, Filium eius unicum, Dominum nostrum...*

По телу Бьянки прошла дрожь. Ведьма с тихим возгласом очнулась. Оглянувшись, она поняла, что по-прежнему одна, никто не потревожил её в эту ночь. «Что же это за морок? Откуда? Сколько видела за свою жизнь инквизиторов — ни один ещё в снах не являлся...» Девушка зябко поёжилась — то ли от холода, то ли от странного ощущения в груди. Она прошла из угла в угол, пытаясь разобраться в своих противоречивых чувствах. А разложить их по полочкам оказалось ох как трудно! На самой поверхности масляной плёнкой плавал страх — страх перед болью, пыткой, смертью. Под ним таился тёмно-серый бесформенный сгусток упрямства и уверенности в собственной правоте. Где-то по уголкам пряталась тоска, навеянная мрачным запертым помещением и всей жуткой атмосферой здания Инквизиционного Трибунала. Жаркими языками пламени вспыхивала гордость. Но все эти эмоции были родными, привычными... и только где-то очень глубоко, за всем этим хитросплетением Бьянка ощутила нечто новое. Там горели угольками чёрные глаза отца Гаэтано, звучал его чёткий, мелодичный голос...

Он не знал, зачем спустился на нижний этаж здания. У Гаэтано и в мыслях не было идти к подсудимой. Однако ноги сами несли по крутой лестнице, по освещенному коптящими факелами коридору. Дежурный стражник как раз делал очередной обход, поэтому встретился с инквизитором уже на полпути к камере, в которой ожидала завтрашних пыток ведьма Бьянка.

Охранник почтительно склонил голову:

— Что вам угодно, святой отец?

— Ключ, — Гаэтано протянул руку.

— Э-э-э... От какой камеры? — после паузы спросил стражник. Он участливо смотрел на священника, которому явно было нехорошо. Тёмные тени легли под глазами после бессонной ночи, в зрачках плясали странные огоньки.

— Ведьма, что сегодня была в суде.

— Красивая девочка, святой отец, — понимающе ухмыльнулся стражник.

Инквизитор, не утруждая себя словами, наотмашь ударил солдата по лицу, разбив тому губы в кровь.

Лязг ключа в замке раздался уже в преддверии рассвета. У Бьянки в голове заметались панические мысли: «Почему так рано? Ведь допрос назначили на полдень! Не хочу! Нет!» А потом ей показалось, что вновь вернулся давешний сон — на пороге стояла фигура мужчины в тёмном одеянии инквизитора. Ведьма тихо, почти беззвучно вскрикнула, сама не поняв, чего больше было в этом возгласе — удивления, страха или... радости.

Лунный свет на долю мига ослепил Гаэтано после тьмы коридора. Девичий силуэт замер в узком луче, падающем из окошка. Лицо ведьмы скрывается в тени. Инквизитор нерешительно шагнул в камеру, медленно прикрыл за собой тяжёлую дверь. «Зачем я сюда пришёл?» — мелькнула запоздалая мысль.

Молчание длилось, казалось, что слышно позвякивание пылинок, кружащихся в лунном сиянии. Гаэтано не видел глаз заключённой, но почему-то был уверен, что она так же неотрывно смотрит на него.

— Ну, что ждёшь? Делай то, зачем пришёл! — Бьянка шагнула вперёд, стремясь разбить невыносимую тишину, развеять нереальную неподвижность воздуха. Она остановилась в полушаге от священника. Хотя инквизитор был почти на голову выше девушки, ведьма умудрилась взглянуть свысока, с таким обжигающим презрением, что любой мужчина, оказавшийся на его месте, тут же бы отступил.

Инквизитор не двинулся с места. Бьянка тоже замерла, наткнувшись на его взгляд — не похотливый, как она ожидала, а измученный.

Теперь он видел её глаза — изумрудная зелень потемнела от гнева и отчаяния. Она не была беззащитной, ранимой, несправедливо оклеветанной жертвой. Нет, сомнения, зародившиеся было в душе Гаэтано, не могли существовать под взглядом этих дьявольских глаз. Ведьма.

— Я пришёл для того, чтобы в последний раз предложить тебе покаяться и подписать признание. Пока к тебе ещё не применена пытка. — Голос святого отца звучал хрипло, с надрывом.

Молчание.

— Подпиши! — он протянул бумагу и перо.

Рука инквизитора чуть заметно дрожит. Пылинки звенят в лунном свете.

— Пожалуйста...

Последнее слово скорее похоже на беззвучный вздох.

Бьянка осторожно протянула руку, чтобы взять лист. Её пальцы слегка коснулись кисти священника, испуганно отдёрнулись. Бумага с протоколом обвинения опавшим листом спланировала на пол. Девушка отшатнулась, вырвавшись из наваждения, вызванного последним словом инквизитора.

Пламя бушевало в очаге, дышало опаляющей яростью на Бьянку, хотя она находилась на другой стороне комнаты. Стражники подтолкнули девушку, заставив сделать ещё несколько шагов. В пыточной было душно и темно, ведьма не сразу заметила остальных присутствующих. В самом дальнем уголке склонился над бумагами близорукий секретарь, грузный пожилой палач скользнул по заключённой пустым безразличным взглядом. Фигура отца Гаэтано выступила откуда-то справа, голос инквизитора был мягок и почти ласков, но сквозь внешнее спокойствие сочилась боль, словно он жевал стекло:

— Бьянка из Рима, по приговору суда ты сегодня подвергнешься допросу под пыткой. Но прежде, чем начать, я хочу представить тебе ещё один шанс спастись от мучений. Подпиши признание, и тебе не придётся проходить через этот ужас.

Ведьма ощутила, что близка к обмороку. Если бы не крепкие руки охранника,

подхватившие её, девушка не удержалась бы на ногах. Она, как сквозь туман, видела протянутый лист со сбившимися в тесную толпу словами. Масляная плёнка страха в душе Бьянки внезапно забурлила, изгоняя прочие эмоции, оставляя только животное желание жить. Жить во что бы то ни стало. Её дрожащая рука взяла перо, окунула в чернильницу, на миг замерла. На кончике пера набухла большая чёрная капля, упала на столешницу, оставив уродливую разлапистую кляксу. В очертаниях пятна оскалила клыки волчья морда. И тут же в глаза Бьянки бросились слова, под которыми она собиралась поставить свою подпись: «Поклонялась Сатане... призывала демонов... оскорбляла Бога и Святую Церковь... творила чёрную волибу... наводила порчу... губила невинных людей...»

Перо, отброшенное вновь обретшей силу рукой, закатилось в ложбинку между камнями пола. Колдунья вскинула глаза на инквизитора:

— Я никому не причиняла зла.

Лицо отца Гаэтано исказилось, как будто это его вздёргивали на дыбу, он резко обернулся к палачу и сухо произнёс:

— У вас всё готово?

Тот кивнул.

— Раздеть её. Привязать, — слова падали мелкими камешками, готовые вызвать за собой лавину крика.

Весь существующий мир, казалось, сжался до очагов боли, располагавшихся в плечах, локтях и запястьях. Верёвка, связывающая руки девушки, виток за витком наматывалась на блок, выворачивая суставы. Сквозь завесу слёз Бьянка с трудом различала бледное пятно лика инквизитора. Губы священника шевелились, но ведьма ничего не слышала. Взгляд заволокло туманной пеленой.

И вот уже исчез пыточный застенок — вокруг сгустился вековой лес, вместо дыма факелов запахло лежалой хвоей. А это пятно вовсе не лицо, а полная луна, подмигивающая и зовущая в праздничный хоровод. Переливчатый вой десятков волков окончательно заглушил вопросы следователя. Звери радовались жизни и свободе, щедро делясь с Бьянкой своей первобытной неисчерпаемой мощью, наполняя её мышцы бешеной силой рвущегося к добыче хищника. Оскаленная в вое морда вожака стаи на фоне жёлтого круга луны застыла, как профиль на монете.

— Отложим до завтра, — тяжело вздохнул инквизитор. — Сейчас бесполезно.

Бесчувственное тело ведьмы подхватил на руки стражник, но Гаэтано вдруг остановил его повелительным жестом.

— Я сам. — И было в выражении его глаз что-то такое, что ни один из присутствующих не посмел возразить или задать логичный вопрос: почему главный следователь решил марать руки об еретичку?

-, — церковная латынь ножом разрешила видение, разбивая на осколки лунный диск, заглушая песнь серых хищников.

Бьянка с трудом разлепила веки. Тонкие пальцы скользили перед самым её лицом, почти поглаживая крестным знаменем кожу ведьмы. Ведьма, тихо вскрикнув, попыталась заслониться, но священник крепко держал её за запястья. Тяжёлые стены вновь сомкнулись

вокруг, и свобода, привидевшаяся в грёзах, оказалась такой недостижимой, что рыдания мучительной судорогой скрутили горло. Молитва звучала, и Бьянка почувствовала, как от бессилия по щекам потекли слёзы.

— Атеп.

Теперь в тишине камеры были слышны только всхлипы девушки. Инквизитор разжал пальцы, и Бьянка закрыла лицо ладонями. Несколько минут юная колдунья плакала навзрыд. Когда же слёзы иссякли — заглянула в тёмные омуты глаз отца Гаэтано. Она не поняла, зачем начала говорить, но слова сами разрывали губы:

— Я не знаю, что со мной. Откуда это появляется? Лес, волки, луна... Там мне хорошо, но я не призываю этого! Вдруг вижу — и всё... Святой отец, — она схватила священника за руку. И замерла.

Луч заходящего солнца освещал две фигуры. Белокурая девушка, осанкой похожая на непокорный язычок пламени. Молодой мужчина, с фанатичным блеском угольно-чёрных радужек. Они застыли неподвижно, сидя на полу душной камеры. Глаза в глаза. И никого, кроме двоих.

— Чем околдовала, ведьма? — хриплый голос Гаэтано.

— Я не ворожила, святой отец. Это твои молитвы тревожили мои сны, — прерывающийся шёпот Бьянки.

А где-то в лесах и разрушенных городах эхом разнёсся смех старых богов.

Девушка первая потянулась губами к лицу священника. Коснулась лёгким поцелуем, обняла за шею, доверчиво прижимаясь к мужскому телу. Гаэтано провёл дрожащими руками по её спине, не в силах решить, что делать — последовать судьбе, зовущей утонуть в зелёных колдовских глазах, или остаться верным долгу инквизитора. Несколько сладостных, но одновременно мучительных мгновений длился поцелуй, а потом Гаэтано решительно отстранил Бьянку.

— Не надо торговать своим телом. Это не поможет тебе спастись.

— Я целую, потому что люблю тебя. Пусть что угодно будет потом, но сейчас... останься.

— Моя любовь не изменит приговора.

— Я знаю.

Голова Бьянки удобно устроилась на плече Гаэтано, руки инквизитора обвили талию ведьмы. Они были рядом, лежали, прижавшись друг к другу. Но говорили вновь на разных языках.

— Я никому не желала зла. Да, я умею готовить лекарства, знаю рецепты ядов и приворотных зелий. Меня этому научила мать. Она была ведуньей.

— Ведьмой, — непререкаемым тоном перебил священник.

Бьянка резко отстранилась. Точнее, попыталась, но кольцо объятий было слишком крепко. В глазах девушки опять заплясал уже знакомый отцу Гаэтано упрямый бесёнок.

— Дьявол побери, ты не понимаешь, фанатик чёртов!

— Не поминай Нечистого к ночи, — мужчина привычным жестом сотворил крестное знамение. Колдунья снова дёрнулась, на этот раз всё-таки вырвавшись из сильных рук любовника.

Который раз за прошедшие сутки — поединок взглядов, в котором никто не хочет, а вернее, не может уступить.

— Я люблю тебя, Гаэтано...

— Я тоже люблю тебя, Бьянка...

Утро застало их в той же камере, где они встречали восход луны. Инквизитор проснулся первым, с мягкой улыбкой взглянул на Бьянку, прижавишуюся к нему, с таким беззащитным во сне лицом. Тихо-тихо тронул её за плечо. Девушка улыбнулась, не открывая глаз, потянулась, как кошка, но тут же поморщилась от боли в руках.

— Сегодня ты должна дать показания. Иначе пытка будет продолжена.

Ведьма испуганно встрепенулась:

— Гаэтано, как ты можешь?

— Я же говорил, что моя любовь тебя не спасёт от обвинений...

— Не подпишу! Никогда!

— Именно теперь я больше, чем когда-либо хочу, чтобы ты жила. Жила сейчас и после смерти тоже обрела вечную жизнь. И буду бороться за это до конца.

— Такой принципиальный. За это ты мне и нравишься. — Лёгкая улыбка тронула губы девушки.

Священник тяжело вздохнул и молча вышел за дверь.

Повторением кошмарного сна показался Бьянке пыточный застенок инквизиции. Там ничего не изменилось, как будто не было промежутка в эту ночь, показавишуюся ей целой жизнью. Отец Гаэтано с бесстрастным лицом смотрел куда-то мимо неё, повторяя уже знакомые девушке стандартные формулы:

— Подпиши признание, Бьянка из Рима, — голос едва заметно вздрогнул. — Не вынуждай меня продолжать пытку.

Девушка обречённо оглянулась, ища выход из крепких сетей судьбы, наткнулась на остановившийся взгляд инквизитора. И едва слышно сказала:

— В доносе не всё правда, лишь отчасти. Я расскажу всё, как было, святой отец. Не только вам.

В нарушение всех установленных процедур отец Гаэтано допрашивал обвиняемую наедине, в своём кабинете. Бьянка говорила очень тихо, не глядя в глаза инквизитора, перебирая пальцами край широкого рукава.

— Сколько я себя помню, с самого детства, я не ходила в церковь. Матушка вечерами рассказывала мне легенды о старых временах, о богах, которые ныне забыты. Пару раз она водила меня в лес, к разрушенному капищу. Там она впервые показала мне, как колдуют. Мне по наследству достался сильный магический дар. К сожалению, матушка слишком рано умерла, не успев научить меня всему, что знала сама. Я не крещёная, но я никогда не была врагом церкви. Не оскорбляла святынь и не губила невинных, как написано здесь, — она коротко прикоснулась к злосчастному протоколу, уже истрёпанному по краям. — Последние несколько лет я лечила людей, помогала роженицам, гадала на будущее... Наверное, у вас в инквизиции это и называется быть ведьмой, — девушка наконец подняла глаза на следователя. — Но я ведь приносила пользу и радость. Разве это плохо?

— От Сатаны не может исходить добро, даже если нам, слабым людям, кажется, что это так. Ведьма может вылечить тело, но при этом принимающий её помощь губит свою бессмертную душу. Ты говоришь, что не желала никому зла, но это значит лишь то, что Дьявол руководит тобой вслепую. Он играет на твоём желании лечить больных, но какую цену он за это потребует? Бьянка, ещё не поздно отвергнуть сатанинские подарки и вернуться в лоно Святой Матери Церкви. — Гаэтано перекрестился, повернувшись к висящему на стене распятию.

На глаза Бьянки навернулись слёзы:

— Как я могу подписать обвинение, если в нём столько лжи, Гаэтано?

Инквизитор прошёлся из угла в угол, потом выдвинул ящик стола, достал несколько чистых листов бумаги, подвинул к девушке письменный прибор.

— Пиши всё, что сейчас мне рассказала. В конце добавишь, что хочешь принять крещение и жить в мире с Церковью. — Он помолчал. — Надеюсь, этого будет достаточно...

Ведьма колебалась ещё несколько минут, а потом прошептала:

— Только ради тебя...

День оглашения приговора выдался ярким, ослепительно-солнечным. Как будто римская погода стремилась лишний раз подчеркнуть полное и несокрушимое торжество Святой Инквизиции над тёмными языческими силами. Ведьма сидела на скамье подсудимых, неестественно выпрямившись. Отец-инквизитор, опершись лбом на сомкнутые пальцы, смотрел вниз, на потрескавшуюся столешницу.

— Бьянка из Рима, суд рассмотрел твои показания, принял к сведению твоё искреннее раскаяние и желание обратиться в истинную веру. Сегодня же ты будешь крещена.

Её стройное тело после недели, проведённой в тюрьме, истончилось до такой степени, что, казалось, парило в струящемся от жары воздухе. На нижних веках залегли глубокие синеватые тени, пригасив зелёные огоньки радужек. Безразличный взгляд вспыхивал только в редкие моменты, когда обращался в сторону, где сидел инквизиционный следователь.

— Трибунал постановил отпустить тебя на свободу, обязав посещать каждый день мессу, ежедневно исповедоваться и соблюдать строгий пост в течение года.

Когда взгляды Гаэтано и Бьянки наконец встретились, они долго оцупывали друг друга, как чуткие пальцы слепых. Губы беззвучно шевелились, бормоча то ли признания в любви, то ли молитвы, то ли проклятия.

— По прошествии этого срока, если ты не будешь замечена в предосудительных деяниях, епитимья будет смягчена.

Последнее слово судебного вердикта прозвучало в жарком летнем воздухе. Секретарь замолчал и опустил на место, выжидательно взглянув на отца Гаэтано, который должен был завершить заседание молитвой. В зале установилась абсолютная тишина. Нотариус, присланный светскими властями для того, чтобы засвидетельствовать окончание судебного процесса, удивлённо переводил взгляд с обвинителя на подсудимую. Ведьма неудержимо, радостно улыбалась, и это затмевало усталую измученность. Инквизитор смотрел в ответ с теплотой и нежностью, и в его глазах отражалась девичья улыбка.

Старуха помешивала какое-то варево в котелке, висящем над очагом, и брюзжала:

— Зря ты это затеяла. Не принесёт он тебе счастья. Уж мне-то виднее, я жизнь бурную прожила.

Бьянка, поджав ноги и обхватив колени руками, сидела на пороге дома. На лице девушки блуждала улыбка.

— Тётушка Хильда, я люблю его, и он любит меня. Что ещё имеет значение?

— Он — инквизитор, а ты — ведьма. Вот что действительно имеет значение, — назидательно подняла вверх палец старуха.

Молодая колдунья горделиво вздёрнула подбородок и фыркнула. Хильда отложила половник, подошла и присела рядом с Бьянкой.

— Девочка моя, когда-нибудь он прознает, что ты продолжаешь вести прежнюю жизнь, и тогда...

— Но я же крестилась! Я живу в мире с его Богом!

Старая ведьма устало вздохнула:

— Для тебя, Бьянка, это всего лишь ещё один из огромного пантеона. Ты признала его силу и главенство, но не отреклась от древних божеств и от своего дара.

Бьянка задумчиво накручивала на палец прядь волос.

— Это правда, тётушка Хильда. Но для Гаэтано главное, чтобы я не шла против воли Церкви.

Хильда ласково погладила девушку по плечу:

— Беги от него, пока не поздно.

— Нет!

Старуха возмущенно вскочила и воскликнула, обращаясь к небесам:

— Вся в мать пошла! Но ту хоть к нелюдям тянуло, это ещё туда-сюда! А ты, девка, совсем ум потеряла! С собственным палачом спишь!

— Он любит меня и не причинит мне зла никогда, — уверенность, звучащая в голосе Бьянки, заставила Хильду замолчать и сесть обратно. Она печально посмотрела на годящуюся ей во внучки ведьму и заговорила медленно, словно рассказывая забытую легенду:

— Боги из своих чертогов наблюдают за жизнью людей, иногда им становится скучно и они придумывают какую-нибудь шутку... Чаще всего фигурки на их игровой доске — люди, которые, не видя дальше своего носа, идут к краю пропасти, стремятся к гибели. Говорят, что если человек стал фишкой в этой игре, то у него на лице появляется отсвет небесного огня. Никто из ныне живущих, правда, не может объяснить, как выглядит этот самый отсвет, но сейчас мне кажется, что я его вижу.

Бьянка смеялась. Красиво запрокидывая голову на точёной шее, кружась по свежей траве лесной поляны, приминая неяркие цветочки босыми пятками. Длинное зелёное платье, подхваченное ветерком, бесстыдно приоткрывало стройные ноги. Наконец она устало опустилась на землю, протянула руку и погладила мужчину по щеке. Он легонько поймал её за кисть и поцеловал в ладонь. Ведьма снова рассмеялась, глаза искрились счастьем. Она податливо склонилась в объятия любовника, венок упал с головы, как будто цветы

стремились вернуться к своим собратьям, которым не грозит смерть от увядания.

Бьянка шептала в промежутках между поцелуями:

— А потом мне опять тебе на исповеди про это рассказывать, святой отец? — насмешливое хихиканье.

— Молчи, ведьма! — шутливо оборвал её Гаэтано.

Девушка упёрлась ему в грудь рукой.

— Я теперь не колдую, ты же знаешь...

Инквизитор молча накрыл её губы своими и повалил на траву.

В вечерних сумерках здание церкви выглядело огромным и мрачным. Высокая створка дверей, украшенная литыми рельефами со сценами Страшного Суда, была чуть приоткрыта, приглашая припозднившегося богомольца зайти в таинственное чёрное нутро дома Божия. Невысокая тень — одна из многих, притаившихся в полутьме — летучей мышью скользнула ко входу в храм. Огонь факела, полыхавшего рядом с воротами, проявил фигуру в тёмно-сером шерстяном плаще с капюшоном. Из-под полы накидки на секунду показались тонкие пальцы, трижды порхнули крест-накрест перед грудью. Легко изогнувшись, женщина прошла в узкую щель дверей.

Месса закончилась около часа назад. Около алтаря одиноко догорали несколько свечей, витражи пытались отразить последние солнечные лучи, но ночь уже вступала в свои права, и цветные стёкла выглядели однообразно-тусклыми. Гулкая пустота храма тонула в полутьме. Женщина нерешительно остановилась на пороге, давая глазам время привыкнуть к почти полному отсутствию света. С противоположного края помещения доносилось едва слышное бормотание, которое подхватывало церковное эхо и начинало кружить под высокими сводами. Она медленно двинулась по широкому проходу между скамьями, стараясь ступать бесшумно. Однако мозаичные плитки под каблуками отзывались чётким постукиванием.

Подойдя ближе к алтарю, женщина смогла наконец разглядеть в бледных отсветах свечей коленопреклонённый силуэт. Именно оттуда доносились слова молитвы, в которой причудливо мешались латынь и староитальянский. Безостановочное бормотание походило на бред тяжелобольного, оно лилось из губ священника, как гной из потревоженного нарыва.

Пришедшая постояла с минуту, не решаясь сделать последние шаги. Она стояла прямо за спиной молящегося, но тот не обернулся, хотя не мог не слышать стука подошв по звонкому полу. Зашуршав одеждами, дохнув ароматами свежей листвы и ночной прохлады, женщина опустилась на колени рядом. Вслушавшись в бессвязный шёпот, она подхватила знакомую фразу на латыни. Хриплый мужской и переливчатый девичий голоса слились в дуэте, ласкаясь друг к другу. Пальцы синхронно творили крестное знамение. И отчаяние смертельно раненого медленно начало уходить из интонаций мужчины.

Их взгляды были прикованы к гипсовому распятию, но создавалось впечатление, что они говорят не с Богом, а между собой. Молитвы повторялись снова и снова, женщина иногда сбивалась, забывая слова, но священник легко продолжал, не давая ей отступить и замолчать. Они не знали, сколько прошло времени, в темноте храма люди становились частичками неизменной вечности, не зависящей от внешнего мира снаружи церковных стен.

Их руки незаметно соединились. Ладони сжались, так крепко, что это должно было

причинять боль. Теперь они были похожими на новобрачных, ожидающих разрешения венчающегося поцеловаться. Но никто не мог сказать слова свадебного обряда над склонёнными головами еретички и инквизитора.

Стены исповедальни слышали за свой долгий век множество тайн и признаний, рыданий и даже ругательств. Но такое здесь было сказано впервые. И именно абсурдность фраз не давала усомниться в том, что это чистая правда.

— Простите, святой отец, ибо я согрешила...

— Я слушаю тебя, дочь моя.

— Я... у меня... — прерывистый вздох. — У нас будет ребёнок, Гаэтано...

* * *

— Это переходит все мыслимые границы! Ты, практически не скрываясь, встречаешься со своей любовницей! У тебя от неё сын! Это подрывает авторитет Церкви в целом и Святой Инквизиции особенно.

Гаэтано, склонив голову, молча стоял перед мечущимся из угла в угол кардиналом.

— Я не в силах совладать со своими чувствами. Я пытался, ваше высокопреосвященство, но я люблю её. Это не просто плотское желание, который можно усмирить постами и веригами. — Слова падали медленно, словно против воли говорившего. — Я не могу жить без неё.

Кардинал возмущённо взмахнул рукой:

— Не надо, пожалуйста, изрекать красивые слова. Ты уже давно не восторженный юноша. Если бы это была обычная девка, я и бы и слова не сказал. Назначил бы лёгкую епитимью, да и грехи себе дальше. Но она же еретичка!

— Она оправдана судом Инквизиции, ваше высокопреосвященство. Бьянка давно не ведьма.

— Не смеши меня, Гаэтано! Доносы на неё попадают в твои руки, ты о них умалчиваешь, но это вовсе не значит, что о её деяниях никому не известно!

Инквизитор дёрнулся, как от пощёчины, повернул вмиг побледневшее лицо к кардиналу:

— Мне не приходило ни одного обвинения на Бьянку с тех самых пор, как она была крещена. Клянусь Господом!

— Значит, хорошо скрывает свою ворожбу. Поверь моему опыту, бывших ведьм не бывает.

* * *

Мальчик был удивительно похож на мать: только капля серых сумерек растворена в зелени глаз, только волнистые волосы ещё светлее, без малейшей примеси рыжины. Малыш, вырвавшись от Бьянки, пытался перебраться через бревнышко, цеплялся рубашкой, срывался, но снова и снова упрямо бросался на штурм.

Колдунье в конце концов надоело наблюдать за безуспешными усилиями сына, и она ловко перенесла его на другую сторону непреодолимого препятствия. Мальчишка

возмущённо взревел, но тут же успокоился, услышав воркованье матери:

— Нет времени, Чезаре, нам надо успеть вернуться до захода солнца. Ты же не хочешь ночевать в лесу?

Они углублялись в старую дубраву как будто наугад, без тропы. Бьянка радостно улыбнулась каким-то своим мыслям, увидев в просвете стволов знакомые очертания древних камней. Капище было давно разрушено, главный камень алтаря, служивший своеобразной столешницей, съехал вбок и врос выщербленным краем в мох. Странные угловатые письма, зигзагами спускавшиеся по безымянному идолу, было невозможно прочитать.

Женщина присела на краешек алтарной плиты, устроила непоседливого сына у себя на коленях и начала рассказывать ребёнку сказку о старых богах, владевших миром в незапамятные времена, умевших обращаться в хищных зверей и даривших своим последователям колдовскую силу.

Голос Гаэтано звенел от гнева:

— Ты опять водила его в лес! Зачем?

Девушка даже не подняла взгляда от рукоделия.

— Что плохого в том, что мы гуляем не по тесным и грязным улицам Рима? Было время, когда ты сам с радостью покидал городские стены ради нескольких часов на лесной поляне... — интонации стали игривыми.

Инквизитор вздохнул, подошёл к Бьянке, осторожно поцеловал в волосы на макушке. Она привычно прижалась щекой к его сильной жилистой руке, отложила вышивание. Обернувшись, заглянула в глаза любовника:

— Давай не будем ссориться.

— Ответь, пожалуйста, что вы делаете в лесу?

В зрачках Бьянки танцевали чертенята, не пуская внутрь, не давая рассмотреть то, что таится в глубине широко распахнутых глаз.

На площади собралась огромная толпа. Горожане со звериной жадностью во взоре пытались протолкаться поближе к месту, где, окружённый кучей хвороста, стоял столб с привязанной к нему женщиной. Толпа кровожадно шумела. Беспорядочный гул утих, когда на балконе появился человек средних лет в одеянии инквизитора. Его чёткий бесстрастный голос зачитал приговор о передаче еретички в руки светских властей, стоявший рядом глава города высказался кратко: «Осуждена на казнь через сожжение». Пока последние слова не были произнесены, рядом с приговорённой суетился священник, уговаривая её отречься хотя бы в последний момент перед смертью. Женщина как будто ничего не слышала и не видела. Духовник отошёл. Инквизитор на балконе махнул рукой, на хворост полетели факелы, сухое дерево вспыхнуло моментально, скрывая вопящую фигурку от кровожадных взглядов зевак.

— Так же ты когда-нибудь поступишь и со мной, инквизитор? — Бьянка приподнялась на кровати, облокотившись рукой на обнажённую грудь Гаэтано, вопросительно заглянула в глаза.

— Зачем ты глупости говоришь, Белоснежная? — промурлыкал он, играя её светлыми волосами. — Ты же примирилась с Церковью, раскаялась, грешить не больше, чем все

честные христиане.

Девушка увернулась от его ищущих губ и продолжила:

— А если вдруг... — она запнулась. — А если бы тогда я не написала раскаяния...

Гаэтано тяжело вздохнул:

— Тогда — костёр. Как бы это ни было для меня тяжело. — В мягкости интонаций прорезались стальные лезвия.

По коже Бьянки прошла волна дрожи, она теснее прижалась к мужчине.

— Я очень люблю тебя, святой отец. Всегда помни об этом.

— Конечно, как я могу забыть. Я люблю не меньше.

Предгрозовая духота делала лесную чащу теснее, чем обычно. Бьянка с трудом уклонялась от растопыренных сучьев, стараясь не порвать тонкое платье. На лбу девушки выступила испарина, приоткрытые губы жадно глотали замерший в неподвижности воздух. В дубраве было необычно тихо, как будто ожидание грозы истощило все жизненные силы природы, лишь иногда внезапные порывы ветра шелестели кронами дубов, роняя с них ветки, но не приносили ожидаемой свежести. Порой женщине казалось, что за ней кто-то идёт, она приостанавливалась, оглядывалась сквозь заливающий глаза пот и шла дальше, так и не увидев преследователя.

Когда за деревьями мелькнуло древнее святилище, наконец повеял прохладный ветерок, давая возможность вздохнуть полной грудью. Над поляной сошлись иссиня-чёрные тучи, готовясь разорваться молнийным разрядом. Бьянка устало опустилась на своё излюбленное место — край разрушенного алтаря, откинула со лба прилипший непослушный локон. И застыла, прикрыв рот ладонью, чтобы сдержать крик. На краю поляны, тяжело опираясь ладонью на грубую поверхность столетнего дуба, стоял Гаэтано. Его лицо было абсолютно бесстрастно, как изображение на парадном портрете. И только пальцы остервенело отколупывали кусочки растрескавшейся коры. Молча. Тут всё было понятно без слов.

Бьянка одним текучим движением поднялась, перегородив инквизитору дорогу к тайному капещу. Где-то вдали лениво заворочался гром. Лес колоннами бесконечного храма застыл, не шевеля ни единой веточкой.

— Три года назад ты говорила, что не помнишь дорогу сюда, — очень спокойно проговорил Гаэтано.

— Тогда я не врала, — голос женщины звучал под стать, без дрожи.

Священник резко ударил кулаком в вековой ствол, на костяшках пальцев выступила кровь, но он даже не поморщился. Несколько шагов — и крик:

— Ах ты дрянь! Отродье Сатаны! — Ладонь инквизитора занесена для пощечины.

Ведьма испуганно отшатнулась. Внезапный порыв ветра разбросал её волосы, взметнул широкие рукава. Она развела руки в стороны, ловя движение воздуха, глаза сверкнули ярко-зелёным хищным блеском. Вокруг колдуньи взвился вихрь прошлогодней листвы и сухих веточек, готовый по её мысленному приказу атаковать врага. Но врага не было... Бьянка тщетно пыталась проглотить колючий горький комок слёз. Смерч улёгся обратно на землю, а оставшийся ветер был вполне естественным, предгрозовым. Гаэтано неподвижно стоял в одном шаге от девушки, не отступивший перед её магической силой, не загородившийся молитвами. Только серебряный крест у него на груди горел чересчур ослепительно для такого пасмурного дня.

Тучи сверкнули молнией, по ушам ударил громовой раскат, на миг оглушив людей.

Бьянка осела на траву, словно сбитая с ног грохотом. Дождь полился сразу, без предупреждения, бурным потоком. Шелест капель почти заглушил слова:

— Прости, Гаэтано... Пожалуйста. — непонятно было, плачет она или это дождевая вода стекает по лицу.

Инквизитор опустился на колени рядом с ней. Левая рука по-прежнему была сжата в кулак, кровь быстрой струйкой бежала по пальцам. Бьянка приникла к его мокрой рясе щекой, обняла за шею, продолжая шептать:

— Прости меня.

Гаэтано бережно накрыл её хрупкие плечи руками, провёл ладонью по слипшимся от воды волосам и крепко прижал к себе, успокаивая сотрясающие её тело рыдания. Ливень обрушивался сверху на беззащитные среди широкой поляны человеческие фигуры. Перекатывались в вышине удары грома, как будто древние боги вновь зашились неудержимым хохотом.

— Куда ты дел моего сына? — Бьянка вихрем ворвалась в кабинет инквизитора, оттолкнув в сторону пожилого монаха-секретаря.

Отец Гаэтано кивком отпустил удивлённого помощника, а когда дверь за ним закрылась, повернулся к девушке.

— Чезаре будет воспитываться в истинной вере. Я не позволю ему жить рядом с такой матерью, как ты.

— Да как ты смеешь?! — ведьма, задохнувшись от возмущения, отвесила священнику пощёчину. Замахнулась снова, но Гаэтано перехватил тонкое запястье и с силой сжал. Бьянка вскрикнула, попытавшись вырваться. Инквизитор толкнул её на стул:

— Сядь! — Подвинул по столу лист. — И прочти!

Бьянка дрожащей рукой взяла бумагу, не ожидая ничего хорошего от стандартного бланка с изображением распятия у верхнего обреза. «Епитимья возобновлена, за подозреваемой в ведьмовстве устанавливается строгий надзор, сын передан под опеку Святой Католической Церкви». В глазах девушки потемнело, со всех сторон надвинулись призраки трёхлетней давности: темнота подземелий, боль и непроглядное отчаяние вперемешку со страхом. Ставший за эти годы таким знакомым кабинет моментально превратился в ловушку.

— Опять суд? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Нет, — Гаэтано смотрел в окно, перечёркнутое частым узором чугунного переплёта. — Мне пока хватает влияния, чтобы убереечь тебя от этого. — Он обернулся, впился пристальным взглядом в лицо Бьянки. — Обещай мне, что больше не будешь делать глупостей, Белоснежная.

Девушка кивнула.

— Я не буду ходить на то святилище. Дорога туда вспомнилась мне неожиданно, пришла во сне. Я думала, может, на том месте и нет ничего, может, просто сон. Решила пойти проверить, посмотреть. А потом... мне было там так хорошо... Кто ни разу в жизни не колдовал — не поймёт. Там сила, до сих пор, хотя алтарь давно разрушен, несмотря на то, что многие десятилетия там не проводились обряды. — Зеленоглазый взгляд горел жизнью и радостью.

— Бьянка!

После суда ведьма была вынуждена переселиться за стены Рима, чтобы тень инквизиционных темниц не дотянулась до честных горожан. Её дом стоял, прилепившись на окраине одного из беднейших кварталов. Маленький, но даже снаружи выглядящий уютным и привлекательным, как и его хозяйка. И так же, как колдунья, будто хранящий какую-то древнюю загадку за аккуратными, занавешенными цветными шторками окошками.

Раннее утро только-только засерелось на горизонте, когда Бьянка возвращалась домой. Шагнув за покривившийся забор, она непроизвольно вздрогнула, заметив человека, сидящего на крыльце, но тут же вздохнула с облегчением, узнав своего возлюбленного.

— Ты меня напугал, Гаэтано, — чуть хрипло проговорила она. — Что ты здесь делаешь так рано?

— Лучше ты мне ответь, где ты была всю ночь, — инквизитор поднялся, расправляя затёкшую спину (видно, ожидать ему пришлось не один час).

Ведьма плавной танцующей походкой подошла ближе, усмехнулась, скидывая капюшон плаща с роскошных волос.

— Сцена ревности... — протянула она. — Впервые за четыре года... Как мило, любимый.

Ведьма ехидно улыбнулась, но присмотревшись к лицу священника, помрачнела. Инквизитор явно не собирался поддерживать лёгкий тон, которым она начала разговор. И что-то непонятное, чужое в усталом изломе бровей, тёмный осадок в выражении глаз... Чувство опасности шевельнулось в груди у девушки.

— Что случилось?

— Белоснежная, ты мне когда-нибудь врала? — вопросом на вопрос ответил Гаэтано.

— Нет, — девушка всё никак не могла понять, к чему идёт разговор.

— Тогда ответь мне сейчас, пожалуйста, правду. — Он взял Бьянку за подбородок и склонился к её лицу, словно хотел поцеловать. — Где ты была?

Теперь колдунья абсолютно точно ощутила: что-то не так, аж дрожь пробежала мурашками по спине. Утренний воздух застыл слишком неподвижно. Но гипнотический взгляд инквизитора не позволял отвлечься, требовал ответа. И глядя в любимые глаза, невозможно было соврать. И огонь в крови после этой ночи ещё не погас. И Бьянка верила, что справится с любой опасностью.

— Где?

Ответ Бьянка вдохнула практически в губы священника:

— На шабаше, святой отец. Где ещё быть ведьме в Вальпургиеву ночь?

Приказ Гаэтано прогремел приговором:

— Арестовать её!

Ведьма поражённо оглянулась, не желая верить очевидным фактам, и увидела трёх воинов и санктификатора, появившихся откуда-то из обманчивых предутренних теней и быстро двинувшихся в её сторону. Вдоль позвоночника холодной змеей метнулся страх, но не успел вонзиться своё жало в сердце Бьянки. Она, не спеша, как ей казалось, перевела взгляд на Гаэтано, склонила голову:

— Сколько чести, святой отец, для одной беззащитной девушки!

Удар ветра, рвущий спокойный рассветный воздух на куски, заставил инквизитора попятиться. Ведьма волчком закрутилась на месте, тяжёлый плащ разлетелся в стороны, открывая огненно-красное платье с глубоким декольте, струящиеся многочисленными складками рукава и подол. Фибула разлетелась в стороны, не выдержав напора. Девушка, казалось, приподнялась над пыльной утоптанной землёй двора, расплёскивая вокруг бьющую через край магию.

— Только почему ты решил, что этих солдат будет достаточно?! — Бьянка рассмеялась, в чертах лица, как сквозь полупрозрачную кисею, на миг мелькнуло нечто нечеловеческое, словно гордый лесной зверь подмигнул хищным глазом.

Гаэтано, схватившись за перила крыльца, с трудом устоял на ногах. Отступить ему было некуда, колдовской смерч перегородил дорогу, прижав священника к дверям дома.

— ... — начало молитвы унесло ветром, он закашлялся, поперхнувшись ставшим вдруг твёрдым воздухом.

Солдаты начали заученно окружать ведьму, отвлекая её внимание в разные стороны. Бьянка только усмехнулась и раскинула руки в стороны, направляя шквал вокруг себя, нападающие отступили, прикрывая лица от леденящего урагана, обдирающего кожу. Санктификатор, державшийся за спинами стражников, на секунду прикрыл глаза, шевельнул губами, и поток энергии метнулся к колдунье, разбив воздушный щит. Она взметнула раскрытую ладонь в сторону мага-инквизитора, отправив тому в лицо сверкнувшую ярко-зелёным светом молнию. Тот скривился от напряжения, на лбу выступили капельки пота, но отвёл атаку в сторону. Противники стояли друг друга, и следующее заклятье еретички схлестнулось с божественной силой над серединой двора. Обычно невидимая глазу энергия молящегося проявилась ярко-золотой вспышкой, напоровшись на очередную бьянкину молнию. Между двумя борющимися сторонами завертелся зелёно-золотой смерч, как будто две стихии сплелись в предсмертных объятиях. Ладони ведьмы продолжали вливать силу в заклинание, порождая всё новые мелкие молнийные разряды. Усмешка на губах ворожеи светилась лёгким безумием, свойственным пьяным или идущим на смерть. И увлечись процессом сдерживания нападения, Бьянка не заметила, что санктификатор успел подготовить новый удар. Волна обжигающей боли пришла откуда-то справа, свалив колдунью на землю. Девушка поднялась, путаясь в пышной юбке, на лице уже не было улыбки, из носа резвой струйкой сочилась кровь.

Стражники, которых она потеряла из виду, сосредоточившись на магическом поединке, знали своё дело отлично. Они продолжали тихонько сужать полукольцо вокруг сопротивляющейся еретички, и один из солдат, дождавшийся подходящего момента, сумел подойти к Бьянке достаточно близко, чтобы накинуть ей на горло удавку. Девушка забилась в тщетной попытке глотнуть воздуха, стараясь удержаться на краю пропасти бессознания.

— Хватит! — Гаэтано перехватил руку воина, заставив ослабить душающее давление. Второй стражник уже сноровисто связывал колдунью руки за спиной.

Грудь Бьянки судорожно поднималась и опускалась, глаза, вновь ставшие обычными, человеческими, несумасшедшими, взирали на любовника с мольбой и неверием. Она больше не пыталась сопротивляться. Гаэтано заметил движение губ, но ведьма не смогла ничего сказать, ей и дыхание давалось с трудом. Инквизитор отвернулся, бросил несколько указаний солдатам и пошёл прочь, не оглядываясь.

— Белоснежная, умоляю тебя, дай мне спасти твою душу! — губы священника были очень близко, глаза пристально оглядывали ведьму, словно он видел её в последний раз и старался запомнить каждую чёрточку в лице, каждую родинку на коже.

— Моя душа давно сгорела в адском пламени! — Колдунья рассмеялась, как бывало, ярко, жизнерадостно, зажгла дьявольскую искорку на дне зрачков. Только сейчас в смехе слышался загнанный глубоко внутрь ужас.

— Тогда я ничего не смогу сделать, чтобы предотвратить казнь. — В глазах священника полыхнуло беспощадное пламя.

— Так как вина неоспорима и подтверждена сопротивлением при аресте, не будем тратить время и сразу приступим к допросу под пыткой, — холодный, пустой голос отца Гаэтано резал душу Бьянки на части. Ведьме хотелось верить, что она просто снова видит свой давний кошмар, что вот-вот щекочущий лучик полуденного солнца разбудит её и тесные стены твердыни инквизиции останутся только чересчур ярким воспоминанием. Но верёвки врезались в запястья, и палач ехидно улыбался, предвкушая интересную работёнку. А знакомое до самой последней чёрточки лицо следователя-инквизитора стало вдруг жутким в своей безразличности.

Гаэтано прошёлся по камере, заложив руки за спину, бросил вопрос через плечо, даже не взглянув на ведьму:

— Бьянка, ты занимаешься запрещённой ворожбой?

— Да, святой отец.

— Посещаешь шабаши, встречаешься с другими ведьмами и колдунами?

— Да.

— Поклоняешься Дьяволу и его демонам?

— Я верю в старых богов, Гаэтано! Они не демоны, — девушка возмущённо вскинула голову.

Инквизитор споткнулся на ровном месте, услышав, как обвиняемая назвала его по имени, но продолжил допрос.

— Кто научил тебя колдовству?

— Моя мать. Но она давно мертва, и я не знаю, где её могила. Так что сжечь сможете только в изображении, — слова Бьянки сочли сарказмом.

— Отвечай только на заданный вопрос! Кто из горожан обращался к тебе за зельями или другой ведьмовской помощью?

Ведьма молчала.

— Начинайте.

Палач повернул колесо, руки колдуньи вывернулись вверх и назад. Мышцы и суставы возмущённо застонали, в тот же миг вспомнив прошлый допрос, словно не прошло четыре года.

Бьянка кричала недолго, опять повторилось то же самое, что и во время первого процесса, — обморок, из которого почти невозможно вывести, странная улыбка на лице.

Серые волчьи тени вели ведьму за собой через дремучую чащу, подставляли загривки под маленькую девичью ладонь, а где-то впереди заводил лунную песнь матёрый вожак.

Гаэтано сидел в кабинете за столом, уронив голову на руки. Глухая тишина давила со всех сторон, но инквизитору до сих пор казалось, что в ушах звучит крик. А сквозь крики

прорывается жизнерадостный, колокольчиковый смех и шёпот в ночи.

Когда Бьянка в очередной раз потеряла сознание, Гаэтано, тяжело вздохнув, приказал приготовить всё необходимое для пытки водой.

Ведьма забилась в безуспешной попытке высвободиться от впивающихся в руки и ноги верёвок, льющаяся в горло вода не давала вздохнуть. Когда поток воды прервался, раздался вопрос:

— С кем ты встречалась на шабашах? Назови имена.

Девушка хрипло дышала, пытаясь задержать краткий миг блаженства — поймать измученными лёгкими побольше затхлого, пахнувшего факельным дымом и отчаянием, но всё равно такого сладкого воздуха. Заговорила она не сразу, так что это уже можно было расценить как отказ отвечать, но отец Гаэтано терпеливо ждал.

— Я не знаю их имён, любимый.

Инквизитор сжал виски руками и севшим голосом сказал:

— Продолжать.

Стражник швырнул безвольное тело Бьянки на каменный пол, скрипнули дверные петли, лязгнул тяжёлый засов. Девушка всё никак не могла отдышаться, время от времени заходила в безостановочном кашле. «Боги, как же больно...» Боль благодатно устроилась в теле ведьмы, не собираясь покидать его: саднили следы от пут, там где верёвки содрали нежную кожу, стонали суставы, колело в груди, из носа лениво текла густая кровавая струйка. На фоне темноты закрытых век маячило лицо Гаэтано, искажённое от невыносимого мучения. Таким она его не видела никогда, на допросе он старался выглядеть спокойно-бесстрастным, но Бьянка видела отчаяние, бившееся за глухими непроницаемыми стенами чёрных глаз.

Колдунья немного пришла в себя, когда запор на двери снова загромыхал. «Не так быстро! Я не могу снова!» — вскричало измученное тело. В камеру зашёл не охранник, а главный следователь. В голове Бьянки засуетились путающиеся мысли, она плохо понимала, что происходит. Как будто во сне вернулась та ночь, когда они с инквизитором впервые сказали друг другу слова любви.

— Зачем ты пришёл?

Мужчина опустил на пол рядом с ведьмой, помог ей сесть и устроиться поудобнее, опершись ему на плечо.

— Зачем, Гаэтано? Перед кем притворяться? Ты же ненавидишь меня! Еретичку! — голос Бьянки звенел от слёз.

— Я люблю тебя, Белоснежная.

Утверждение звучало невозможно, но девушка тут же прильнула теснее к инквизитору и тихо заплакала. Гаэтано осторожно гладил её рукой по плечам, покрывал лёгкими невесомыми поцелуями щёки, лоб, глаза.

— Бьянка, — шепнул он ей на ухо, — смирись, пожалуйста.

— Предать всех, кто мне верил, инквизитор? Предать себя? Нет. — Ведьма отрицательно головой. — Пока боги дают мне силы, я буду терпеть.

Кардинал говорил с участием, почти ласково:

— Для тебя, Гаэтано, наверное, трудно вести этот процесс. Если хочешь, я назначу другого следователя.

— Не надо.

— Я надеюсь, что ты отнесёшься к подсудимой непредвзято, сын мой.

— Не сомневайтесь, ваше высокопреосвященство.

— Гаэтано, ведь в твоей власти это прекратить! Я больше не могу, сжался надо мной! Так больно, страшно... Ты можешь... Прошу тебя... — Бьянка захлёбывалась словами.

Чем дальше она говорила, тем тише и неуверенней звучал голос. Во взгляде инквизитора была такая непримиримость, что все мольбы оказывались бесполезными.

— Завтра будет вынесен окончательный приговор. Ты знаешь, каков он будет, Бьянка. Ночью придёт священник, чтобы исповедовать тебя. Это твой последний шанс раскаяться и получить лёгкую смерть.

— Я хочу исповедаться только тебе, святой отец.

Инквизитор, стоявший около порога камеры, вздохнул и приоткрыл дверь, собираясь уходить. В ответ на его молчание девушка тихо, но упрямо добавила:

— Иначе я не буду исповедаться совсем.

Так и не сделав шага наружу, Гаэтано с проклятьем захлопнул её. Бьянка уже стояла рядом, такая тоненькая, беззащитная, словно накрытая тенью надвигающейся страшной смерти. Она протянула ладонь, положила на грудь мужчины, привстала на цыпочки, потянувшись губами к губам. Гаэтано чуть отстранил её:

— Это тебе не поможет, ведьма.

Колдунья грустно улыбнулась:

— Четыре года назад ты тоже так говорил. Останься со мной, пожалуйста. Просто поговори.

Из горла Гаэтано вырвался стон, он сильно сжал колдунью в объятиях, так что она еле смогла сдержать крик.

...-А ты не верил, когда я говорила, что всё идёт по кругу в нашей жизни. В прошлый раз наша с тобой встреча здесь несла за собой спасение, сейчас — смерть, — Бьянка произносила слова медленно, успокаивая себя размеренным ритмом собственной речи. — Почему ты так поступил со мной?

— Я хотел дать твоей душе вечную жизнь. Прости меня, мне не удалось.

— Я полюбила тебя, инквизитор, за то, что ты всегда верен своим принципам. И ты любишь меня потому, что я еретичка. Разве нет?

Гаэтано кивнул. Закусив губу, он смотрел в низкий потолок темницы, на тусклый лунный блик.

— Это боги смеются, играя нашими жизнями, ставя их на карту. Никто не виноват...

— Замолчи, пожалуйста, — в уголке глаза священника сверкнула слеза, первая за эти бесконечные дни.

Костёр разложили по всем правилам — поверх дров набросали охапки мокрой соломы, чтобы пламя вспыхнуло не сразу, чтобы жар увеличивался постепенно. Чтобы продлить мучения грешной души по дороге в Ад. Бьянка стояла, привязанная к столбу, шурясь от

режущего глаза дневного света, такого непривычного после тьмы инквизиционных подземелий. Ведьма жадно вдыхала воздух, ловя запахи свежести и недостижимой свободы. Ужаса почему-то не было, будто он весь до капли растерялся по дороге к лобному месту, унёсся вслед за шквальным ветром. Улыбка тронула губы девушки, когда особенно сильный порыв воздуха растрепал волосы, погладил бледную кожу.

С высокого балкона ратуши слабо доносились слова приговора. За плечом Бьянки раздалось:

— Твоё последнее слово.

— Я верю в своих богов. Прости меня.

Взмах руки с балкона — факелы ткнулись в гору хвороста, солома протестующе зашипела, не желая загораться. Клубы дыма затмили от взора Бьянки ревущую в экстазе римскую толпу, но одновременно вызвали болезненный кашель, выворачивающий наизнанку истерзанные лёгкие. Пламя медленно, не спеша, расползлось по дровам. Жар стал нестерпимым, и ведьма закричала. Одновременно взбунтовавшийся ветер закружился вихрем над площадью, раздувая костёр в смертельную геенну, разбивая замыслы палачей, рассчитывавших на мучительную медленную казнь. Огонь ярко вспыхнул, унося мятежную душу нераскаявшейся колдуньи... то ли в Ад, то ли в чертоги древних богов.

КОНЕЦ.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Hands up! Surrender! (англ.) — Руки вверх! Сдавайся!